

165

Ежеквартальный
журнал ЮНЕСКО

museum

Музей,
грамотность
и борьба
с неграмотностью

ISSN 0255-0881

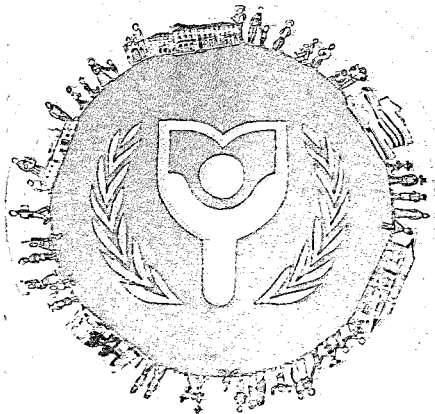

и проблемы музеев тихоокеанского региона

“Museum”, международный ежеквартальный журнал, посвященный теории и практике музейного дела, издается Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры в Париже.

Журнал выходит в Париже на английском, французском и испанском языках, в Каире — на арабском, в Москве — на русском.

№ 165, (№ 3, 1990)

*Первая страница обложки:
Рисунок Жюльена. Гуашь.*

Директор издания: Анна Райдл
Главный редактор: Артур Жиллет
Помощник редактора: Кристин Уилкинсон
Художественный редактор: Жорж Дюкре
Редактор издания на арабском языке:

Махмуд эль-Шениги
Редактор издания на русском языке:
Ирина Пантыкина

консультативный комитет

Ом Пракаш Агравал, Индия
Иззат Дин Башауш, Тунис
Крейг Блэк, США
Патрик Д. Кардон, генеральный секретарь
ИКОМ, ex officio
Гаэль де Гишен, ИККРОМ
Яни Эрреман, Мексика
Жан-Пьер Моан, Франция
Луис Монреаль, Испания
Сун Гиль Пак, Южная Корея
Лисе Скёт, Дания
В. А. Сулов, СССР
Роберто ди Стефано, ИКОМОС

Ответственность за подбор и изложение фактов в подписанных статьях несут сами авторы. Высказанные ими мнения могут не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО.

Встречающиеся в статьях формулировки и определения, которые касаются правового положения государств, территорий, городов и регионов, а также их управления или определения границ между ними, могут не отражать позиции ЮНЕСКО по затрагиваемым проблемам.

Перепечатка и перевод опубликованных материалов разрешены (за исключением тех случаев, когда указаны владельцы права на воспроизведение и перевод). При цитировании необходима ссылка на автора и источник.

Цитируем цитаты

«... столь прочная и долговечная каменная книга уступит место еще более прочной и долговечной книге — бумажной».

Виктор Гюго,
«Собор Парижской
богоматери»

«Музей, экспозиция которого предполагает чисто визуальное знакомство с памятниками, приобретает особую важность в странах, большинство населения которых не умеет ни читать, ни писать».

Сьюзен Стронг,
“Eastern Art Report”,
июль 1989 года

Издание на русском языке осуществляется издательством «Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО и Госкомпечати СССР.

Статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точками зрения советских ученых, а также редакции русского издания.

Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО/
Госкомпечать СССР/ЮНЕСКО

Объединенная редакция журналов
ЮНЕСКО на русском языке
Главный редактор: А. Мельников

“Museum”

Редактор русского издания:

И. Пантыкина

Редакторы: К. Панас, Е. Орджоникидзе
Художественное и техническое
редактирование: И. Цалкина

© ЮНЕСКО, 1990

© Перевод на русский язык
«Прогресс», 1990

Напечатано в СССР

К читателям

Редакция журнала “Museum” уведомляет читателей о том, что по не зависящим от редакции обстоятельствам выпуск номеров журнала осуществляется с некоторой задержкой.

Адрес главной редакции: ЮНЕСКО,
Франция, Париж, 75700,
Плас Фонтенуа, 7

Адрес русской редакции: 119847, ГСП,
Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17

Музеи, грамотность и борьба с неграмотностью

Проблемы музеев тихоокеанского региона

Содержание

От редакции: *Далекie миры* 3

МУЗЕИ, ГРАМОТНОСТЬ И БОРЬБА С НЕГРАМОТНОСТЬЮ

Во славу печатного слова

Поки Сун: *Книгохранилище Сонама: уникальная экспозиция в Южной Корее* 5

Корнелия Шнейдер: *Музей Гутенберга в Майнце* 8

Работа по борьбе с неграмотностью в прошлом и настоящем

Жан-Клод Лауффенбергер, Клер Пинье: *Музей истории образования во Франции* 12

Рашид Ш. Кукашев: *«Ликвидация неграмотности» — постоянная экспозиция в Музее Казахской ССР* 19

Орестес Мартинес Орамас: *Живое свидетельство необычного кубинского эксперимента* 22

Константино Санчес: *Из тьмы к свету. Национальный музей грамотности в Никарагуа* 25

Неграмотность не помеха

Колетт Моник Журден: *Национальный музей Нигера: народная культура не только для грамотных* 27

ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕВ ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Сорон Эоз: *Положение музеев тихоокеанского региона: необходимость коренных перемен* 29

Дональд Макмайкл: *Музеи и общественное сознание в странах Тихого океана* 31

Дениз Бреннан: *Национальный музей Фиджи: краткое описание* 34

Арапата Хакивай: *Снова при свете дня? Музеи и культура маори в Новой Зеландии* 35

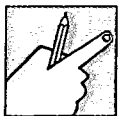
Роджер Роуз: *От «дома сокровищ» до «постоянного источника знаний»: столетие Музея Бишоп, Гавайские острова* 39

Культурные связи: Франция — Гавайи 45

Филипп Лер: *Западное Самоа: живой музей* 46

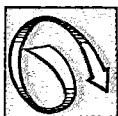
Интервью журналу «Улуру»: *австралийские аборигены в центре Парижа* 48
“Museum”

Рубрики

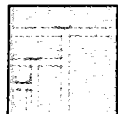
ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Эммануэль Анати: *Наскальное искусство — дописьменная документация* 51

ВОЗВРАЩЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Кристофер Андерсон: *Возвращение культурных ценностей законным владельцам: социальный процесс* 54

ХРОНИКА ВФДМ

Каролина Сервенти: *Австралийская федерация друзей художественных галерей и музеев* 56

ГОРОД И ЕГО МУЗЕИ

Пекин 57

Один день из жизни музеев Пекина — 4-я страница обложки

Ци Цзисян, Цинь Бэйе: *Городской конкурс «Знакомьтесь с музеями и достопримечательностями»* 58

На разные темы...

Новый президент ИКОМ: Альфа Умар Конаре дает интервью журналу "Museum" 61

Сюзанна Питерс, Шанталь Фуке: *Где можно получить информацию о музеях, памятниках и исторических местах?* 63

От редакции

Далекie миры

Около трети взрослого населения нашей планеты не умеют читать.

Эти люди либо никогда не учились грамоте (сто миллионов детей до сих пор не имеют возможности посещать школу), либо их уровень овладения чтением, письмом и счетом настолько низок, что они остаются «функционально неграмотными».

Казалось бы, мир неграмотных и музейный мир — две разные планеты. Ведь неграмотные видят в музее чуждое, а то и враждебное им социально-культурное учреждение. И не служит ли умение читать (вывески, этикетки, брошюры, каталоги, надписи во время аудиовизуальных демонстраций) непременным условием посещения музея?

Почему же журнал “Museum” решил отметить выпуском данного номера 1990 год, объявленный Организацией Объединенных Наций Международным годом грамотности?

Ответ прост: грамотность и усилия по ее обеспечению составляют неотъемлемую часть истории каждого народа и коллективной истории человечества. Так, в XII веке в Корее появился подвижной металлический шрифт, а триста лет спустя Гутенбергом был изобретен европейский способ книгопечатания. Нет ничего удивительного в том, что музеи, о которых рассказывается в настоящем выпуске, отражают в своих экспозициях эти великие вехи на пути человечества к коммуникации.

О том, что без распространения грамотности невозможно развитие демократии в XX веке, напоминают нам музеи Франции (проблема универсализации начального образования), Кубы, Никарагуа и Казахстана (кампании по ликвидации неграмотности среди взрослых и неучащейся молодежи).

Письменность и грамотность как часть истории составляют, таким образом, законную область музейной работы. В своей статье, помещенной в постоянной рубрике журнала «Откровенный разговор», Эммануэль Анати оспаривает общепринятое положение, согласно которому история как свод информации о прошлом человечества (главный предмет заботы музеев) началась с появления письменного слова. По мнению Анати, наскальное искусство, существовавшее задолго до возникновения письменности, является и важнейшим историческим свидетельством. Именно взаимосвязь проблем письменности, грамотности и истории обусловила наше решение посвятить данный номер Международному году грамотности.

Другая, быть может, менее явная причина этого заключается в том, что музеи могут не только фиксировать и отражать события и действия, но и принимать активное участие в борьбе с неграмотностью.

Борьба с неграмотностью означает для музеев прежде всего признание того факта, что в странах с высоким (а иногда и

не очень высоким) уровнем неграмотности многие потенциальные посетители остаются без внимания или вообще не принимаются в расчет музеями, ориентирующимися на просвещенную элиту. Однако статья о Национальном музее Нигера свидетельствует, что, даже когда большинство населения неграмотно, музей может, не снижая уровня своей деятельности в музеологическом и музеографическом плане, стать истинно народным центром образования и культуры. Отрадно также сознавать, что в разработанной ИКОМ стандартной программе обучения музейных кадров обращено особое внимание на подготовку специалистов к работе с неграмотными посетителями. Но нужно признать, что наш журнал не смог найти ни одного учреждения, где бы осуществлялось такое обучение.

Ничего не известно и об участии музеев в работе по распространению грамотности, хотя логика подсказывает, что это могло бы стать одним из направлений в просветительной деятельности музеев.

Если музеи вносят свой вклад в обучение детей дошкольного и школьного возраста, то почему бы им не заняться и образованием взрослых? Некоторые коллекции могли бы послужить основой при организации учебных программ, базирующихся на реальной жизни, а не только на книгах. И разве не должно входить в функции музеев обучение собственных неграмотных сотрудников или оказание им соответствующей помощи. Отдельные музеи сдают свои помещения для проведения приемов. Но ведь их залы, аудитории, аудиовизуальное оборудование можно было бы использовать и для занятий по обучению грамоте.

Мы привели лишь несколько примеров возможного участия музеев в решении данной проблемы и надеемся, что Международный год грамотности даст новый импульс деятельности музеев, связанной с распространением грамотности, что эти два мира сблизятся, между ними наладятся тесные и постоянные контакты и сотрудничество, что в конечном счете приведет к симбиозу.

Вторая большая тема номера — развитие музейного дела в странах Тихого океана.

«При чем здесь Тихий океан,— спросил как-то один из друзей нашего журнала,— это ведь так далеко!»

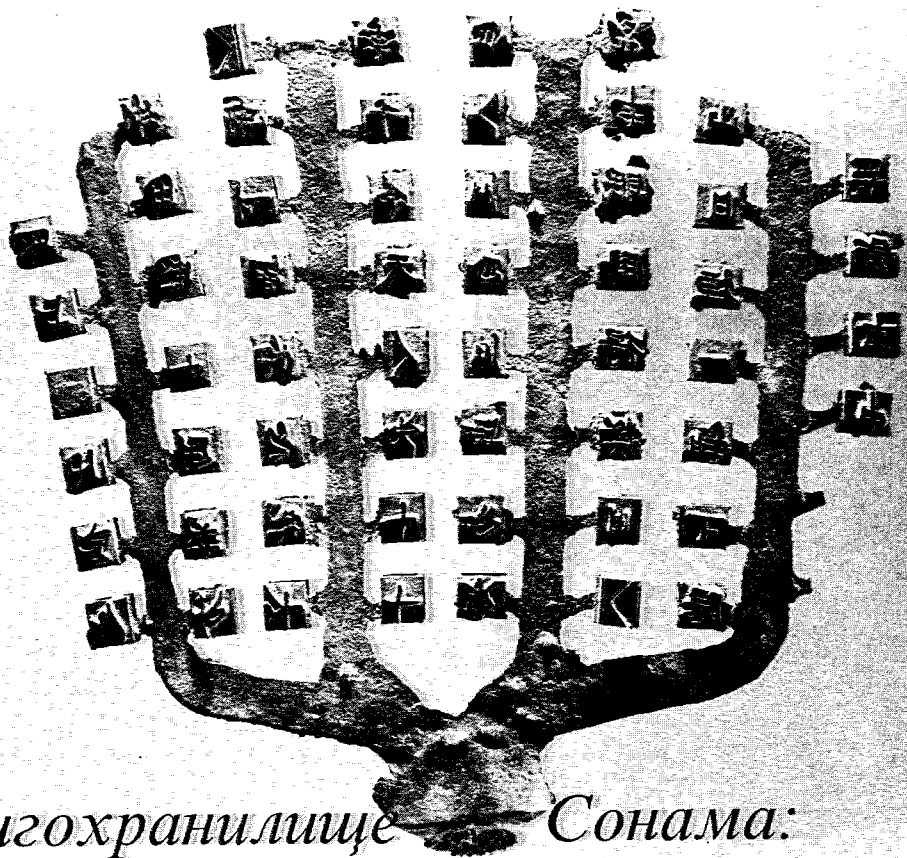
«Далеко от чего?» — спросили мы в ответ.

Мы надеемся, что и здесь произойдет сближение далеких миров, чему будут способствовать статьи, включенные в данный раздел. Они убедительно показывают, что сегодня расстояние во времени или пространстве — понятие относительное, что многие музеи стран Тихого океана находятся в завидно тесной, постоянно крепнущей связи с окружающим их сложным миром и критически оценивают свою работу.

Столкновение традиций и современности; уважение и терпимость, рождающиеся в некогда напряженных многорасовых и многоэтнических обществах; растущее стремление к управлению — даже на паритетных началах — коллекциями, относящимися к истории людей, живших здесь до прихода европейцев,— мы уверены, что эти и другие проблемы тихоокеанских музеев, о которых рассказывается на страницах нашего журнала, могут стоять перед любыми музеями, где бы они ни находились, а многое из напечатанного окажется даже поучительным для них.

Хотелось бы знать, показались ли помещенные в данном номере статьи о музеях стран Тихого океана «далекими» от *Ваших* собственных проблем и забот.

МУЗЕИ, ГРАМОТНОСТЬ И БОРЬБА С НЕГРАМОТНОСТЬЮ

Во славу
печатного
слова

Бронзовый шрифт, представленный в виде ветви (осуществленная автором систематизация различных техник отлива).

Книгохранилище Сонама: уникальная экспозиция в Южной Корее

Поки Сун
(Pokee Sohn)

Родился в 1922 году. Бакалавр гуманитарных наук и магистр гуманитарных наук, Сеульский государственный университет. Доктор философии, Калифорнийский университет (Беркли, США). Был ассистентом профессора Сеульского государственного университета, профессором, деканом и директором музея при Йонсейском университете. В настоящее время является директором Корейского института доисторического периода. Член ИКОМ. Автор нескольких книг, в том числе: "A History of Korea" (История Кореи), 1970 (в соавторстве), в 1984 году изданная на английском языке Корейской национальной комиссией по делам ЮНЕСКО; "Early Korean Typography" (Книгопечатание в древней Корее), 1982 (на корейском, английском и японском языках); Подвижной металлический шрифт и печатание, 1984 (на корейском языке); Книгопечатание эры Седжонг, 1987 (на корейском языке); Путеводитель по изучению раннего каменного века в Корее, 1988 (на корейском языке).

Южная Корея известна как страна с высоким уровнем грамотности народа. Именно этим во многом объясняются успехи в ее экономическом развитии, а также социальная и политическая активность населения: Как был достигнут такой уровень грамотности?

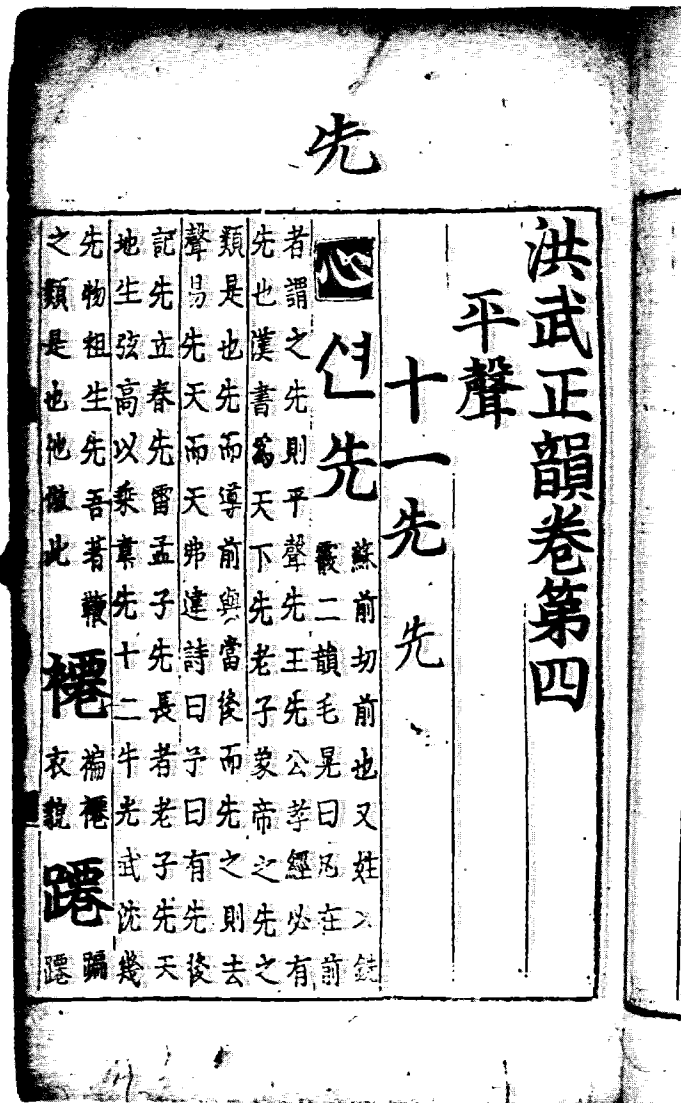
Прежде всего следует упомянуть о том, что в Корее родители стремятся дать своим детям самое лучшее образование. «Если хочешь хорошо жить, то ты должен хорошо учиться», «Ты сможешь выжить, только если у тебя есть знания» — вот слова, которые корейские школьники хорошо знают с детства. Важно также, что научно разработанный корейский алфавит очень прост, — его можно выучить и за полчаса. Он состоит из десяти гласных и четырнадцати согласных, в сочетании дающих любой звук.

Корейцы в основном стремятся получить образование для того, чтобы

найти свое место в обществе, выработавшем на протяжении истории конкурентную систему оценивания, особенно среди образованной части традиционного общества. Представители средних слоев населения, не имевшие привилегий высших классов, были астрономами, математиками, медиками, переводчиками, живописцами, занимали административные должности. Все они сдавали экзамены по определенным дисциплинам. Чиновники и офицеры тоже сдавали экзамены, хотя они обладали большими привилегиями.

Появление подвижного
металлического шрифта
(XII век)

При такой конкурентной системе, существовавшей с VIII века, особенно необходимы были книги, позволявшие

Отпечатки сделаны с шрифта 1434 года (малый шрифт) и с деревянного шрифта 1455 года (крупный шрифт) для словаря рифм. Корейский алфавит был добавлен к китайским иероглифам.

лучше подготовиться к экзаменам. Требовались и книги религиозного содержания. В связи с этим возникла потребность в их тиражировании. Однако печатание книг осуществлялось не только в коммерческих, но и в просветительных целях. Таким образом, Корея имеет богатые традиции книгопечатания, причем с VIII и вплоть до начала XX века использовались древние технологии.

Даже после изобретения подвижного шрифта (типографского) продолжалось печатание с деревянных блоков — ксилографским способом. У него были свои преимущества (например, при повторном печатании с оригиналов) и свои недостатки: высокие затраты труда, большой расход древесины; к тому же для хранения блоков требовалось много места. Типографский же способ экономичен, подвижной шрифт занимает мало места, он удобен для печатания различных заголовков, так как типографский набор может быть разобран и сложен заново для другого заголовка.

В Сеуле в Книгохранилище Сонома находится большая коллекция изданий, напечатанных ксилографским способом, начиная с XII и кончая XIX веком. Это труды по истории, философии, буддизму, учению Конфуция, географии Кореи и Китая, а также антологии, отдельные работы. Здесь хранится большое количество ценных священных буддийских книг и произведений классиков конфуцианства XIII—XVI веков.

Среди деревянных печатных блоков есть очень ценное издание XIII века «Самгук Саги», или «История трех государств» (I век до н. э. — VII век н. э.), идентичное оригиналу 1145 года. К числу жемчужин коллекции относятся и три издания конца XIV, XV и XVI веков «Корёса» (история династии Корё с X по XIV век). Необходимо также отметить некоторые уникальные типографские издания 1395 года — свитки, пожалованные королем Сон Ге, основателем династии Ли, своим подданным в знак их особых заслуг.

Подвижной деревянный шрифт был легок в изготовлении, с него сразу можно было печатать. Начало использования подвижного металлического шрифта относится к XII веку, но широкое применение он получил после появления в 1403 году шрифта Киемунча. В нашей коллекции экспонируются различные издания, напечатанные этим шрифтом. Все упомянутые издания отнесены к национальному достоянию (категория в утвержденной правительством классификации). Книгохранилище Сонома располагает большим, чем какая-либо иная книжная коллекция Южной Кореи, количеством изда-

ний, являющихся национальным достоянием.

Всем, кто интересуется книгами или иной типографской продукцией, стоит посетить наше книгохранилище, где можно найти практически любое корейское издание.

Использование при наборе палочек для еды

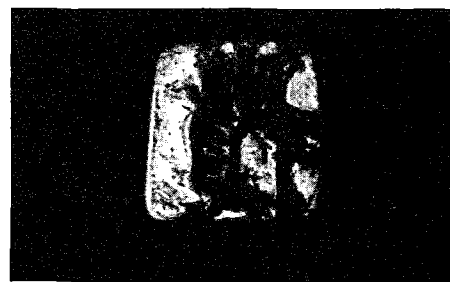
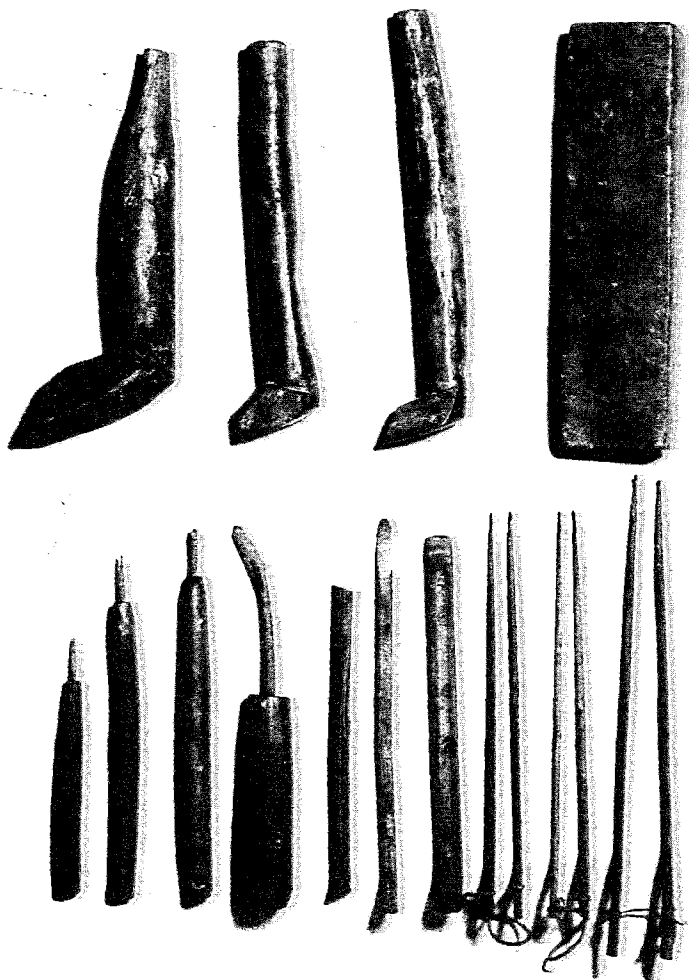
В нашем музее можно увидеть печати, сделанные из различных материалов (дерева, глины, керамики, бронзы, латуни, железа, нефрита), а также проследить за развитием техники резьбы, гравировки, отливки.

Экспонируются в музее предметы, использовавшиеся при наборе и печати, например палочки для еды, с помощью которых вынимали литеры, ножи для воска, пробельный материал, ракели и деревянный молоток для выравнивания набора. Особую ценность представляют предметы, в свое время бывшие в употреблении. К ним относится керамический шрифт XIV века, имеющий специальные отверстия для

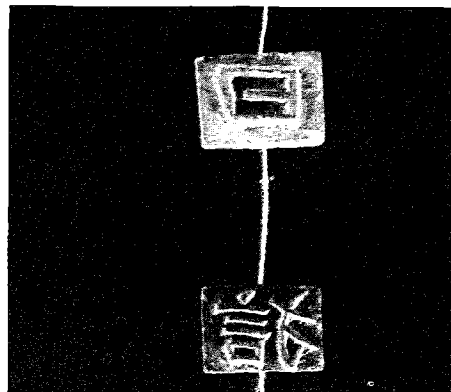
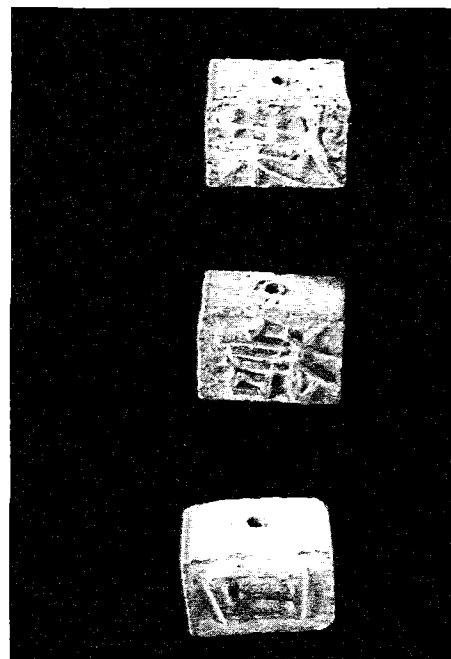
пропускания стягивающей нити. Среди других ценных экспонатов можно назвать бронзовые шрифты XVII и XVIII веков, а также глиняный шрифт XVII века.

Музей книги, или Книгохранилище классической литературы Сонама, находится в центре Сеула у городской ратуши, в районе, где много больших гостиниц. Но несмотря на то, что музей легко доступен, посетителей в нем бывает мало, а ведь это один из редчайших центров, посвященных истории книгопечатания, обладающий к тому же уникальными коллекциями.

Музей-книгохранилище Сонама создан по инициативе и на основе дара частного лица. Коллекции музея растут, и он ощущает нехватку площадей. Сейчас при содействии государства строится новое здание музея книгопечатания в Чхонджу. Хотя его собрание не столь велико, как Книгохранилище Сонама, новый музей сможет уделить больше внимания технике книгопечатания. ■

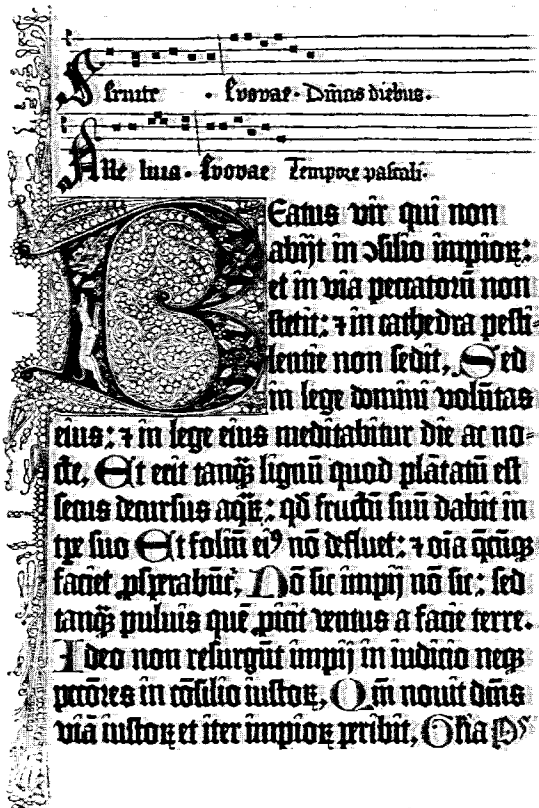

Бронзовый шрифт XII века (около 1160 года).

Керамический шрифт с отверстиями для нити.

Печатные принадлежности: уровни, деревянный пестик, нож из бамбука, палочки для еды и другие инструменты.

Gutenberg Museum

Майнцская псалтырь 1457 года. Хотя идея создания псалтыри принадлежала Гутенбергу, она была издана Иоганном Фустом, выигравшим у изобретателя судебный процесс, и Петером Шёффером.

Корнелия Шнейдер
(Cornelia Schneider)

Хранитель коллекции книги и печатного искусства XV—XVIII веков в Музее Гутенберга (Майнц, ФРГ).

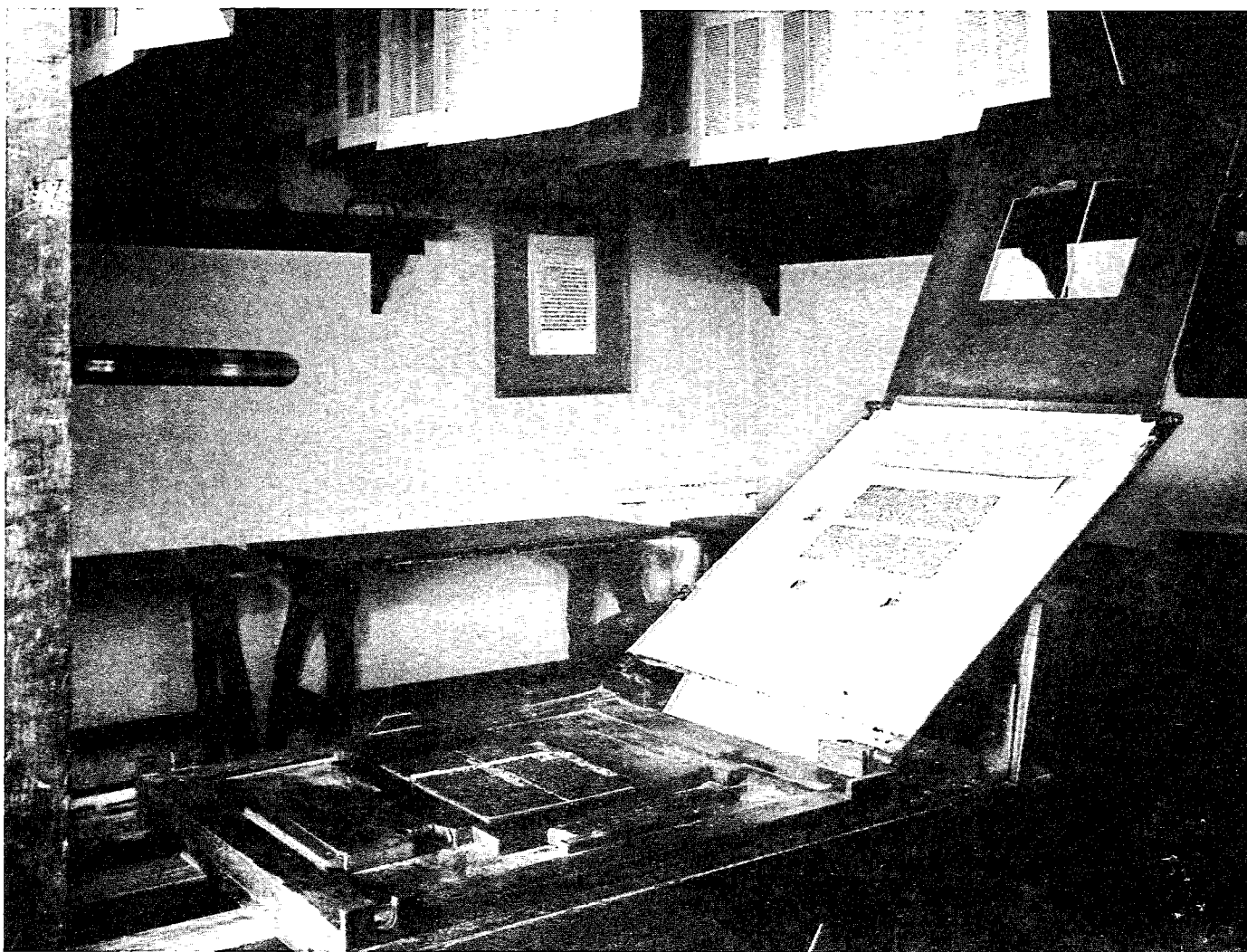
Мы очень мало знаем об Иоганне Генсфлейше, более известном теперь как Гутенберг. Точная дата его рождения не установлена, не сохранилось никаких сведений о его детстве и юности. И даже те немногие данные о жизни Гутенберга, которыми мы располагаем, давно были бы преданы забвению, если бы в середине XV века этот сын патриция из Майнца и дочери купца не изобрел нечто такое, что изменило мир: печатание с наборной формы.

Правда, как полагают, в период между 1041 и 1049 годами китаец по имени Би Шэн сделал подвижной шрифт: он изготовил из глины литеры, подверг их обжигу, затем расположил на доске в зеркальном отражении и сделал с полученной формы оттиски. Верно и то, что начиная с 1234 года в Корее использовался подвижной шрифт из металла (меди, латуни, железа или олова). Однако техника воспроизведения все время оставалась одной и той же: мастер накладывал на покрытую краской печатную форму лист бумаги и проводил по нему рукой или подходящим по форме инструмен-

Таким образом печатались книги во времена Гутенберга. В Музее Гутенберга демонстрируется изобретенный Гутенбергом процесс печатания и объясняются его основные принципы.

Музей Гутенберга в Майнце

том (чем-то вроде шарика или подушечки для накачивания краски современного печатника), прижимая лист к форме крепко и по возможности равномерно. В результате этого весьма трудоемкого процесса получался оттиск, просвечивающий насквозь, так что нельзя было печатать на обратной стороне. Кроме того, обычно краска наносилась на лист неравномерно, поскольку мастер делал оттиск «вслепую» и видел результаты своей работы только тогда, когда было невозможно что-либо исправить. И именно Гутенберг, вероятно ничего не зная об азиатской технике книгопечатания, первым разработал технологический процесс, позволяющий печатать с обеих сторон листа и за относительно короткое время делать большое количество оттисков, причем краска ложилась на лист равномерно. О преимуществах его изобретения свидетельствует не только тот факт, что новый метод с необыкновенной скоростью распространился по всему миру и заменил собой создание рукописных книг, но и то, что этот сложный технический процесс

Gutenberg Museum/Ludwig Richter

продолжал в более или менее неизменном виде использоваться вплоть до распространения в середине XX века техники фотонабора.

Человек и изобретатель

Гутенберг не был первым человеком, использовавшим подвижной шрифт, но его изобретение оказало влияние на развитие науки и культуры на Западе в переходный период от средневековья к новому времени, о чем он, конечно, никогда не смел и мечтать. Книгопечатание с использованием подвижного шрифта впервые сделало возможной публикацию научных открытий, новых политических теорий, религиозных идей и доктрин, литературных трудов, и — более того — сравнительно крупными тиражами при относительно небольших расходах. Изобретение Гутенберга способствовало широкому просвещению народа, созданию новых отраслей производства, оно ускорило технический и научный прогресс. Во время путешествия, результатом которого

стало открытие Америки, Христофор Колумб пользовался сведениями в области географии, астрономии и навигации, взятыми из печатных книг. Возможно, что и Реформация пошла бы совсем иным путем, если бы не книгопечатание с помощью подвижного шрифта, позволившее быстро донести идеи Лютера до широких масс.

Но хотя изобретение Гутенберга с триумфом распространилось по всему миру, сам изобретатель вскоре был предан забвению. Лишь в 1741 году Иоганн Давид Кёллер пишет книгу *Заслуженное и тщательно установленное по сохранившимся источникам воссоздание чести Иоганна Гутенберга*. И прошло еще 160 лет, прежде чем город Майнц основал небольшой музей в память о своем великом сыне. С тех пор Музей Гутенберга ведет большую работу, стремясь к тому, чтобы не только знакомить публику с гениальным изобретением (музей ежегодно посещают 160 тысяч человек из разных стран мира), но и раскрывать его значение и далеко идущие последствия.

С 1962 года Музей Гутенберга

располагает 2336 м² экспозиционной площади. Экспозиция начинается с небольшого раздела, рассказывающего о том, каким сложным и трудоемким был процесс изготовления книги до Гутенберга. На печатном станке, являющемся точной копией станка Гутенберга, печатник музея демонстрирует нововведения изобретателя. Он также показывает, как используется в производстве подвижного шрифта отливной аппарат монотипа, и привлекает посетителей к другим тайнам печатного дела. Затем они получают возможность полюбоваться результатами этого процесса, кажущегося в наши дни компьютерных типографских машин и фотокопирования довольно длительным (Гутенбергу потребовалось примерно три года, чтобы напечатать около двухсот Библий). В музее можно увидеть три тома его 42-строчной Библии, а также экземпляр Майнцской псалтыри. Хотя идея создания псалтыри принадлежала Гутенбергу, она была издана Иоганном Фустом, выигравшим судебный процесс у изобретателя, и Петером Шёффером. Вели-

колепные декоративные инициалы в ней уже не раскрашены от руки (как было в Библиях), а отпечатаны с использованием краски двух цветов, что явилось огромным техническим достижением. Представленный в экспозиции фрагмент «Сивиллиной книги» обычно не производит сильного впечатления. Но этот небольшой лист бумаги чрезвычайно ценен, поскольку он является самым ранним дошедшим до нас изданием, напечатанным с наборной формы Гутенберга, возможно, между 1440 и 1444 годами, в его страсбургский период, то есть даже раньше, чем 42-строчная Библия.

Следующий раздел посвящен распространению изобретения Гутенберга. Здесь представлены инкунабулы из Майнца, Аугсбурга, Нюрнберга, Ульма, Страсбурга, Венеции, Флоренции, Рима, Парижа и других европейских городов — такие известные книги, как *Путешествие в Святую землю* Бернхарда фон Брейденбаха, *Золотая легенда* Иакова Воражинского, «*Нурнеготомачиа*» Франческо Колонны, *Книга*

хроник Гартмана Шеделя, Библии и часословы. Они свидетельствуют не только о быстром распространении в мире нового ремесла, но и об эстетических достоинствах этой ранней печатной продукции.

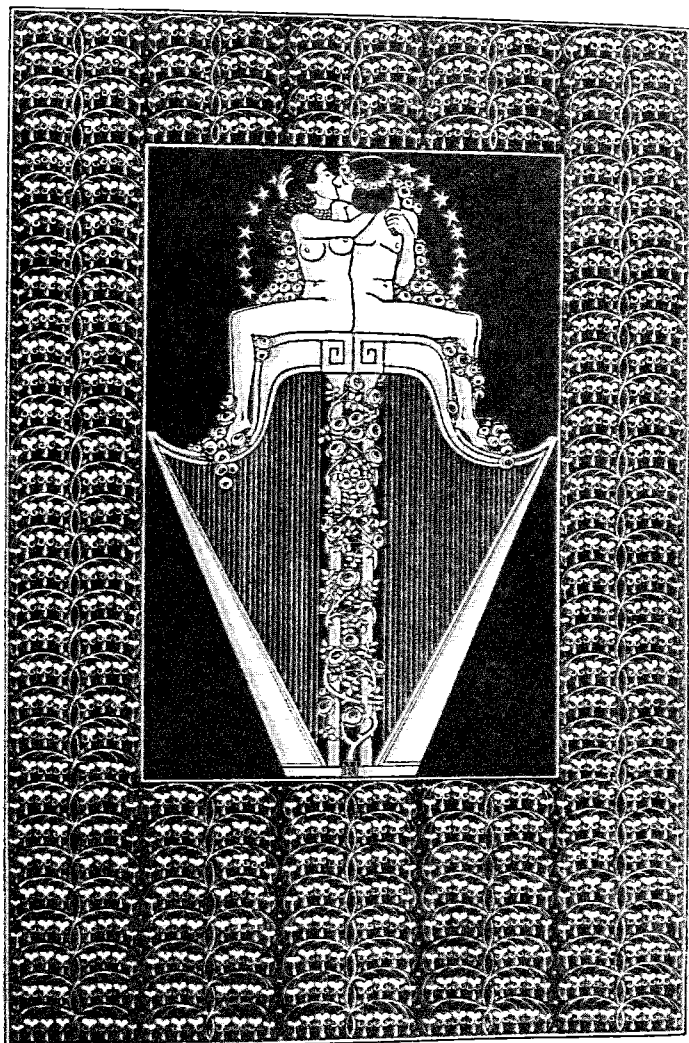
От Ренессанса до югендстиля

В другом разделе экспозиции посетитель может проследить дальнейшее развитие западных техник книжного производства. Здесь есть труды гуманистов с бесценными гравюрами на дереве мастеров Возрождения, элегантно иллюстрированные книги эпохи барокко и рококо, строго оформленные издания классицизма, дорогостоящая печатная продукция югендстиля (стиль модерн) и современные издания, а также ценные экспонаты из стран Азии.

Посетителю Музея Гутенберга не следует рассчитывать на встречу ни с *Лаокооном*, ни с *Моной Лизой*, оказывающими на человека эмоциональное или эстетическое воздействие с помощью драматических жестов либо загадочной улыбки. С точки зрения материальной ценности книги, экспонирующиеся в Музее Гутенберга, вполне выдерживают сравнение с произведениями искусства из других музеев. Но несмотря на свою несомненную зрительную привлекательность, они требуют совершенно иного подхода: книги являются функциональными предметами, смысл которых в первую очередь заключен в содержании текстов. Они предназначены для публики — как для современников, так и для будущих поколений, — и утрачивают свое назначение, если не имеют читателей. Кроме того, само существование книг является доказательством высокого культурного уровня создавшего их общества. Производство книг предполагает наличие не только соответствующих материалов и машин (папируса, пергамента, бумаги, чернил, кистей, туши, красок, пишущей машинки или печатного станка), но и духовных ценностей (они могут создаваться заново или передаваться из поколения в поколение), а также текста, в котором эти ценности увековечены, и людей, которые принимают информацию и способны расшифровать сообщение и постичь его сущность.

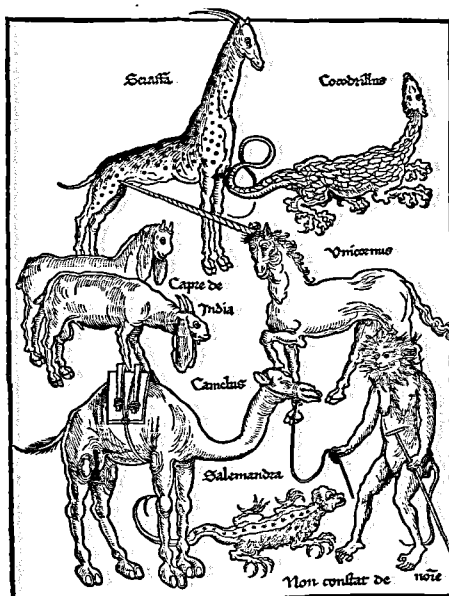
При ближайшем рассмотрении книга дает дополнительную информацию. Из ее содержания мы узнаем о развитии литературы, культуры, науки и духовной жизни. Ее оформление, в том числе художественное, позволяет судить об эстетических тенденциях.

Фридрих Вильгельм Клойкенс, художник югендстиля, является автором этого титульного листа к *Песне песней*. 1909 год.

Рассматривая книгу, мы получаем представление о техническом уровне производства, а ее происхождение и история изготовления рассказывают нам об условиях жизни определенного времени. Для монаха, проводившего в средневековом скриптории целые годы за переписыванием и иллюстрированием кодекса, прославляющего Бога, книга значит совсем не то же самое, что для процветающего представителя богемы Уильяма Морриса, стремящегося в своем издательстве «Колмскотт-пресс» возродить искусство книги, или рабочего типографии, печатающей газеты. Разным ценностным критериям отвечают великолепно оформленные часословы, написанные от руки и подаренные знатным женихом своей невесте, с тем чтобы она могла пользоваться им постоянно на протяжении всей жизни, и дешевое издание приключенческого или детективного романа, купленное на бегу в киоске при железнодорожном вокзале и оставленное в вагоне по прибытии на место.

Благодаря изобретению Гутенберга все, что автор хотел предложить вниманию публики, могло быть напечатано — на самой дешевой или на самой лучшей, изготовленной вручную бумаге, ксилографским или фотоспособом, на ручном станке или на офсетной печатающей машине. Это политическая литература и любовные стихи, последние новости и древняя история, музыкальные произведения и астрономические таблицы, объявления и Священное писание, произведения классического искусства и работы мастеров «минимального искусства». Вот почему Музей Гутенберга не ограничивается экспонированием наиболее значительных образцов печатного искусства, созерцание которых доставляет удовольствие. Здесь можно познакомиться со множеством аспектов того, что связано с книгой, чтением и письмом, бесчисленными видами печатной продукции разного уровня, техническим прогрессом и культурой печатного дела. Посетитель узнает в музее о производстве бумаги, переплетном искусстве, эволюции переплетов и шрифтов, а также о плакатах, экслибрисах, гравюрах, детских книжках с картинками и такого рода продукции, как почтовые марки и банкноты, этикетки для винных бутылок и художественные почтовые открытки, денежные ассигнации и игральные карты. В экспозиции рассказывается о технологическом процессе создания иллюстраций. Представлено различное оборудование: отливной аппарат монотипа, печатная и наборная машины и другая аппаратура — начиная с самых ранних дней

Haec animalia sunt veraciter depicta sicut vidimus in terra sancta
Gutenberg Museum

развития печатного дела и до настоящего времени.

Разнообразие экспозиции и методов показа

Экспозиция музея поражает разнообразием представленных предметов и методов их показа, однако посетителю трудно самостоятельно разобраться в таком обилии экспонатов. На помощь ему приходят информационные средства — экскурсии, экспликации, фильмы, каталоги, призванные помочь сориентироваться в красочном мире книг. Организуется также демонстрация технических процессов: Можно понаблюдать за работой печатного станка (такие показы организуются ежедневно), а иногда, например, увидеть, как изготавливают бумагу или делают переплеты. Кроме того, Музей Гутенберга устраивает специальные выставки по отдельным темам или проблемам, находящимся в центре внимания издательских учреждений и типографских предприятий. Выставки могут быть посвящены инкунабулам, печатным изданиям молодых художников-авангардистов, книгам с картинками, часословам, пишущим машинкам и т. д. Посетители, которым не удалось в ходе осмотра экспозиции получить ответ на все их вопросы, могут позаниматься в библиотеке музея, а самых неутомимых любителей книги сотрудники Музея Гутенберга приглашают посетить его еще раз.

Животные и люди, увиденные майнцским каноником Бернхардом фон Брейденбахом и описанные им в книге *Путешествие в Святую землю*, опубликованной в 1486 году.

В 1680 году Мария Сибилла Мериан опубликовала книгу образцов для вышивки и живописи — *Новую книгу цветов*, медные оригиналы для которой она выгравировала сама.

Gutenberg Museum

Работа по борьбе
с неграмотностью
в прошлом
и настоящем

Музей истории образования во Франции

Жан-Клод Лауффенбергер
(Jean-Claude Lauffenberger)

Директор Центра педагогической документации департамента Об и руководитель Музея истории образования. Окончил Высшую школу социальных наук в Париже. Автор работ "Enseignement en Champagne méridionale, au moyen âge et sous l'ancien régime", "Autrefois Troyes ... portes et remparts".

Клер Пинье
(Claire Pigné)

Окончила Технологический институт Дижонского университета (информация) и Высшую школу социальных наук в Париже. Занималась изучением учебников для начальной школы, выпущенных с 1800 по 1914 год. Работает в отделе документации Музея истории образования департамента Об.

Создание в Париже в 1879 году, спустя год после Всемирной выставки, Музея образования было связано с тем, что школьное образование стало предметом конфликта, в котором столкнулись позиции государства и церкви, республиканцев и консерваторов. Одни доказывали, что школа, просвещающая с помощью обучения, связана с идеями республиканцев, а значит, родилась вместе с революцией 1789 года. Другие утверждали, что у истоков грамотности во Франции всегда стояла церковь, еще при королевской власти открывшая во многих районах страны небольшие школы. Стоит, по-видимому, обратиться непосредственно к фактам.

Когда примерно в 1880 году министр Жюль Ферри решил сделать школьное образование светским, бесплатным и обязательным, уже существовала определенная традиция обучения, хотя оно и велось на чисто добровольной основе и крайне бессистемно. В 1977 году Ф. Фюре и Ж. Озуф писали, что перед Жюлем Ферри стояло по крайней мере три задачи: открытие столь недостающих (особенно в центральных и западных районах Франции) школ для девочек; создание школ во всех деревнях; решение вопроса о посещаемости школ посредством введения обязательного и бесплатного обучения. Следовало повысить эффективность начальных школ, чего можно было добиться, выделив им больше денег, расширив имевшиеся помещения и увеличив число учителей. Поскольку особенно не хватало учителей начальной школы, открыли

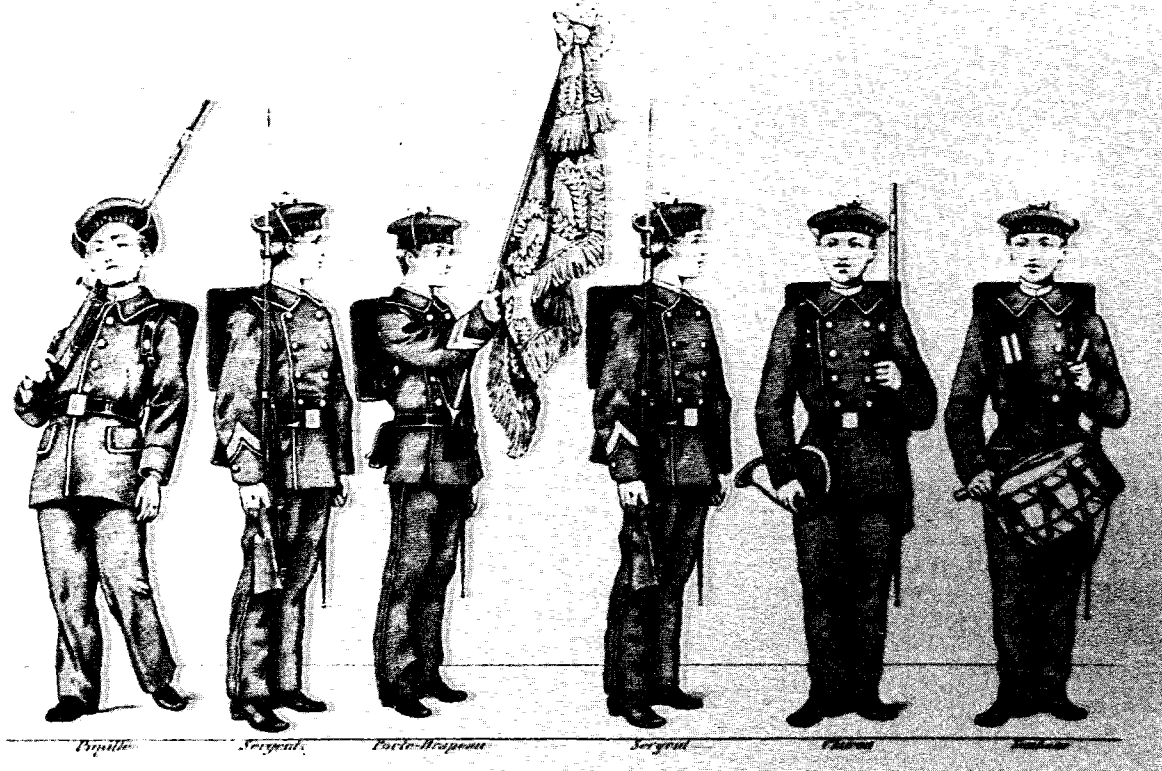
много педагогических училищ для девушек и ввели обязательную систему аттестации учителей-женщин. Политическая ситуация определила еще один аспект в деятельности Ферри по налаживанию системы образования — с расширением содержания программ начальной школы обучение стало светским и республиканским по духу.

Какова бы ни была истинная суть споров относительно школьного образования, свидетельства о них сохранились в виде огромной массы документов, используемых историками и специалистами в области образования. Результатом их работы стало большое число публикаций, в которых рассказывается о развитии школьного обучения и усилиях по ликвидации неграмотности на протяжении всей истории Франции.

Обский Музей истории образования обязан своим созданием признанию того печального факта, что в начале семидесятых годов в департаменте Об начали быстро исчезать свидетельства традиционной системы обучения.

*На месте старой
начальной школы*

Очень часто после закрытия деревенских и городских школ выбрасывали школьные пособия и мебель, таким образом они навсегда утрачивались и лишь в лучшем случае попадали в руки старьевщиков или антикваров, которые умели извлечь выгоду из ностальгии людей по прошлому. Кроме того, пред-

меты ветшали, портились в результате процессов биологического разрушения (бумага, дерево), изнашивались, устаревали, выходили из употребления. Их приходилось регулярно обновлять (школьные учебники, фильмы). Вот почему надо было заставить людей — сначала тех, кто непосредственно занят в сфере образования, а потом и широкую общественность — осознать важность сохранения этих предметов. Ведь мы подчас охотно тратим деньги на какую-нибудь символическую безделицу, но совершенно не заботимся о сохранении того, что осталось от старой школы.

Казалось, Франция уже никогда не сможет собрать и сберечь предметы и документы, связанные с историей образования в стране. Но за дело взялись энтузиасты — два специалиста по истории образования, решившие привлечь внимание общественности к столь важному вопросу. Итак, в 1973 году Жан Морло, бывший тогда директором обской передвижной библиотеки, и один из авторов данной статьи, Жан-Клод Лауффенбергер, учитель по профессии, занимавшийся в то время в Центре педагогической документации департамента Об, придя к выводу, что необходимо организовать музей образования, в котором бы хранились и экспонировались различные документы, относящиеся к школьному обучению и сфере образования в целом, приступили к осуществлению поставленной задачи.

В то же самое время, в 1974 году, Национальный институт педагогичес-

ких исследований перевел свои коллекции из Музея образования в Региональный центр педагогической документации в Руане. Парижская коллекция вместе с коллекцией руанского Музея учебных пособий составили весьма обширное собрание. Посетив новое учреждение, Ж.-К. Лауффенбергер решил взяться за организацию такого же музея в департаменте Об. Заручившись поддержкой министерства образования Франции, а также местных выборных органов, он добился в октябре 1975 года официального разрешения на создание при Центре педагогической документации департамента Об музея образования при условии, что «найдутся необходимые помещения и компетентные специалисты», как сказал тогдашний директор Национального центра педагогической документации.

Музей истории образования департамента Об открылся в 1977 году. Благодаря усилиям директора музея (в сентябре того же года он стал и директором центра) сфера его деятельности быстро расширялась. С любезного разрешения мэра Труа музей обосновался в старой начальной школе Мишле. Это было идеальное место для музея образования. В результате поисков, проведенных в различных районах департамента Об, в музей стали поступать интересные экспонаты. Мэры некоторых городов решили передать музею вышедшую из употребления или устаревшую школьную мебель и оборудование, что еще раз подтвердило необходимость созда-

«Школьный батальон».

Здания комплекса музейного Центра документации, недавно отремонтированные с помощью учащихся отделения технического образования.

ния такого культурного учреждения.

В сентябре 1977 года в музее состоялось первое мероприятие — симпозиум, посвященный школьным батальонам — военизированным группам, создававшимся некоторыми французскими ассоциациями физического воспитания после падения Второй империи. В работе симпозиума приняли участие многие видные ученые. Его материалы были опубликованы в ежегоднике “Cahiers aubois d’histoire de l’éducation”. По инициативе Мориса Агюлона рассматривался также вопрос патриотического воспитания. В декабре 1977 года была создана Ассоциация друзей Музея истории образования департамента Об. Она стала оказывать содействие музею — в пополнении коллекций и организации различных мероприятий (симпозиумов, выставок), и университетам — в изучении истории образования. Таким образом, музей быстро обрел необходимые структуры и налаживал сотрудничество, что позволяло ему успешно заниматься деятельностью по сбору и сохранению наследия в области образования, по реализации тех или иных программ, например компьютеризации коллекций, или по расширению культурной работы с населением.

Однако музей столкнулся с серьезными проблемами, связанными с отсутствием квалифицированных кадров и плохим состоянием помещений. В 1983 году совет департамента Об взял на себя расходы по содержанию персонала, создав в рамках центра должность управляющего, который работал по контракту. Одновременно было принято решение в течение двух лет переоборудовать все помещения музея. В основном силами студентов высшей

школы профессиональной подготовки и отделения высшего технического образования были отреставрированы помещения, где в прошлом жили учителя школы Мишле, и в ноябре 1986 года коллекции музея разместились в трехэтажном доме, построенном в стиле, характерном для архитектуры провинции Шампань.

Коллекции

Музей истории образования пополняет свои коллекции разными способами. Во-первых, активную работу ведут сотрудники: они посещают аукционы, антикварные и комиссионные магазины, просматривают каталоги букинистов и собирателей старинных книг и предметов. Музей располагает возможностью, хотя и в скромных пределах, покупать те предметы (и иные свидетельства), которых недостает в его собрании, например волшебные фонари и фотопластинки. Второй, более продуктивный способ — установление контактов с частными лицами и официальными учреждениями (библиотеками, муниципалитетами, ассоциациями, школами и т. д.), готовыми передать музею интересующие его предметы или документы. В зависимости от воли их владельцев такое поступление в музей может быть оформлено как дар, передача по завещанию или на хранение.

Очень удачным является то, что музей и центр находятся в одном здании. Было принято решение не выбрасывать устаревшую документацию из отдела периодики библиотеки, а передавать ее в музей. Таким образом обеспечивается преемственность в

работе по документированию и каталогизации и решаются проблемы хранения. Теперь перед началом нового учебного года центр передает музею часть своих архивных документов; особенно много их бывает, когда изменяются школьные программы.

За время своего существования Музей истории образования департамента Об собрал ряд коллекций, которые можно классифицировать следующим образом:

Мебель: парты, шкафы, доски, печи и т. д.

Учебное и научное оборудование: лабораторные приборы, проекторы, настенные схемы, стенды, школьные печатные машины, пленки с записью учебных материалов и т. д.

Канцелярские товары: тетради, промочка, бумага, ручки, компасы, пеналы и т. д.

Игры и игрушки.

Периодические издания: публикации по вопросам образования, журналы по проблемам истории края, детские журналы.

Книги: школьные учебники, справочные материалы, школьные пособия, издательские каталоги и т. д.

Документы: регистрационные журналы, материалы подготовительного класса, дипломы, классные журналы, каталоги школьных библиотек, студенческие и профсоюзные брошюры, вырезки из газет и т. д.

Аудиовизуальные материалы: кинопленки, фотопластинки, фотографии, открытки, рекламные проспекты, дневники детей.

Предметы мемориального характера и символика: медали, значки, предметы с изображением Марианны (символ Французской Республики).

Одежда для детей и кукол.

Музей считает, что не следует пренебрегать ни одним документом — тиражированным или рукописным (школьные работы учеников и заметки учителей), представленным в единичном экземпляре или в виде серии. Только руководствуясь таким принципом, можно собрать полную коллекцию свидетельств, относящихся к развитию образования в департаменте Об.

В принципе коллекции Музея истории образования доступны для широкой публики — никто не спрашивает здесь документов, удостоверяющих профессиональный или научный статус посетителя. Однако в целях обеспечения сохранности памятников и удобства самих посетителей пришлось ввести некоторые ограничения. Поскольку помещения музея слишком малы, в течение долгого времени здесь не было зала постоянной экспозиции, а также помещений для тематических выставок. Удовлетворить все запросы не представлялось возможным; экскурсии, проводившиеся время от времени по просьбе публики, не решали проблемы. Пришлось переоборудовать под помещение для постоянной экспозиции одну из бывших классных комнат.

Каждый желающий может обратиться в музей и получить консультацию по поводу того или иного документа, но свободного доступа к архивным материалам здесь нет. Чтобы получить ответ на любой вопрос (где

найти старый букварь, каково происхождение классной доски, как развивалось преподавание физики в первые годы существования начальной школы и т. д.), следует составить подробное требование. После этого сотрудник подбирает необходимые документы и посетитель работает с ними в помещении музея столько, сколько ему нужно. В распоряжение исследователей предоставляется копировальная техника. В зависимости от состояния сохранности и размера документа его можно перефотографировать или снять с него ксерокопию.

*Работа с документами,
издательская деятельность
и мероприятия
культурного характера*

Существуют три направления в деятельности Музея истории образования: работа с документами, публикация различных материалов и проведение мероприятий культурного характера.

Главное направление — работа с документами, о чем уже шла речь выше. Поскольку цель музея — пропагандировать наследие департамента Об в области образования, большое внимание уделяется пополнению коллекций, но главная задача состоит в том, чтобы они использовались — как посетителями (по запросам), так и самим му-

зеум (библиографии, публикации).

Сотрудничество музея с учителями и исследователями дает важные результаты, поскольку оно помогает установить истинную ценность имеющихся в коллекции материалов. О том, что потребность в них существует, свидетельствует большое число поступающих запросов — документы используются при написании диссертаций, проведении тематических выставок или школьных праздников. Все вопросы и ответы фиксируются, причем не только в целях создания справочного фонда, но и для выявления имеющихся в коллекциях пробелов. В таких случаях делаются попытки приобрести недостающие материалы. Если какой-либо вопрос выходит за рамки компетенции наших сотрудников, мы направляем посетителя в другие учреждения или советуем ему обратиться к специалисту по данной теме.

Издательская деятельность (финансируемая из внешних источников) является продолжением работы с документами, поскольку она позволяет фиксировать и распространять результаты научных исследований. Музей выпускает ежегодник "Les cahiers aubois d'histoire de l'éducation". В нем печатаются исследования отдельных ученых, представляющие собой важный вклад в историю образования, например *Курсы для взрослых в департаменте Об в 1870—1914 годах* или *Первые шаги лица для девушек в Труа*.

Каллиграфия: когда в США в конце XIX века стало развиваться начальное образование, дети проводили долгие часы, пытаясь научиться как можно лучше писать пером. Чтобы внести разнообразие в это скучное занятие, перед ними развешивали образцы настоящего художественного рисунка. Здесь воспроизведена деталь одного из них. Перевернув страницу, Вы увидите изображение целиком.

В ежегоднике также публикуются протоколы последних симпозиумов по широкому кругу вопросов (послешкольное или внешкольное образование, техническое образование). Благодаря издательской деятельности музея получают возможность публиковать свои работы молодые исследователи, которым обычно не так легко бывает это сделать. Однако чтобы та или иная работа была напечатана, она должна отвечать определенным критериям качества и профессионализма.

Музей также выпускает брошюры, знакомящие с забытыми или малоизвестными темами, открытыми музеем. В настоящее время вместе с дочерью художника, иллюстратора школьных учебников Рея Ламбера, имя которого было незаслуженно забыто, мы работаем над его биографией. Брошюра должна выйти в свет в 1990 году. Необходимо отметить, что по возможности мы используем в качестве иллюстраций экспонаты наших коллекций, пропагандируя тем самым собрание музея.

Другая форма издательской деятельности — выпуск копий старых документов. Эта продукция рассчитана на широкую публику. Например, недавно мы выпустили серию открыток с фотографиями обложек школьных учебников прошлого века, а также рекламы детских игр начала нашего столетия.

«До свидания, дети»

В настоящее время Музей истории образования уделяет значительное внимание культурной деятельности, не получавшей до сих пор должного развития из-за отсутствия необходимых помещений. Начиная с 1977 года удавалось лишь один раз в два года проводить симпозиумы и лекции. В 1986 году был сдан в эксплуатацию ряд помещений, позволивших устраивать такие мероприятия гораздо чаще. Сейчас у нас имеется оборудованный видеоаппаратурой зал на сто человек, где уже прошли однодневные семинары и лекции ведущих специалистов по педагогике. Выбор тем этих мероприятий зависит от того, какие коллекции учебных материалов имеются в распоряжении музея и каковы интересы исследователей, рассматриваются и относительно малоизвестные области истории образования и определенные события (например, отмечавшееся в 1988 году столетие введения технического образования). Одновременно устраиваются выставки на соответствующие темы на материале музейных собраний.

В последнее время музей стал проводить мероприятия культурного характера не только в департаменте Об, но и в других районах Франции и за рубежом. Однако, чтобы не нанести ущерб коллекции, необходимо

предварительно выяснить все о месте проведения мероприятия, узнать, какие гарантии предоставляют организаторы в отношении экспонатов музея. В контракт о выдаче предметов во временное пользование включаются пункты, оговаривающие условия их перевозки и хранения, а также размеры страхового взноса и задатка, определяемые в соответствии с общей стоимостью памятников и продолжительностью пользования ими. В 1987 году для телевизионной передачи были предоставлены во временное пользование фильм Луи Маля «Au revoir les enfants» (*До свидания, дети*) и другие документы; в 1988 году — экспонаты для выставки «L'empreinte DD, 100 ans de communication», проходившей в Музее рекламы в Париже; в 1989 году — материалы для выставки «La Révolution Française dans les tableaux scolaires», организованной совместно с Дуйсбургским университетом (ФРГ).

Музей также поддерживает регулярные контакты с иностранными университетами (например, с Гентским университетом в Бельгии и Ганноверским университетом в ФРГ), обменивается с ними информацией и публикациями, предоставляет в их распоряжение материалы для курса лекций по истории образования. В 1988 году были установлены связи с Иллинойским университетом (США), ко-

Рисунок неизвестного американца.
Частное собрание.

который планирует опубликовать первый международный справочник по музеям образования. Работу в этом направлении необходимо продолжать, и мы будем рады любым предложениям с вашей стороны¹.

Настоящий музеографический проект

Главная идея, лежащая в основе всех проводимых музеем мероприятий, может быть выражена словами «всеобъемлющий музеографический проект». Он рассчитан на несколько лет. Разделив имеющееся у музея пространство на отдельные участки, предназначенные для показа экспонатов разного типа, мы должны максимально использовать преимущества такой структуры. Нужно, чтобы оборудование отвечало многочисленным и разнообразным требованиям — функциональным, хранительским (нейтральность материалов, уровень влажности и т. д.), а также эстетическим. Оборудование в основном делается из дерева — естественного, не обладающего магнитным полем материала, способного регулировать атмосферную

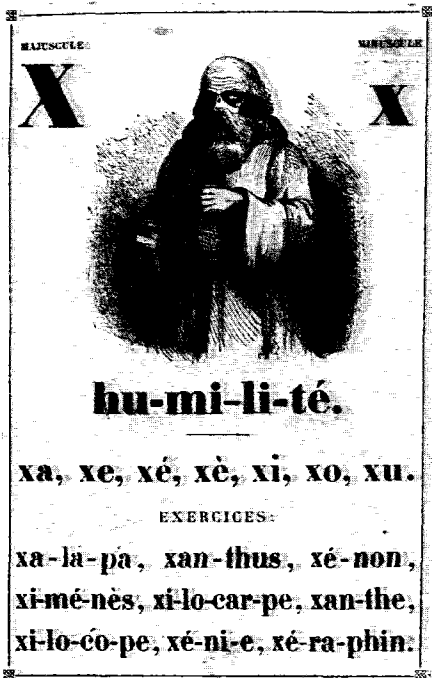
влажность, мало подверженного перепадам температуры и к тому же относительно дешевого.

Что касается технических проблем, например хранения и обработки предметов и документов, то с самого начала решили, что код хранения должен совпадать с инвентарным номером, соответствующим номеру в книге поступлений. Чтобы максимально использовать имеющееся в распоряжении музея пространство, каждый экспонат поместили в шкаф определенного типа.

На сегодняшний день разработана исчерпывающая типология музейных коллекций, в которой выделено десять основных разделов (см. табл. 1). Главная цель состоит в классификации поступающих, а не уже имеющихся типов памятников. Структура коллекций, подобных нашей, не должна определяться сразу же — следует учитывать возможные поступления в будущем. При таком подходе временной фактор перестает быть проблемой, создается возможность расширения площади хранения и изменения типологии системы хранения. Как мы убедились, развитие коммуникационных технологий и расширение использо-

Экспозиция «Классная комната старой школы».

1. Просим писать по адресу: MAHE, Rue Saint-Martin-ès-Aires, 10000 Troyes, France.

Страница из книги неизвестного автора "L'Alphabet pour les enfants, illustré de jolies vignettes", опубликованной в 1842 году Ланглуа и Леклерком в Париже.

вания техники в процессе обучения потребуют регулярного пересмотра типологии. Забота о будущем заставляет нас также определять оптимальные условия хранения для всех новых материалов.

С самого начала было решено компьютеризировать коллекции музея, в связи с чем проводились длительные исследования. Обсуждались различные варианты. Были изучены система классификации, применяемая в Руанском Музее истории образования, а также педагогический раздел тезауруса RECOLTE в Региональном центре педагогической документации в Тулузе. К настоящему времени технические вопросы решены. Судя по всему, не будет проблем и с финансированием проекта — оно заложено в план документации, разработанный для школ департамента Об. Его осуществлением занимаются Общий совет и Центр педагогической документации департамента (по согласованию с инспектором школ департамента).

Более двадцати тысяч иллюстраций

Можно сказать, что мы создали банк исторической памяти и одновременно коллекцию. Конечно, периодически в них нужно будет вносить изменения, но в настоящее время об-

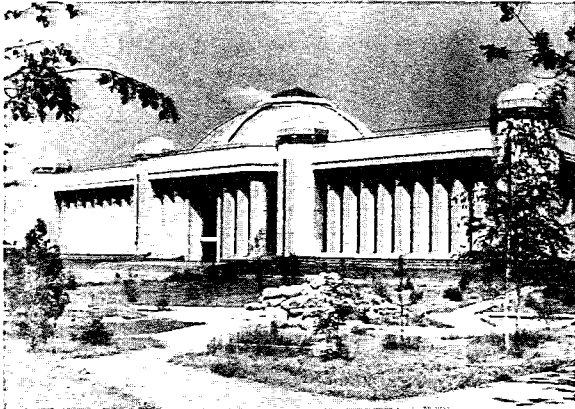
работку основной массы документов можно осуществлять с меньшими затратами. Техника обработки современных данных по образованию такая же, как в других центрах документации, входящих в сеть Национального центра педагогической документации (проект «Педагогическая память»). Она будет применяться и в центрах документации и информации, занимающихся обработкой данных о низших ступенях средних школ в департаменте Об (в Центре документации департамента Об используются не только те же самые методы, но и оборудование того же типа). Все это свидетельствует об экономном отношении к ресурсам, о масштабах использования документов и о повышении качества оказываемых услуг. Анализ потребностей пользователей поможет определить степень доступности материалов, характер и масштабы включенных в каталоги разделов (или даже целых собраний), которые должны классифицироваться по иерархическому принципу. При удачном завершении проекта станет возможным распространить применяемые методы на национальную сеть музеев образования.

В последнее время обсуждается идея использования видеодисков для записи изобразительных материалов, содержащихся в коллекции музея. Их довольно много: около тысячи иллюстраций, 350 двух- и трехмерных произведений и стеклянных пластинок, примерно шестьсот диафильмов (не менее пятнадцати тысяч кадров), тысяча открыток, пятьсот фотографий, 150 настенных карт и иллюстраций, двести диапозитивов и тысяча репродукций, гравюр и т. д. — всего более двадцати тысяч единиц хранения. Использование видеодисков отвечает задачам сохранения документов и в то же время способствует распространению содержащейся в оригиналах текстовой и визуальной информации. Еще одно преимущество видеодисков — возможность «экспорта» коллекций путем изготовления копий (обмен с другими учреждениями, показ на торговых ярмарках и т. д.). При наличии воспроизводящей аппаратуры видеодиски позволяют сотрудникам работать в любом месте.

Таблица 1. Типология коллекций

Текстовые материалы	Школьные учебники, книги, неперIODические издания, библиографические каталоги, сборники программ, печатные материалы, рукописные документы, микрофиши, таблицы успеваемости, списки, досье.
Периодические издания	Подшивки периодических изданий, статьи из журналов и газет, специальные выпуски.
Изобразительные материалы	Двух- и трехмерные изображения, стеклянные пластинки, фотографии, слайды, карты и планы, открытки, картины, эстампы, гравюры, рисунки, негативы, диапозитивы, голограммы, микрофильмы.
Звуковые материалы	Долгоиграющие пластинки, компакт-диски, звукозаписи, кассеты.
Аудиовизуальные материалы	Киноленты, кадры из фильмов, видеопленки, комплексные системы, готовые программы, цифровые оптические диски, видеодиски.
Материалы для обработки информации	Перфокарты, кассеты, гибкие диски, магнитные ленты.
Игрушки, игры	Развлекательные; занимательные; способствующие развитию навыков общения; развивающие идентификационные способности.
Одежда	Штатская одежда, школьная форма, вечерняя одежда, военная форма, одежда священнослужителей, спортивная одежда.
Оборудование	Спортивное снаряжение, оборудование учреждений, школ-пансионатов, классных комнат.
Приборы, материалы	Звуковая, аудиовизуальная аппаратура, учебные пособия, компьютеры, проекторы, научное оборудование, обучающие машины, оборудование для технического обучения.
Предметы	Памятные предметы; предметы, используемые при отправлении религиозных культов; эмблемы, скульптуры.

«Ликвидация неграмотности» — постоянная экспозиция в Музее Казахской ССР

Ураз Мухамеджанов © Центральный
государственный музей Казахской ССР

Центральный государственный музей Казахской ССР. Здание построено в 1984 году (архитекторы Ю. Ратушный, З. Мустафина). Постоянная экспозиция открылась для посетителей в 1986 году. Музей располагает современным оборудованием и аудиовизуальными средствами. Ежегодно его посещает свыше трехсот тысяч человек.

Рашид Шайханович Кукашев

Родился в 1947 году в Алма-Ате. В 1970 году окончил исторический факультет Казахского государственного университета (по специальности история). С 1970 по 1974 год руководил отделом в Музее прикладного искусства Казахстана. С 1974 по 1977 год изучал историю искусств в аспирантуре Института художественной промышленности в Москве. С 1977 года работает в Центральном государственном музее Казахской ССР. В настоящее время возглавляет отдел пропаганды и информации. Автор публикаций по вопросам этнографии и истории культуры.

В центре Алма-Аты, столицы Казахстана, в здании, построенном по специальному проекту в традициях классического кочевого зодчества, разместились Центральный государственный музей Казахской ССР — одно из старейших и наиболее крупных научно-просветительных учреждений республики. Датой его основания принято считать 1831 год, когда в городе Оренбурге, являвшемся в ту пору военно-административным и культурным центром недавно присоединенных к России казахских степей, был создан первый в азиатской части империи «музеум». Примечательно, что музей начал свою жизнь при Неплюевском военном училище — первом учебном заведении края, открытом для детей местной мусульманской знати, «дабы способствовать сближению азиатцев с русскими, внушать первым любовь и доверие к русскому правительству и доставлять краю просвещенных деятелей»¹. За полтора столетия своего существования музей собрал огромные коллекции, отражающие древнюю, средневековую, новую и новейшую историю Казахстана.

Безотрадная картина

Зародившись в стенах учебного заведения, музей, естественно, и в последующие годы не только считал одним из важнейших направлений своей деятельности просвещение, но и уделял особое внимание теме развития письменной культуры, просвещения и образования при комплектовании коллекций и проведении научных исследо-

ваний. Гордость музейного собрания составляют уникальнейшие образцы древнетюркских рун VII—IX веков, памятники кипчакской поэтической традиции времени Золотой Орды, философско-дидактические трактаты мыслителей позднего средневековья и первые печатные издания казахских просветителей XIX — начала XX века. Однако, знакомясь с материалами музея, относящимися к началу нашего столетия, сталкиваешься с многочисленными свидетельствами мрачной и удручающей картины почти поголовной неграмотности и невежества казахского народа.

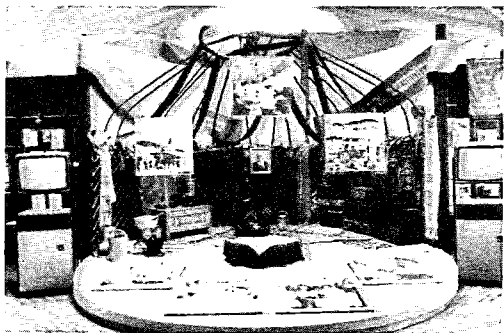
Статистический отчет по одному из южных уездов Казахстана в 1912 году констатирует: «Грамотность среди казахов имеет очень слабое распространение. Так, на 1000 лиц обоего пола приходится 24 обученных грамоте. Женщины почти все безграмотны: всего по уезду грамотных мусульманских женщин зарегистрировано 25»². В целом в Казахстане, по официальным данным, более 90% населения не умело ни читать ни писать. Образование было доступно лишь представителям феодально-байской аристократии. Такое бедственное положение трудящихся являлось прямым следствием проводимой царизмом политики, основывавшейся на известном постулате императрицы Екатерины II: «Народом темным и безграмотным легче управлять».

После Великой Октябрьской социалистической революции началась решительная борьба с неграмотностью. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 26 декабря 1919 года «О лик-

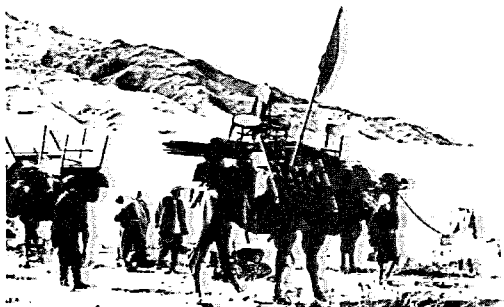
1. А. В. Васильев. «Исторический очерк русского образования в Тургайской области и его современное состояние». Оренбург, 1986, с. 13.

2. «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования Семиреченской области, Джаркентский уезд». 1912, т. 3, с. 335.

Ураз Мухамеджанов © Центральный государственный музей Казахской ССР

Интерьер «красной юрты» середины двадцатых годов — основного очага культурно-просветительной работы в казахской степи. Юрта (по-казахски кииз-уй, что дословно означает «войлочное жилище») — традиционное переносное жилище казахов-скотоводов. Она делается из обычных материалов (дерева и войлока) и отличается простотой конструкции, мобильностью (в разобранном виде юрту перевозят на верблюде) и несложностью в установке (четыре женщины справляются с этой работой в течение сорока-пятидесяти минут).

Фотографии, включенные в экспозицию «красной юрты».

© Центральный государственный музей Казахской ССР

видации безграмотности среди населения» провозгласил, что каждый гражданин Страны Советов в возрасте от восьми до пятидесяти лет обязан обучаться грамоте на родном или русском языке. Отражению этой темы посвящен один из разделов экспозиции музея. В витринах и на стендах представлены различные документы после революционных лет, старые фотографии, специально изданные в то время учебники и книги, свидетельствующие о размахе в Казахстане работы по ликвидации неграмотности.

Посетитель узнает, что уже к концу 1920 года во всех уголках республики были организованы чрезвычайные комиссии, в задачу которых входили учет неграмотных, открытие школ и учебных пунктов, организация подготовки учителей, разъяснительная работа среди населения. Экспонаты рассказывают о том, что была создана целая система обучения неграмотных и малограмотных, включая трехмесячные пункты обучения, школы грамоты, рассчитанные на срок от шести месяцев до двух лет, стационарные школы, курсы для женщин, индивидуальные и групповые занятия со взрослыми в кочевых районах. К концу 1921 года обучение в республике прошли 72 тысячи неграмотных и малограмотных, однако, чтобы кардинально решить поставленную задачу, требовалось найти новый подход, учитывающий местные условия.

«Красные юрты»

В центре зала, напротив витрин с материалами о борьбе с неграмотностью, экспонируется «красная юрта». «Красная юрта» («кзыл отау») и явилась новой эффективной формой культурно-просветительной работы среди казахов-скотоводов, оптимально приспособленной к специфике кочевого уклада их жизни. Была организована целая сеть таких своеобразных учреждений, которые занимались ликвидацией неграмотности и борьбой с дискриминационным положением казахской женщины, идущим от законов обычного права и шариата. Штат «красной юрты», как правило, состоял из трех сотрудников — заведующего (он же учитель), фельдшера и культурного работника. Они проводили женские собрания, вечера, показывали кинофильмы, давали консультации по медицинским и правовым вопросам, а главное — вовлекали население в ликбезы (занятия по ликвидации неграмотности).

Созданная в музее экспозиция знакомит посетителей с интерьером

«красной юрты», куда наряду с обычными для жилища казаха-кочевника элементами входили и предметы, являющиеся приметамы новой жизни. В экспозицию включено несколько старых фотографий. На одной из них работники «красной юрты» перевозят на верблюдах с одного места на другое разобранную юрту, мебель, инвентарь. На второй запечатлено занятие по обучению грамоте кочевников, расположившихся около юрты, а на третьей — собрание женщин в помещении юрты.

Чтобы посетителю было легче представить себе и понять события шестидесяти-семидесятилетней давности, используются аудиовизуальные средства. Рядом с «красной юртой» находятся две видеоустановки. Они позволяют увидеть редкие кадры кинохроники двадцатых годов, рассказывающие о работе «красных юрт» в различных районах Казахстана. Демонстрируется также видеозапись воспоминаний Толебике Галиевой, которая в шестнадцать лет заведовала «красной юртой» в отдаленном кочевом ауле, где безраздельно властвовал крупный феодал. Он объявил девушку и ее помощников служителями дьявола и вероотступниками, продавшимися неверным (кафирам), и люди боялись общаться с ними. Помог случай. Как-то, купив молока, Толебике решила использовать сепаратор, входивший в инвентарь «красной юрты». Невиданная дотоле машина, так легко отделяющая сливки от молока, удивила и потрясла жителей аула, и они, забыв о грозном табу, наложенном на общение с чужаками, потянулись к «красной юрте» посмотреть на чудо. Вскоре в ауле не осталось ни одной женщины, которая хотя бы раз не угостила своих домочадцев сливками, собственноручно пропущенными через чудо-машину. Лед отчуждения был сломан. Более того, когда через некоторое время в аул прибыл небольшой караван верблюдов с киноустановкой, патефоном и дюжиной сепараторов, по просьбе Толебике бесплатно выделенных губернскими властями аулчанам, «красная юрта» превратилась в настоящий «храм культуры». С организацией ликбеза уже не было никаких проблем. В первую группу обучающихся грамоте вошли женщины, затем удалось составить и мужскую группу. Через четыре месяца состоялся торжественный выпуск первых грамотных жителей аула.

«Красные юрты» были подлинными очагами культуры и просвещения масс. В них можно видеть и черты, характерные для музея: интерьер «красной юрты» являлся своеобразной экспозицией, включавшей и привычные и

Фотография, включенная в экспозицию «красной юрты».

© Центральный государственный музей Казахской ССР

незнакомые казаху-кочевнику предметы; изучая или используя их, он приобщался к новой жизни.

«Не меньше 4600 лет!»

«Грамотный, обучи неграмотного!» — этот лозунг на незамысловатом плакате, наверное, лучше всего характеризует обстановку начала тридцатых годов, когда республика, перенесшая страшный голод и мор, поднялась на последний, решительный штурм безграмотности. Документы, фотографии, газетные вырезки, кадры кинохроники и иные свидетельства, хранящиеся в музее, убедительно показывают, что движение по ликвидации неграмотности стало поистине всенародным делом: сын обучил грамоте свою престарелую мать; директор завода в вечернее время руководит кружком ликбеза для рабочих; двадцатилетний комсомолец организовал курсы для молодых неграмотных женщин и т. д.

К началу сороковых годов ликвидация неграмотности в Казахстане была фактически завершена. «В поисках неграмотного» — так озаглавлена представленная в экспозиции юбилейная статья министра просвещения республики, посвященная двадцатилетию образования Советского Казахстана.

Раздел экспозиции музея, где рассказывается о работе по борьбе с неграмотностью, завершает прелюбопытнейший документ дореволюционных экспертов, исследовавших в начале нашего столетия положение дел в Тур-

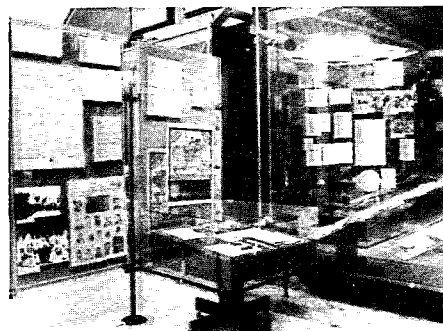
кестане в области образования и просвещения. По их оценке, при существовавших темпах развития образования для достижения всеобщей грамотности среди населения Средней Азии и Казахстана потребуются не меньше 4600 лет! Этот мрачный экспонат неизменно вызывает у посетителей эмоциональную реакцию: одни иронически улыбаются, другие задумываются.

«Хорошим дням радуйся, а горькие — помни, тогда и счастье будет полнее», — гласит казахская мудрость. ■

© Центральный государственный музей Казахской ССР

Ураз Мухамеджанов © Центральный государственный музей Казахской ССР

Раздел экспозиции музея, посвященный теме: «Ликвидация неграмотности в Казахстане». Наряду с книгами, учебниками, документами двадцатых—тридцатых годов в витринах и на стендах выставлены плакаты и листовки того времени, призывающие население к борьбе с неграмотностью.

Экспонирующийся в музее плакат, призывающий к борьбе с неграмотностью.

Живое свидетельство

необычного кубинского

эксперимента

Unesco/Arthur Gillette

Музей национальной кампании по борьбе с неграмотностью.

29 декабря 1989 года, в преддверии Международного года грамотности, отметил двадцатипятилетие своего существования Музей национальной кампании по борьбе с неграмотностью, созданный в 1964 году, через три года после того, как Куба была объявлена «территорией сплошной грамотности». Как драгоценные сокровища сохраняются и экспонируются в музее свидетельства проводившейся в стране в течение 1961 года кампании по борьбе с неграмотностью.

Ежегодно тысячи людей приходят в музей, чтобы узнать о необычном эксперименте по ликвидации неграмотности в стране. Многочисленные туристы, посещающие Кубу, новые поколения кубинских школьников и студентов и даже те, кто принимал участие в этой исторической эпопее, с интересом и волнением обходят залы и знакомятся с различного рода экспонатами, позволяющими составить представление о том, как осуществлялось в революционной Кубе обучение населения грамоте.

Экспонаты музея рассказывают о коллективном труде, позволившем совершить почти невозможное — в течение одного года научить читать и писать более семисот тысяч неграмотных людей в стране, где общая численность населения составляла всего 7,5 миллионов человек. В музее хранятся сотни оригинальных документов, тысячи фотографий, десятки протоколов заседаний технических комиссий, руководивших кампанией, картотека на сто тысяч членов бригад по борьбе с неграмотностью, семьсот тысяч писем вождю революции Фиделю Кастро — доказательство того, что каждый неграмотный человек действительно научился читать и писать: газетные

статьи, публиковавшиеся до начала кампании, в ходе ее проведения и по окончании, магнитофонные записи, архивные материалы, свидетельствующие о деятельности местных органов власти, галерея портретов молодых людей, убитых контрреволюционерами только за то, что они обучали людей грамоте, сотни воспоминаний участников кампании, символы, форменная одежда, фонари и множество других подлинных вещей, использовавшихся участниками кампании по борьбе с неграмотностью.

*Чудо? Нет, победа,
достигнутая благодаря
упорному труду*

Хотя в музее представлена лишь одна из страниц в истории развития образования на Кубе — кампания по борьбе с неграмотностью, — ее показ имеет огромное значение, так как она позволила народу шагнуть из темного прошлого в светлое будущее.

После того как была одержана политическая и военная победа над жестокой диктатурой, служившей иностранному капиталу, кубинская революция столкнулась с тяжелейшими социально-экономическими проблемами. Как и в других странах третьего мира, на Кубе царили нищета, безработица и отсталость; гигиенические нормативы не соблюдались, состояние образования было самым плачевным. Причина повальной неграмотности населения заключалась в том, что лишь 56% детей посещали школу. К тому же государственные школы находились в запустении, преподавание в них зачастую велось на низком уровне, немало учащихся оставалось на второй

Орестес Мартинес Орамас
(Orestes Martinez Oramas)

Работал преподавателем. В настоящее время: руководитель управления по образованию взрослых в министерстве образования. Награжден памятной медалью, выпущенной в ознаменование двадцатипятилетия со дня окончания кампании по борьбе с неграмотностью.

Зал, в котором экспонируется форменная одежда, различные символы и личные вещи юных учителей — участников национальной кампании по борьбе с неграмотностью.

National Literacy Campaign Museum

год. Среди взрослого населения 23,6% составляли неграмотные и примерно столько же — полуграмотные. Процветала административная коррупция. В стране практически не существовало дошкольного, специального, технического, профессионального образования, а также образования взрослых. Возможности получения высшего образования были весьма ограниченными. Система образования не учитывала реальных потребностей экономического и социального развития страны. Так, например, выпускалось слишком много юристов, но очень мало агрономов. Сразу же после революции образование вошло в число приоритетных областей. Все учебные заведения стали государственными, а право на образование получил каждый житель страны, независимо от расы, вероисповедания, возраста, пола, социального происхождения и места проживания.

Для искоренения неграмотности требовалось выполнить три тесно связанные друг с другом гигантские задачи: (а) охватить начальным образованием всех детей школьного возраста, что позволило бы ликвидировать источник неграмотности; (б) провести национальную кампанию по борьбе с неграмотностью; (в) по окончании кампании осуществлять дальнейшую работу, с тем чтобы не допустить утраты полученных людьми знаний, и организовать систему непрерывного образования.

Первая из поставленных задач рассматривалась как элементарный акт социальной справедливости, обеспечивающий каждому человеку право на образование. Ее удалось решить благодаря созданию многих учебных классов — только за один день их откры-

лось десять тысяч. Штаты преподавателей были укомплектованы за счет квалифицированных безработных педагогов, а также тысяч получивших образование молодых людей, откликнувшихся на призыв добровольно работать в качестве учителей в тех местах, где они нужны, и, в частности, в труднодоступных горных и отдаленных районах.

Следовало хотя бы самым скромным образом обставить и оборудовать помещения для занятий, в чем оказали большую помощь родители учащихся, соседи, общественные организаторы, сами школьники и учителя.

Все это должно было обеспечить грамотность нового поколения кубинцев и ликвидировать постоянный источник неграмотности. Тот же принцип соблюдается и в настоящее время, но сейчас в стране существуют совершенно иные условия и имеются квалифицированные преподавательские кадры. Все дети получили возможность посещать начальную школу, а в районах с немногочисленным населением открыты младшие классы, даже если учеников совсем мало.

Второй важной задачей стало осуществление национальной кампании по борьбе с неграмотностью, о которой специалисты ЮНЕСКО сказали в 1964 году, что это «не чудо, а трудная победа, достигнутая благодаря упорному труду, мастерству и хорошей организации».

Что касается самих масс неграмотных людей, то силой, побудившей их сесть за школьные парты, явилось принятие и применение на практике революционных законов, преобразовавших экономику и социальную жизнь страны, в том числе земельной реформы, обеспечившей занятость со-

тен тысяч сельскохозяйственных рабочих и открывшей многим крестьянам возможность дальнейшего обучения.

Национальная комиссия по борьбе с неграмотностью включала представителей правительственных и неправительственных организаций, имеющих отношение к проводимой кампании, что способствовало массовому и добровольному участию в ней целого ряда общественных учреждений — политических, просветительных, религиозных, военных, студенческих, женских, рабочих, профессиональных, молодежных и крестьянских — короче говоря, всего общества. Комиссия состояла из четырех секций: технической (из нее впоследствии выделилась самостоятельная статистическая секция), финансовой, информационной и издательской.

Наиболее важными среди первых проведенных мероприятий были: изучение языка крестьян; организация семинаров для всех, кто должен был заниматься обучением широких масс; написание букваря для обучающихся и пособия для учителей; создание предварительного плана; перепись неграмотного населения и составление списка учителей; разработка простого, но эффективного метода обучения, основанного на анализе и синтезе, а также первоначальная подготовка будущих учителей. Среди добровольцев, пожелавших обучать неграмотных, было 100 тысяч студентов и 13 тысяч рабочих, объединенных в бригады, 120 тысяч народных учителей и 34 тысячи учителей начальных и средних школ.

Тщательно просчитанные и проверенные цифры показали, что к концу кампании число неграмотных в стране

снизились до 3,9%, а в настоящее время оно составляет лишь 1,9% (учитываются люди в возрасте от 10 до 49 лет).

Что касается третьей задачи, то есть проведения соответствующей деятельности после завершения кампании по борьбе с неграмотностью, то был разработан план создания трех ступеней обучения для крестьян и рабочих. Прозвучавший недавно призыв о необходимости перехода к шести- и девятилетнему обучению должен значительно поднять образовательный уровень всего взрослого населения страны и сделать возможной дальнейшую подготовку рабочих, крестьян и домашних хозяек в технических и профессиональных учебных центрах и в университетах.

Постоянный стимул

Музей национальной кампании по борьбе с неграмотностью не является мертвой реликвией — в нем живо рассказывается о проходившей кампании. Кроме того, совершенно очевидно, что он играет важную роль в жизни

современных поколений и не утратит своего значения в будущем.

В этом музее, расположенном на территории Ciudad Escolar Libertad (Свободного школьного городка), могут получить ответ на вопросы, касающиеся борьбы с неграмотностью на Кубе, самые разные люди: работники системы образования из разных стран, специалисты из ЮНЕСКО и других международных организаций, министры, государственные служащие, послы, художники, представители интеллигенции, политические лидеры и т. д. Многие иностранные посетители из более чем ста стран оставили в книге отзывов записи, свидетельствующие о признании ими исторической роли музея.

В музей часто обращаются за информацией историки, исследователи и биографы участников кампании. Материалы музея используются при подготовке дипломных университетских работ по проблемам образования. Социологам музей помогает определить, какое значение имело для кубинского общества и для развития революции объединение участников кампании (членов молодежных бригад,

народных учителей из городских районов, выходцев из рабочего класса, представителей мелкой буржуазии и интеллигенции) с крестьянами и слоями населения, находившимися в то время в наиболее неблагоприятных условиях.

Кампания, несомненно, в значительной степени способствовала укреплению национального единства. Многим иностранцам в музее были вручены дипломы, удостоверяющие, что они принимали в ней участие (Государственный совет выпустил в ознаменование двадцатипятилетия со дня окончания кампании памятную медаль). В течение пятнадцати лет в музее существуют кружки для учащихся соседних школ. Их члены изучают представленные в музее предметы и документы, что позволяет в дальнейшем им самим знакомить посетителей с экспозицией.

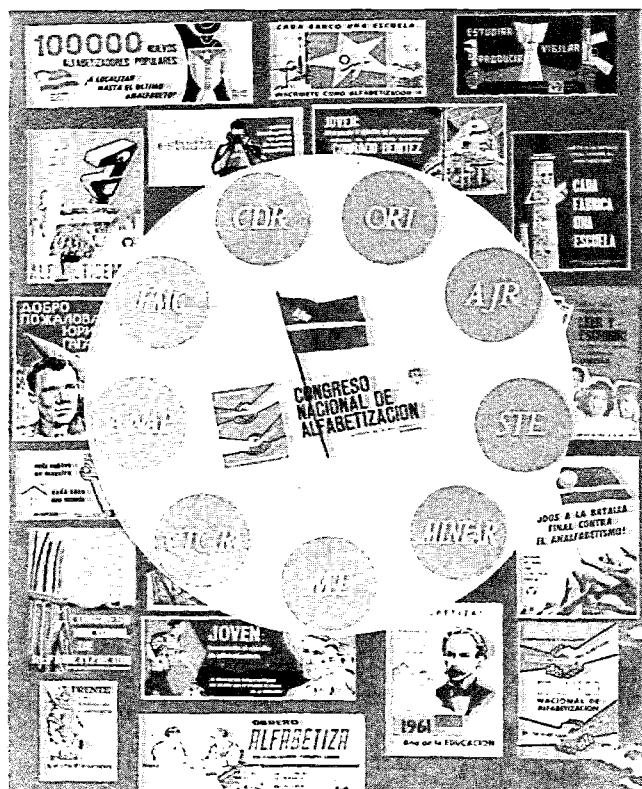
Периодически музей организует лекции специалистов из министерства образования, представителей интеллигенции и бывших руководителей кампании по борьбе с неграмотностью. Они рассказывают посетителям о том, как проходила кампания, знакомят их с интересными материалами.

Музей принимает активное участие в праздновании 22 декабря Дня работников образования. Еще одна дата, которая отмечается музеем, — Международный день грамотности (8 сентября). События этих дней широко освещаются средствами массовой информации — прессой, радио и телевидением.

Что касается проблем хранения экспонатов и модернизации музея, то в настоящее время разрабатываются планы переоборудования шести залов и реставрации документов и магнитофонных записей, поврежденных в результате того, что они постоянно и активно использовались в течение 25 лет.

Хотя на Кубе существует новый музей, посвященный проблемам образования и просвещения (он находится в старом районе Гаваны, включенном в Список всемирного наследия), Музей национальной кампании по борьбе с неграмотностью, несомненно, занимает одно из первых мест среди богатейших специализированных музеев такого рода в мире. Музей высоко ценится в стране не только потому, что он отражает такое своеобразное и важное достижение революции, как победа над неграмотностью, но также и потому, что он является постоянным стимулом прогресса и совершенствования народной культуры и образования.

Образцы плакатов, выпущенных в связи с проведением кампании по борьбе с неграмотностью, и аббревиатуры ряда организаций, принимавших в ней участие.

Из тьмы к свету.

Национальный музей грамотности в Никарагуа

24 марта 1980 года тысячи никарагуанских юношей и девушек отправились в горы, в деревни и села страны. В городах были мобилизованы домашние хозяйки и рабочие. Все они приняли участие в кампании по борьбе с неграмотностью, откликнувшись на призыв Карлоса Фонсеки Амадора, национального героя, одного из основателей Сандинистского фронта национального освобождения: «И научите их читать»¹.

Константино Санчес
(Constantino Sanchez)

Директор отдела общественного образования,
министерство образования Никарагуа.

В течение 150 дней после этой знаменательной даты в Никарагуа разворачивались поистине героические события, вошедшие в историю страны. Практически все население приняло участие в проведении грандиозной кампании по распространению грамотности, осуществившейся в память о «героях и мучениках борьбы за освобождение Никарагуа». Сотни тысяч людей вошли в отряды добровольцев, объединившие крестьян, рабочих, женщин, молодежь и даже детей.

Никарагуанская кампания ставила целью не только научить людей чтению и письму на испанском и местных языках (мискито, сумо, рама и креольском), но также создать предпосылки для дальнейшей деятельности по просвещению народа и заложить основы новых социальных отношений. К концу кампании, завершившейся 23 августа 1980 года, 406 056 никарагуанцев получили возможность ближе познакомиться с историей своей страны и жизнью ее населения. Обучение и труд превратились в единый процесс. Рабочие стали учителями, студенты и учителя — рабочими, а все вместе — творцами собственной судьбы.

Одновременно с проведением кампании по распространению грамотности появилась возможность приступить к разработке плана по борьбе с малярией, начать сбор информации о проблеме занятости в стране, произвести учет имеющегося скота, заняться регистрацией устных свидетельств о борьбе за национальное освобождение, составлением коллекций флоры и фауны

различных районов страны, сбором народных сказаний и песен, учетом археологических памятников и пропагандой основных сведений о гигиене и профилактике заболеваний.

Именно в те дни возникла идея создать учреждение, где было бы сконцентрировано все, что удалось собрать: изобразительные материалы, письменные свидетельства, предметы, которые демонстрировались бы в контексте обстановки деревенского дома, хижины, расположенной в неосвоенном горном районе, или городского жилища. В таком месте никарагуанцы (взрослые и дети) и иностранные туристы могли бы получать интересующую их информацию.

Исторический принцип показа

Анализ опыта, накопленного в ходе национальной кампании по борьбе с неграмотностью, открывает новый подход к образованию, его принципиально иной дух, родившийся из творческого участия всех никарагуанцев в процессе обучения. Теперь мы не думаем о трудящихся города и деревни абстрактно, а видим их в конкретных социальных, экономических и культурных условиях. Именно в этом и состоит историческое значение борьбы с вековой неграмотностью народа.

С теоретическими, организационными и педагогическими аспектами учебного процесса можно познакомиться, посетив небольшое здание в Мана-

1. "National Literacy Campaign", Ministry of Education, 1989.

гуа, над входом в которое висит вывеска: «Национальный музей грамотности». Уже десять лет прошло со времени проведения этой всенародной кампании, но она живет в памяти тех, кому посчастливилось сыграть в ней активную роль, до сих пор служит для них источником вдохновения, стимулом к размышлению, точкой отсчета.

Национальный музей грамотности позволяет понять, каких результатов можно добиться, если стремление руководителей страны освободить народ от пут неграмотности совпадает с желанием самих людей. В экспозиции всех тринадцати залов музея нашли отражение события, происходившие в ходе проведения столь значительной политической и просветительской акции.

Представленные в музее документы, письменные материалы, рукописи, фотографии, удостоверения, лозунги, плакаты, эмблемы, воззвания, статистические данные, бланки переписи населения, личные вещи погибших членов бригад, письма родственникам, образцы ремесленных изделий и археологические находки, полученные призы — это составная часть культурного достояния народа.

В экспозиции, построенной по хронологическому принципу, каждому залу отведена определенная роль.

Первый зал знакомит с тем, какая историческая обстановка была в стране, когда Карлос Фонсека выдвинул свой лозунг: «И научите их читать». В трудные шестидесятые годы он обратился с этими словами ко всем повстанцам, жившим в горах и работавшим среди крестьян. Двадцать лет жестокой борьбы потребовалось для победы сандинистской революции, создавшей условия для ликвидации массовой неграмотности силами самого народа.

Во втором зале посетитель имеет возможность познакомиться с декретом правительства, провозгласившим 1980 год годом борьбы с неграмотностью и определившим основные задачи и цели кампании. Здесь же рассказывается о методологии подготовки учебных материалов.

Один из залов посвящен международной солидарности. Посетитель узнает о том, какой вклад внесли в осуществление кампании различные ассоциации, организации, профсоюзы, правительственные учреждения, группы населения и целые страны. Сохранились плакаты тех времен с такими лозунгами, как «Карандаш для Никарагуа», «Внеси свой вклад в дело

борьбы с неграмотностью» и т. д.

Наряду с обращением к международной общественности предпринимались усилия добиться осознания всеми никарагуанцами того, какое огромное значение имеет кампания по ликвидации неграмотности. Об осуществлявшихся действиях рассказывают собранные в музее плакаты, открытки, брошюры и другие материалы. Стены этого зала представляют собой красочное мозаичное панно, авторы которого — художники, принявшие участие в общем деле, не пожалевшие ни труда, ни энергии ради достижения прекрасной цели — просвещения народа Никарагуа.

Творцы надежды и мечты

Значительное место в Национальном музее грамотности отведено первым экспериментам по использованию «активного метода обучения». Здесь можно видеть, как огромный энтузиазм, преданность делу, готовность к самопожертвованию и вместе с тем способность к зрелому и рациональному анализу позволили наладить работу семинаров и две обучались сто тысяч юношей и девушек.

Посетители неизменно приходят в изумление, осматривая экспонаты в зале выдающихся достижений, где рассказывается, например, об обучении слепых чтению с помощью шрифта Брайля или о занятиях с бывшими членами сомосовской национальной гвардии, находившимися в тюрьме. Последнее — быть может, самое яркое проявление уважения прав человека. Система, которой служили солдаты диктатора, лишила их возможности получить образование, теперь они обрели такое право.

Обучение составляет часть общего процесса осмысления, анализа реальной жизни и ее изменения. Подобный процесс становится реальностью лишь тогда, когда и учитель и ученик делятся друг с другом знаниями, которыми они обладают. Об этом свидетельствуют заявления и дневники членов бригад, а также различные материалы о проведении кампании, выставленные в музее. В экспозиции представлен макет типичного крестьянского жилища в сельской местности, где проходили занятия по обучению грамоте. Убогое пристанище превращалось в школу, в истинный центр грамотности, народного просвещения.

Особое место отведено в музее тем, кто совершил героический подвиг, — молодежи, рабочим и учителям.

В одном из залов экспонируется фотомонтаж, рассказывающий о мобилизации молодежи и создании тысяч бригад по борьбе с неграмотностью, о грандиозной церемонии прощания, состоявшейся после завершения кампании на площади Революции в Манагуа.

Кампания по борьбе с неграмотностью была не просто работой по выполнению правительственного декрета, а делом всего народа.

Есть в музее экспонаты, свидетельствующие о том, что члены бригад не только учили крестьян читать и писать, но и знакомили их с основами гигиены. Они сами в свою очередь многое узнавали от крестьян, когда, например, записывали на пленку рассказы участников восстания. Юноши и девушки изучали социальные и экономические условия жизни крестьян и сами добровольно отработали на полях около десяти миллионов часов.

Члены бригад учились у крестьян, совершенствовали свои трудовые навыки, становились творцами надежды и мечты. В музее много экспонатов, свидетельствующих о том, как они овладевали, казалось бы, самыми неожиданными профессиями. В постоянной экспозиции музея представлены их работы из дерева, глины, ткани, волокон и камня.

Маршрут осмотра приводит нас в зал, где экспонируются официальные документы. Читая их, понимаешь, какие факторы определили успех кампании по борьбе с неграмотностью. Интерес представляют декларации и протоколы, касающиеся «территорий, где победила грамотность». В этом зале, завершающем экспозицию Национального музея грамотности, почти физически ощущаешь присутствие полумиллиона никарагуанцев, научившихся читать и писать и как бы собравшихся вместе, чтобы отдать дань уважения 95 тысячам членов бригад — героям новой войны, на сей раз войны с невежеством.

Главный зал Национального музея грамотности — величественный и торжественный — посвящен героям и мученикам, павшим во имя распространения грамотности. Пятьдесят шесть юношей и девушек отдали свои жизни, чтобы их родина смогла выйти из тьмы к свету. Их жертвы были не напрасны — такова основная идея музея. ■

Национальный музей Нигера: народная культура не только для грамотных

В «ремесленном квартале». Ткач.

Колетт Моник Журден
(Colette Monique Jourdain)

Родилась в 1934 году в Нанси (Франция). В 1953—1957 годах училась в Школе изящных искусств. В 1956 году была удостоена национальной премии в области истории искусства и гравюры. В 1957—1961 годах преподавала рисование и историю костюма. С 1962 года — музеолог при муниципалитете Бордо, работает в Музее Аквитании. Специализировалась по вопросам консервации и реставрации, затем по археологическим чертежам; участвовала в экспедициях на Ближнем Востоке (1973), в Конго (1978) и — по инициативе ЮНЕСКО — в Нигере (1984). Член ИКОМ. Автор многочисленных публикаций (главным образом каталогов и статей по археологии и архитектуре Аргентины, Австралии, Ближнего Востока), а также различных очерков по проблемам музеев в странах Африки и методам сохранения их коллекций.

Национальный музей Нигера располагается на территории парка площадью около 24 гектаров в самом центре Ниамея — столицы страны — на зеленых склонах, спускающихся террасами к реке Нигер. Музей открыт в течение всего года.

Музей Нигера ставит перед собой широкие задачи. Главная его особенность состоит в том, что это — комплексное научное и культурное учреждение. В нем имеются отделы археологии, региональной этнографии и естественной истории, экспозиция традиционного жилища, зверинец, «ремесленный квартал», павильон для художников-инвалидов, павильон молодежи, сады, помещение, где организуются выставки-продажи, зона проведения фольклорных праздников и временных выставок, «дерево палавера» и мавзолей дерева Тенере.

Что же можно увидеть при более близком знакомстве с некоторыми разделами музея?

Воссозданные в парке поселения различных этнических групп, проживающих на территории Нигера, как бы подчеркивают необходимость их единения в общем деле утверждения национального самосознания. С деревней народа хауса соседствуют хижины народа зарма, окруженные изгородью из *секо* (плетеных ивовых циновок). Рядом — традиционное поселение народа сонган, а за высокими деревьями — палатки кочевников. Палатки туарегов сделаны из шкур, натянутых на кольца; внутреннее пространство разделено тонкими циновками. В палатках народа пель конструкцией служат дугообразные крепления, на которые натягиваются циновки. Во всех этих жилищах представлены мебель, домашняя утварь, орудия труда. Экспонирующиеся под открытым небом выдолбленные

лодки и растянутые для просушки сети напоминают о труде рыбаков, живущих по берегам Нигера.

Древняя достопримечательность

Экспозиция музея развернута в нескольких павильонах, построенных в стиле традиционных городских домов народа хауса. Они поражают своими расписными рельефами голубых и охристо-красных тонов. В них размещаются минералогическая и палеонтологическая коллекции, экспонаты, относящиеся к доисторическому периоду, а также копии наскальных рисунков с плато Аир и окаменевший скелет огромного динозавра (*Uranosaurus Nigeriensis Taquet*). Это, несомненно, самый популярный экспонат, главная достопримечательность павильона, посвященного доисторическому периоду. Скелет находится в наполненной песком яме, и посетителям удобно сверху рассматривать его. Заслуживают внимания этнографическая и орнитологическая коллекции, экспозиция музыкальных инструментов Нигера и павильон, где демонстрируется национальная одежда, в частности яркие одеяния основной этнической группы страны с украшениями и различными аксессуарами, например кисетами и плетеными изделиями. В павильоне всегда много посетителей.

Итак, мы видим, как многочисленны представленные в музее коллекции, как разнообразны экспозиции. Но нельзя не упомянуть и о мавзолее, в котором находится, быть может, самое знаменитое дерево в мире — дерево Тенере. Когда-то оно росло в пустыне Сахаре, протянувшейся с севера на юг на 1300 километров, в 238 километрах

к востоку от Агадеса у дороги, ведущей в Бильму. Погонщики караванов складывали о нем легенды, оно служило главным ориентиром в этой пустынной местности. Дерево значилось на всех картах, и бывавшие здесь исследователи обязательно упоминали о нем в своих отчетах. Дерево Тенере — акация с зеленой листвой и желтыми цветами, последняя из рощи, некогда росшей по берегам *вади* (ручья, пересохавшего в жаркое время года). Корни дерева уходили вглубь на 35 метров. Его возраст, как полагают, равен 350 годам. По-видимому, в 1959 году в дерево врезался грузовик, направлявшийся в Бильму. В ноябре 1973 года участники авторалли обнаружили, что оно засохло. Через месяц дерево на военном грузовике доставили в Национальный музей, где в 1977 году для него построили мавзолей.

*Как можно учиться,
не замечая этого
(или не умея читать)*

У Национального музея Нигера есть еще одна уникальная особенность. В стране, где три четверти взрослого населения неграмотны, он является доступным для всех без исключения средством просвещения. Вход в музей бесплатный, и его посещают не только туристы, исследователи и школьники,

Музей на открытом воздухе. У вольера с бегемотами можно встретить представителей всех этнических групп. Слева павильон, где экспонируется национальная одежда, в центре — мавзолей дерева Тенере.

Традиционное жилище.

но и представители различных этнических групп и социальных слоев Нигера. Одни приходят в музей, чтобы «послушать», «посмотреть», другие просто прогуливаются по парку — они либо приехали из деревни и, пройдя по мосту Кеннеди, направляются на рынок, находящийся в центре Ниамея, либо возвращаются домой с бельем, выстиранным на берегу реки.

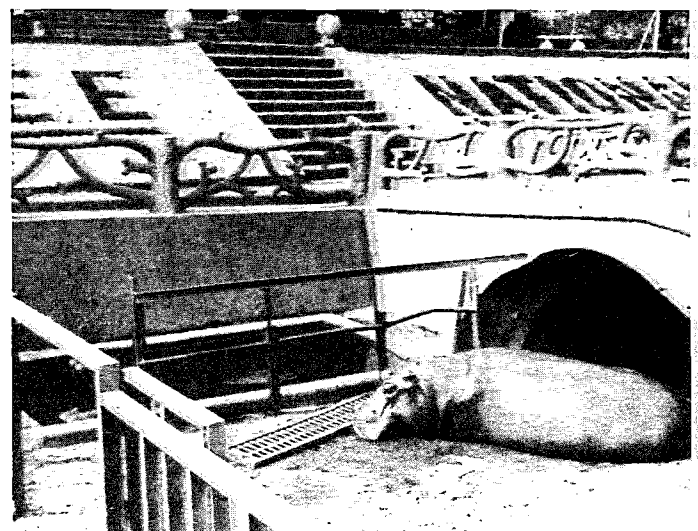
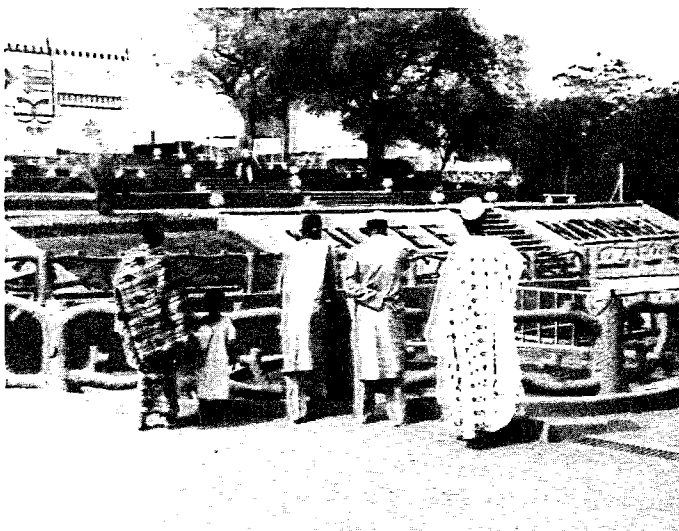
Здесь бывают самые разные люди, которые учатся, сами того не осознавая. Они видят в музее не место, предназначенное для элиты, а принадлежащую всем территории, где можно погулять, понаблюдать за дремлющими бегемотами или полюбоваться старинными костюмами. Здесь каждый чувствует себя как дома: можно громко разговаривать и смеяться, а детям — играть. По аллеям ходят туареги, одетые в красивые наряды предков (знаменитые «синие люди» Африки), продавцы кинжалов, украшенных тонкой резьбой. Ремесленник предлагает деревянных птичек, которые на самом деле оказываются ловушками (он их мастерит тут же, приплясывая и напевая старинную мелодию). Девочки продают земляные орехи, а мальчики — открытки. Музей полон жизни, в нем царит дух подлинности. Под «деревом палавера» постоянно идет дискуссия — люди чувствуют себя как в родной деревне. В музее можно узнать много

нового, поделиться опытом, и совсем необязательно быть грамотным.

Конечно, у музея есть свои проблемы. Прежде всего, это экономические трудности, связанные с чрезвычайной бедностью Нигера, отнесенного ООН к числу наименее развитых государств. Кроме того, возникают проблемы с хранением некоторых экспонатов, поскольку сухой и жаркий климат губителен для них.

И тем не менее в заключение следует сказать, что Национальный музей Нигера — удивительное учреждение, которое может стать источником вдохновения не только для других стран Африки, но и для многих государств, обладающих большим опытом в развитии музейного дела и не такими скудными финансами. Музей Нигера стал эффективным средством распространения знаний о народной культуре. Он помогает всему населению страны, включая неграмотных людей, осознать свою самобытность, познакомиться с другими этническими группами, а также добиваться более тесного сплочения в социальном плане. ■

«Мертвый час» у бегемотов.

ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕВ ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Положение музеев

тихоокеанского региона: необходимость коренных перемен

Сорои Эоз
(Soroï Eoe)

Директор Национального музея Папуа — Новой Гвинеи, Порт-Морсби.

Всегда считалось, что музеи, культурные центры, учебные и научные учреждения находятся в первых рядах движения за сохранение культуры и распространение знаний. Однако на деле быстрые перемены в социальной и культурной жизни в странах тихоокеанского и других регионов не получают должного отражения в деятельности музеев и культурных центров. Чем это объясняется?

Никто не будет оспаривать разумность самой идеи создания таких институтов, даже если они и были основаны бывшими колониальными державами, под властью которых находились Папуа — Новая Гвинея, Соломоновы острова, Вануату, Фиджи, Палау, Маршалловы острова и острова Кука. А что же происходит сегодня, после обретения независимости? Практически во всех странах Тихого океана (за исключением французских территорий) музеи испытывают финансовые трудности при выполнении своих основных функций, и прежде всего обеспечения надежного хранения памятников материальной культуры, не говоря уже о текущих расходах, связанных с активизацией деятельности в области комплектования коллекций, каталогизации, экспозиционной и научной работы. Главной причиной сложившегося положения считается тот факт, что правительства этих стран смотрят на музеи лишь как на тяжелое финансовое бремя. В чем же причина такого отношения к ним?

К сожалению, в настоящее время распространено мнение, что коллекции музеев являются не более чем случайным набором экзотических редкостей. Именно так относятся к ним многие люди в странах Тихого океана.

Для них предметы материальной культуры — любопытные и даже интересные вещицы, но в конечном счете они воспринимают музейные экспонаты как старый хлам, не представляющие большой ценности реликвии почти забытых культур. Подобная точка зрения подкрепляется убеждением, что музеи лишь частично представляют самобытную местную культуру, в действительности же они не отвечают нуждам огромного большинства коренного населения островов Тихого океана.

Индонезийский ученый и просветитель Макаминан Макагиансар (бывший заместитель генерального директора ЮНЕСКО по вопросам культуры) в свое время назвал музеи не достигшими зрелости отростками, взятыми от культурного наследия Европы XIX века, имевшего элитарный характер. Он сказал также, что, «хотя в музеях уже работают местные специалисты, они в значительной мере унаследовали отношение к музеям от своих европейских наставников прошлых лет, закрытой профессиональной группы, элитарной в том смысле, что она видит в музее главным образом учреждение для своих собственных научных занятий».

Эту достойную сожаления позицию разделяет большинство экономистов и политиков стран тихоокеанского региона. Почему, спрашивают они, музеям должны выделяться средства, если эти учреждения не принимают большого участия в процессе развития? В результате многие музеи оказываются в сложном положении, компрометирующем сам статус научно-просветительных учреждений, когда они пытаются что-то предпринять, чтобы избежать подобных обвинений.

«Дома мертвых»?

Чтобы разрушить бытующее представление, что музеи — это не что иное, как «дома мертвых», предназначенные только для узкого круга постоянных посетителей, музеи сами должны измениться, если, конечно, они хотят существовать и в следующем столетии.

Прежде всего музеям необходимо пересмотреть подход к науке и просвещению. Музейные работники (научные сотрудники и администраторы) часто пытаются ограничиться строго профессиональной и научной деятельностью, рассматривая все остальное как второстепенное, непрофессиональное и, безусловно, противоречащее прочно установившимся нормам и практике. Если такой позиции придерживаются наши читатели, являющиеся директорами музеев в странах тихоокеанского региона, то они могут распространиться со своими любимыми учреждениями. Их дни, несомненно, сочтены.

Многие из этих музейных работников цепляются за придуманный ими нереальный мир и живут в изоляции. Но меня радует, что некоторые музеи поняли характер отношения к ним и, предпринимая согласованные усилия, стремятся изменить направления своей деятельности. К таким музеям относятся Национальный музей Папуа — Новой Гвинеи и ряд музеев Новой Зеландии и Австралии.

С позиций холизма

Сегодня на общества стран тихоокеанского региона оказывают влияние социально-экономические факторы, характер их в разных странах различен и постоянно меняется. Музеи, ориентирующиеся в своей деятельности на прошлое столетие, равно как и музеи, служащие только будущему, стоят на неправильных позициях. Их сила, если они, конечно, хотят ее обрести, только в прочной связи с живыми, питающими их обществами.

Но для того, чтобы полностью войти в жизнь обществ, в которых они существуют, музеи должны коренным образом изменить свой подход, а именно: отказаться от стремления жить в «башне из слоновой кости», признать и развивать свою главную функцию — обслуживать публику и работать для общества в самом широком смысле слова. В этой связи перед музеями встают две практические задачи.

Ориентация на служение народу

Музеи должны служить людям и проявлять живой интерес к их проблемам. Необходимо установить двустороннюю

связь, привлекая к этому делу и музейную инфраструктуру, и всех музейных работников.

Одним из примеров служения насущным потребностям общества является организация выставок и издание публикаций по проблемам молодежи своей страны. Утверждать, что молодые люди рассматриваются часто как социальные отбросы общества, что они не находят поддержки в семье и не имеют работы, — значит не сказать ничего нового. Точно так же, как и повторять, что музеи мало что делают для молодежи, оказавшейся за стенами школы. Напротив, согласие принять участие в решении проблем молодежи будет означать определенный отказ от традиционного образа музея.

Музеи должны разрабатывать программы и проекты для неучащейся молодежи. Они уже располагают для этого немалыми материальными ресурсами. Им необходимо также произвести соответствующую реорганизацию, с тем чтобы, обращаясь к проблемам молодежи, сосредоточить свою деятельность на таких вопросах, как половое воспитание, экология, гигиена и питание, знакомство с определенными техническими навыками и т. д.

Роль катализатора

Музеи должны взять на себя и роль катализатора процесса развития, помогая правительству в разработке более совершенных проектов, которые послужат на благо людям и сегодня и завтра. Их авторитетная точка зрения на некоторые неправильно понимаемые вопросы развития должна быть доведена до сведения тех, кому осуществление этих проектов может нанести ущерб.

Мы отнюдь не предлагаем, чтобы музеи выступали в роли противника инициатив правительства. Совсем наоборот. Они, по нашему мнению, должны активно содействовать тщательному планированию и разработке проектов. Их функция должна состоять в предоставлении фактической информации о культурных аспектах планов развития и особенно об их возможных отрицательных последствиях, связанных с размыванием живых культур или разрушением предметов материальной культуры прошлого. Такая деятельность музея будет плодотворной для него самого, для правительства, для народа.

По нашему мнению, музеи должны играть роль катализатора во всех программах развития, но особое внимание следует уделять программам, направленным на решение социальных проблем. Чрезвычайно важным является участие музеев в многосторонних и двусторонних программах по разработке полезных ископаемых, вырубке леса

и бурению, которые осуществляются сейчас в нескольких странах Меланезии. В Папуа — Новой Гвинее, на Соломоновых островах, в Вануату и Новой Каледонии вырубается огромная площадь леса, что приводит к уничтожению целых деревень и миграции их населения.

И в заключение хочу еще раз сказать, что если музеи хотят выжить, они должны изменить характер своей деятельности, взять на себя новые функции. Многие музеи тихоокеанского региона находятся в состоянии полного упадка. Причина такого положения не в их бездеятельности, а в отсутствии финансовых средств, в чем музеи в значительной мере виновны сами: они отказались от активного участия в процессе развития, а это является необходимым условием для получения финансовой поддержки от правительства. Жертвы и компромиссы — неизбежная цена, но на них следует пойти. Если музеи не хотят больше оставаться в положении просителей у стола экономистов и политиков, если они намерены стать активными участниками распределения национального бюджета, они, несомненно, должны превратиться в учреждения, которым небезразличны главные проблемы сегодняшнего мира — такие, как ликвидация бедности, неграмотности, болезней и голода. И когда они этого достигнут, люди проявят большую готовность выделить средства для осуществления их традиционной роли. ■

Музеи и общественное сознание

в странах Тихого океана

Рисунок Жольена

Дональд Макмайкл
(Donald McMichael)

Родился в 1932 году. Имеет степень бакалавра (зоология), Сиднейский университет; степень доктора, Гарвардский университет. Работал хранителем, затем заместителем директора Австралийского музея. В течение двадцати лет занимался вопросами охраны окружающей среды и природопользования. С 1984 года — первый директор Национального музея Австралии. В 1988 году избран председателем Австралийского национального комитета ИКОМ.

Первые музеи в современном смысле этого слова появились в XVIII веке в Европе¹. Они образовались из разных коллекций, собранных главным образом богатыми людьми, стремившимися как можно больше узнать о природном и культурном наследии человечества. Их интересовало все — и прекрасное, и фантастическое. В XIX веке в подходе европейских музеев к комплектованию коллекций появилась определенная система. Кроме того, многие музеи стали субсидироваться государством, что вело к повышению их роли в социальной жизни общества.

Поскольку было признано, что музеи являются важным инструментом формирования общественного сознания, они получили быстрое распространение в колониях, принадлежавших европейским державам. Неудивительно поэтому, что в таких странах, как Индия, Австралия и Сингапур, уже давно существуют музеи, почти во всех отношениях повторяющие облик своих европейских предков. Обычно их размещали в величественных особняках — лучших образцах архитектуры того времени, бывших дворцах или других просторных зданиях, построенных для совершенно иных целей. В конце XIX — первой половине XX века эти музеи выполняли в своих странах чрезвычайно важную работу по сбору памятников материальной культуры и природных образцов, а также их документированию, что многие из них продолжают делать и по сей день.

В начале нашего века большинство музеев в экономически развитых странах основывалось в своей деятельности на примерно одинаковых теоретических принципах. Почти все они уделяли внимание вопросам качества и полноты коллекций и считали, что их основная задача состоит в том, чтобы знакомить широкую общественность с миром природы и культурными достижениями человечества.

К сожалению, до сих пор немало музеев строят свою работу на этом устаревшем принципе XIX века, хотя давно стало ясно, что в наши дни подобные учреждения не в состоянии привлечь широкие массы населения и не могут надеяться на успех, — во-первых, потому что существует множество других возможностей для развлечения и получения информации, а во-вторых, потому что изменились запросы людей. Например, в Австралии мы стали свидетелями превращения общества, состоящего почти целиком из лиц британского происхождения с небольшими вкраплениями туземного населения, в общество с многослойной культурой, в котором огромное число людей не имеет никакой связи с Великобританией и даже не говорит по-английски. Более того, мы живем в век, когда под воздействием быстрых технических и политических изменений жизнь теряет свою былую стабильность и многие люди перестают интересоваться прошлым. Им хочется яснее осознать сегодняшние процессы и понять, что ждет их в будущем. А музеи, как показывает практика, в большинстве своем не сумели перестроиться в соответствии с новыми требованиями.

1. Данная статья написана на основе доклада, представленного на 4-й региональной ассамблее ИКОМ стран Азии и Тихого океана, которая состоялась в Пекине в марте 1989 года.

Новая задача — социальное образование

К счастью, в последние годы некоторые старые методы музейной работы были признаны неэффективными. По всему миру развернулись жаркие споры о характере и роли музеев, об их традиционном вкладе в просвещение. В ходе дискуссий возникло новое понятие, которое я бы назвал «социальным образованием». Сегодня оно рассматривается как одна из основных функций музеев, мало того — как необходимое звено всей их работы. Под «социальным образованием» я понимаю образование, направленное на изменение установок людей — как местного населения, так и зарубежных туристов — в отношении тех или иных конкретных вопросов. Задача заключается в том, чтобы направить внимание публики на социально значимые проблемы и добиться изменения их восприятия. Я убежден, что в нашем регионе музеи должны сыграть особую роль в этом отношении.

В деятельности культурно-исторических музеев социальное образование нередко занимало значительное место. Проще говоря, они стремились помочь людям яснее осознать культурные различия и таким образом внести свою лепту в решение весьма важной проблемы — вспомним Устав ЮНЕСКО, в котором говорится, что «взаимное непонимание всегда было в ходе истории причиной подозрительности и недоверия среди народов, вследствие чего их разногласия слишком часто приводили к войне».

В обществах с многокультурной структурой у представителей различных культур часто наблюдается недоверие, даже неприязнь друг к другу, рождаемое предвзвешенными и непониманием, но главным образом — незнанием. Именно такое положение сложилось в Австралии, где в настоящее время проживают люди самых разных культур и потому возможность столкновений на межкультурной почве чрезвычайно высока. Правительство Австралии уделяет большое внимание развитию плюрализма, укоренению в сознании австралийцев того факта, что наше общество является многокультурным и что важнейшее условие социальной сплоченности — уважение культурных ценностей всех его членов.

Немалую роль в создании климата взаимного уважения могут сыграть музеи. В последние годы ряд музеев Австралии предпринял попытку дать более позитивное, чем раньше, освещение культуры аборигенов. В прошлом, когда население Австралии состояло в основном из потомков англичан и небольшой доли туземцев, аборигенов считали при-

Peter Fox

митивным, отсталым в культурном плане народом, в какой-то мере в них видели объект изучения, но уж ни в коем случае не восхищения или уважения. Хочется верить, что в наши дни подобные стереотипы чужды образованной части австралийского населения. С полной уверенностью можно сказать, что их не найти и в деятельности музеев страны. Наоборот, в настоящее время наблюдается стремление понять и оценить культурное богатство аборигенов, особенно их искусство. Сегодня общепризнано, что им удалось достичь гармонии с природой: занимаемая территория, малопригодные для нормального существования, они наладили образ жизни, не наносящий значительного урона земле, флоре и фауне. В этом отношении они преуспели гораздо больше тех, кто приехал в Австралию из разных регионов мира. Позитивное освещение музеями культуры аборигенов может только помочь лучшему пониманию и взаимному уважению между туземным населением страны и выходцами из Европы и других континентов. Я уверен, что нечто похожее происходит и в других странах Тихоокеанского бассейна и что перед их музеями стоит примерно такая же задача, как перед австралийскими.

Вануату и Новая Зеландия

Интересный опыт социального образования накоплен в Культурном центре Вануату (в него входят музей, картинная галерея и библиотека). Усилиями сотрудников центра на видеопленку записаны различные элементы культурной жизни многочисленных мелких общин, составляющих население страны. В Вануату проживает около 150 тысяч

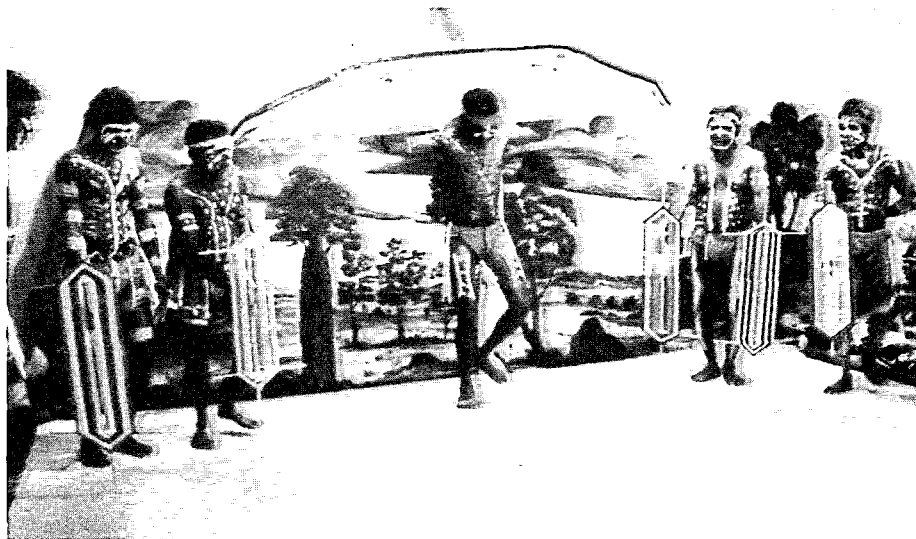
человек, говорящих более чем на ста языках. Некоторые из них принадлежат совсем небольшим группам людей.

Правительство страны поставило перед собой задачу сохранить это культурное и лингвистическое многообразие и поручило Культурному центру Вануату, используя кино-, фото- и звукозаписывающую аппаратуру, зафиксировать все то, что связано с традиционной культурой (особенно языками) различных групп населения. Такая работа по всем признакам является одной из форм социального образования. Осуществление ее под силу лишь специально подготовленным музейным сотрудникам, прекрасно владеющим техникой записи и к тому же убежденным в целесообразности выполнения данной программы.

Конечно, кто-то придерживается противоположной точки зрения и считает, что в «реальном мире» нет места культурным проявлениям и языкам, принадлежащим небольшим группам населения, что будущее за универсальными языками, за теми народами, которые в состоянии не только воспользоваться плодами экономического развития и технического прогресса, но и взять на себя соответствующее бремя расходов. И такой взгляд имеет право на существование. Но если признается необходимость сохранения культурного многообразия, то очевидно, что не последнюю роль в этом деле могут сыграть музеи стран Тихоокеанского бассейна.

Что касается художественных музеев, то ими делались попытки пропагандировать достижения искусства различных культур, но в целом они мало чего достигли в области социального образования. Однако в нашем регионе планируется создать музей, где искусство представлено как неотъемлемая и

Чой Ли Фут из Сиднейской федерации военных искусств исполняет китайский танец льва на открытии выставки «Выживание» в центре Яррамунди Национального музея Австралии. Выставка привлекла внимание к многообразию культур, составляющих современное австралийское общество, и показала, что, несмотря на засилье культуры британского происхождения, местная культура продолжает жить.

Museum Studies Unit, CCAE

социально значимая часть жизни общества. Я имею в виду музей культуры народа маори, известный как *Te Vare Tangata Venua*; он должен быть построен в Веллингтоне, столице Новой Зеландии.

Идея создания этого музея возникла в связи с тем, что показ искусства народа маори в соответствии со старыми музейными традициями, когда оно соседствовало в классической художественной галерее с западным искусством, не отвечает требованиям сегодняшнего дня. Ведь искусство народа маори преподносилось как нечто застывшее в рамках определенной исторической эпохи, а не как часть постоянно развивающейся и обогащающейся культуры, взаимодействующей с современной культурой *пакеха* — новозеландцев европейского происхождения.

Маорийцы с их растущим национальным самосознанием считают, что более широкое понимание и развитие собственной культуры поможет им почувствовать себя новозеландцами, что организация нового музея, имеющего маорийское название и целиком посвященного искусству маорийцев и коренных жителей Тихоокеанского бассейна, подчеркнет значение туземного населения этого региона и его влияние на общество и культуру Новой Зеландии. В будущем *Te Vare Tangata Venua* предполагается создать *мараэ* — специальное место, где обычно происходят маорийские церемонии. Но идея нового музея настолько необычна, что пока нет четких планов ее претворения в жизнь. Так, неизвестно, каким будет здание. Потребуются широкие консультации с представителями народа маори и других народов, населяющих острова Тихого океана и составляющих сегодня важный элемент новозеландского общества.

«Вина... гнев»

Еще одна группа музеев, о которой хотелось бы упомянуть, представляет собой относительно новые учреждения, известные как музеи социальной истории. В других музеях, посвященных истории человечества, недавно организованы отделы социальной истории. Для них главное — не культурные сокровища прошлых поколений, не документы, повествующие о великих сражениях, не героические личности, а жизнь простых людей, условия их существования. Они пытаются, поняв и представив соответствующим образом повседневную жизнь обществ в былые времена, помочь людям осознать истоки современного общества. В таких музеях социальное образование обычно является одной из основных задач.

Однако, как писала в 1987 году А. Хэнкокс, «решение социальных и культурных вопросов, вне всякого сомнения, представляет немалую трудность. Оно рождает чувство вины, неполноценности, отчаяния и гнева. Вряд ли какое-то учреждение захочет взвалить на свои плечи бремя крестового похода во имя осуществления всемирной утопии. С другой стороны, вполне можно ожидать, что музеи пересмотрят свои цели и попытаются охватить более широкие области»².

Последние слова справедливы в отношении Национального музея Австралии. Хотя он еще только создается и вряд ли откроется раньше середины 1990 года, мы уже организовали небольшой выставочный центр, расположенный на берегу прекрасного озера в столице Австралии — Канберре. Здесь прошло две выставки, и каждая из них затрагивала одну из наиболее острых социальных проблем, стоящих перед сегодняшней Австралией, — право абори-

Аборигены из Калумбуру (северо-западная Австралия) исполняют в колледже высшего образования в Канберре танец, посвященный циклону Трейси. Украшения изготовлены ими в хранилище Митчелла в Национальном музее Австралии. Танец и украшения свидетельствуют о приспособлении традиционной культуры аборигенов к современной жизни, а также о попытке Национального музея Австралии представить культуру аборигенов как жизнеспособную силу коренного населения.

2. A. Hancocks, "Museum Exhibition as a Tool of Social Awareness", "Curator", Vol. 30, 1987, pp. 181—192.

ригенов на землю. Вкратце вопрос сводится к следующему: получит ли туземное население неотъемлемое право на землю, с которой оно традиционно связано. Некоторые австралийцы считают, что в результате заселения континента европейцами земля отошла государству и потому аборигены, как и остальные члены австралийского общества, могут получить право на нее, купив или арендовав участок на свободном рынке. На мой взгляд, по справедливости следует признать, что аборигены первыми заняли Австралию и что в ходе продолжавшегося в течение последних двух веков заселения континента европейцами местные жители были лишены земли. Следовательно, их требование возвратить им хотя бы часть ее, и прежде всего ту территорию, которая представляет для них особую ценность в плане утверждения культурной самобытности, имеет все основания. Национальный музей Австралии считает своим долгом рассказывать посетителям о культуре аборигенов, о том, как они заселяли и использовали земли Австралии. Музей стремится к тому, чтобы отношение австралийцев — выходцев с других континентов — к требованиям аборигенов о возвращении им земель основывалось не на незнании или непонимании, а на взаимном согласии и уважении. Таковы первые робкие шаги музея на пути решения его основной задачи — осуществления социального образования.

В заключение следует сказать, что работу по расширению социального образования необходимо проводить сознательно и добросовестно. Вот как определяет роль и задачи музеев Американская комиссия по музеям нового века:

Экспозиция представляет собой мощный инструмент воздействия на человека, потому что пропагандой заложенных в ней идей занимается учреждение, обладающее определенным авторитетом. Учитывая потенциальные возможности экспозиции, необходимо относиться к ее использованию с ответственностью — при полном признании интеллектуальной самостоятельности музея, а также его роли в просвещении публики.

По моему твердому убеждению, данное положение справедливо в отношении музеев как Тихоокеанского бассейна, так и любого другого региона. ■

Национальный музей Фиджи: краткое описание

Несмотря на предпринятые усилия, нам не удалось получить для настоящего номера журнала "Museum" статью о Национальном музее Фиджи, находящемся в столице государства, городе Сува. Однако, полагая, что необходимо хотя бы кратко рассказать нашим читателям об этом учреждении, мы публикуем справку, подготовленную сотрудницей журнала Дениз Бреннан на основе информации, имеющейся в Центре документации ЮНЕСКО — ИКОМ.

Национальный музей Фиджи был создан в 1904 году Фиджийским обществом — группой людей, объединившихся с единственной целью — сохранить образцы ремесел архипелага. Благодаря организации музея удалось уберечь от продажи за границу многие предметы, составляющие сейчас ядро его коллекции. В настоящее время она включает этнографические материалы, на протяжении лет собиравшиеся непосредственно хранителями, а также предметы материальной культуры, которые музей смог приобрести из частных коллекций, сложившихся к концу прошлого века.

После пожара 1919 года, уничтожившего часть коллекции, музей переехал из занимаемого им помещения в городской ратуше в здание, где раньше размещался дом престарелых. Позднее он переехал в Публичную библиотеку Сувы, а в 1956 году — в свое теперешнее помещение, построенное на средства Фонда Карнеги. Новое здание расположено в тихом, уединенном уголке ботанического сада. В музее всего один большой зал. В 1971 году к зданию была сделана пристройка, что позволило увеличить экспозиционную площадь и разместить библиотеку, комнату для занятий, мастерскую и канцелярию.

С самых первых лет существования музея за ним укрепилась репутация элитарного учреждения, рассчитанного на высокообразованных людей. В конце шестидесятых и в начале семидесятых годов были предприняты шаги, чтобы сделать музей более доступным для широкой публики, заинтересовать ее и привлечь к участию в осуществляемых музеем программах. До проведения этой кампании основную часть посетителей музея составляли туристы из разных стран.

Дом собраний

В тот же период музей превратился в центр научно-исследовательской работы. Так, в 1975 году была начата программа по сбору образцов фиджийского устного творчества; в следующем году от Южно-Тихоокеанской комиссии музей получил южнотихоокеанский музыкальный архив. Следует отметить, что музей не стремился быть «башней из слоновой кости», — наоборот, результаты его научно-исследовательской деятельности увязывались с общеобразовательными программами, а новые находки регулярно экспонировались на временных выставках, так что публика могла как бы принимать участие в процессе открытий.

Одной из важнейших функций фиджийского музея является просветительная деятельность. Полагают, что созданная для ее осуществления специальная служба, а также широкое использование прессы и радио в наибольшей степени способствовали значительному увеличению числа посетителей из местного населения. Огромным успехом пользовалась в музее временная выставка, посвященная искусству резьбы по дереву. Особое внимание на ней привлекли к себе резчики: на глазах наблюдавшей за их работой фиджийской публики они создавали с помощью таких же инструментов, какими располагали древние фиджийцы, точные копии традиционных предметов прошлого.

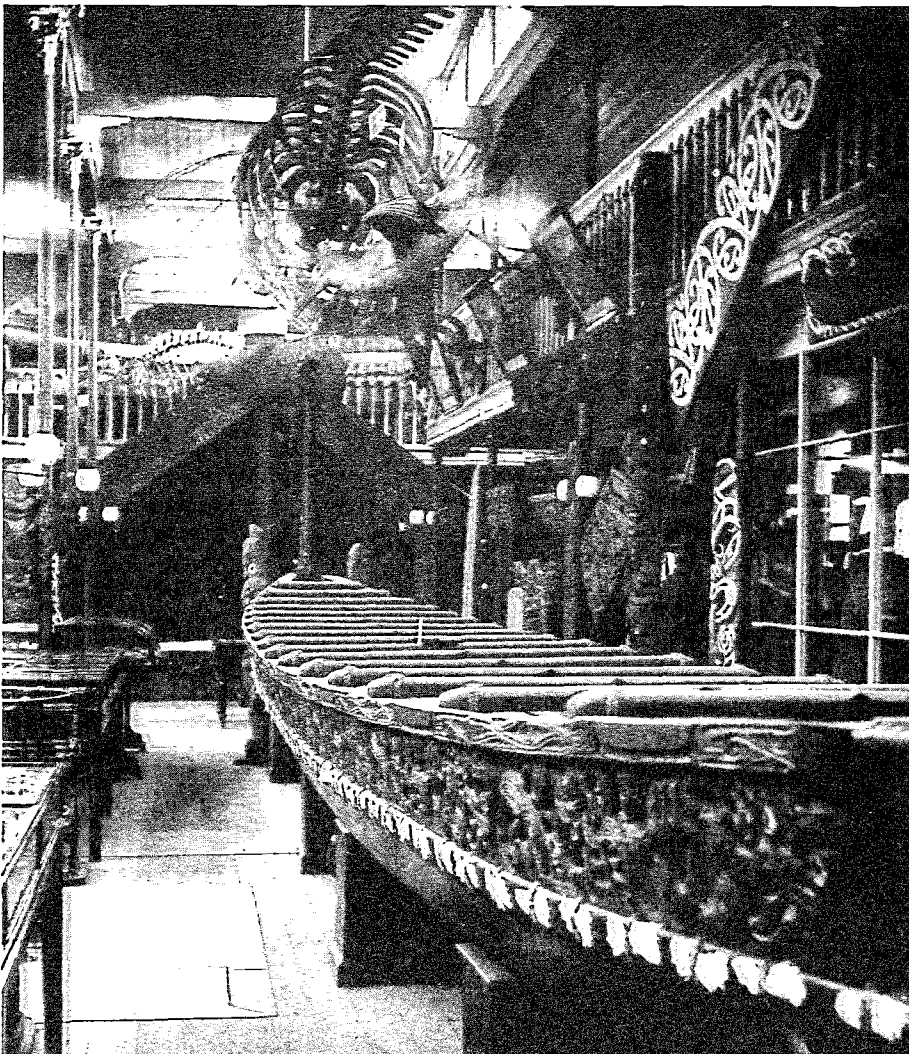
Столь же живой и интересной была программа, посвященная устному творчеству прошлого. Раз в месяц по вечерам люди собирались вокруг чаши с *кава* (напитком, который пили при совершении различных обрядов) и слушали в исполнении талантливых рассказчиков традиционные сказания. Таким образом музей как бы превращался в дом собраний традиционной деревни. ■

Снова при свете дня? Музеи и культура маори в Новой Зеландии

Эта фотография, сделанная в 1907 году, показывает «кунсткамерный» подход к экспозиции главного зала Музея Британского доминиона (ныне Национального музея) в Веллингтоне.

Арапата Хакивай
(Arapata Hakiwai)

Хранитель-стажер в Национальном музее
Новой Зеландии.

Ehara taku toa i te toa takitahi
Engari takimano no aku tipuna.
Te ihi, te wehi, te mana me te taru.

(Мое величие и достоинство — результат не одной, а многих причин. Достоинство, мощь и величие дали мне предки.)

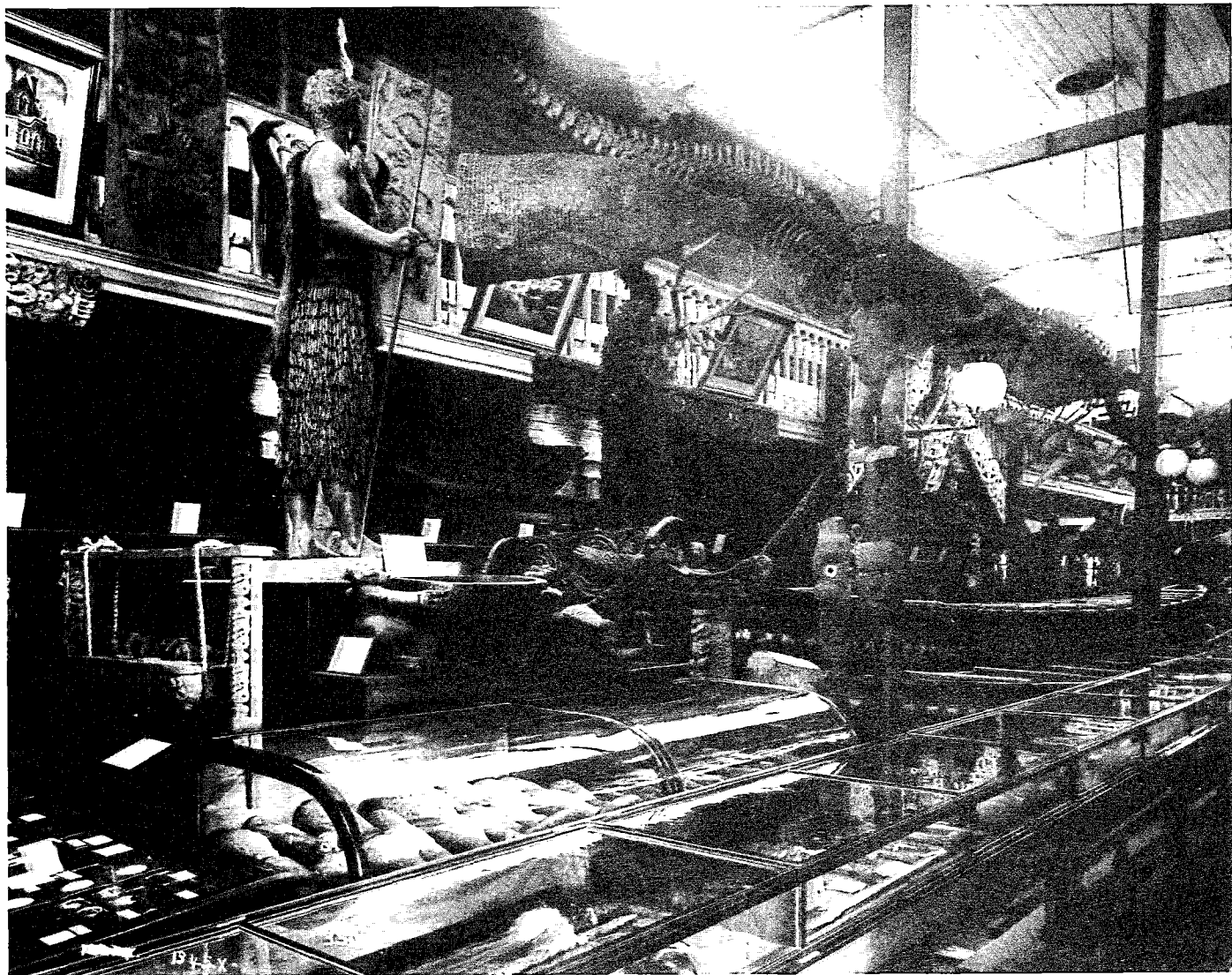
Выставка *Те Маори*

показала миру искусства и музеев, что сокровища, представленные на ней, до сих пор являются частью нашей сегодняшней, живой культуры. Для непосвященных это просто изделия из дерева и камня. Но когда старики и молодежь начинают распевать ритуальные песни былых времен, рассказывающие об истории, о надеждах, боли и устремлениях народа, выставка оживает. Перед нами живая культура, пронизанная духом народа. Когда культура и народ соединяются, выставка превращается в живой, неведомый для непосвященных организм.

Так сказал в 1986 году К. Ветере, министр Новой Зеландии по делам народа маори.

Великолепная *Те Маори*, как отзывался о ней один из организаторов, профессор Сид Мид, представляла собой международную выставку маорийского искусства, которая до сих пор как бы является вызовом музеям Новой Зеландии, ставя под сомнение их установки, задачи и функции. Выставка состояла из 174 *таонга* (сокровищ), привезенных в 1984 году в США и экспонировавшихся в Нью-Йорке, а затем в Сент-Луисе, Сан-Франциско и Чикаго. В середине 1986 года сокровища вернулись в Новую Зеландию. Это была поистине уникальная выставка, ибо впервые в истории страны маорийцы смогли так широко показать свое художественное наследие. То был исторический момент: наши предки, представленные сокровищами народа, как бы получили возможность вырваться из темноты и холода музейных залов и подвалов и вновь выйти на свет.

Как сказал один из *кауматуга* (уважаемых маорийских старейшин) Сид Мид,

Еще одна фотография 1907 года, сделанная в Музее Британского доминиона: памятники культуры маори соседствуют с костями животных. Неудивительно поэтому, что даже сегодня дети считают маорийцев давно вымершими.

впервые в истории народ маори вступил в переговоры об организации международной выставки своего искусства. Впервые мы получили возможность задавать тон и решать, что нужно сделать... Мы показали маорийское искусство всему миру¹. Выставка имела огромный успех. Она взволновала всех, кому посчастливилось ее увидеть. Многие американцы, наблюдавшие величественные церемонии и ритуалы, были тронуты до слез. Они открыли для себя глубокий духовный смысл выставки, вернее, маорийской культуры. Печально, что нашим сокровищам пришлось проделать длинный путь в США, чтобы получить международное признание как одной из великих художественных традиций мира. Это обвинительный акт новозеландской общественности, которая никогда не признавала, не понимала и не ценила маорийское искусство — так называемое «национальное сокровище» Новой Зеландии.

Значение выставки *Те Маори* велико, она заставляет пересмотреть позиции и практическую деятельность всего нашего музейного мира.

«Хранилище награбленного и скорби»

Как и в странах других континентов, в Новой Зеландии музеи возникали на основе коллекций, собранных представителями знати и ученого мира, а также первыми литературными и научными обществами. Коллекционерами двигали различные побуждения. Если взять Новую Зеландию, то здесь «главной побудительной силой было стремление собрать уникальные предметы, принадлежавшие народу, который многие европейцы считали умирающим»². Существовало мнение, что в результате мощного притока колонизаторов маорийцы вымрут. Вот почему началась погоня за предметами и фотогра-

фиями представителей этого народа.

Появились также люди, занимавшиеся осквернением могил. Демонстрируя полное неуважение к обычаям и верованиям маорийцев, они грабили могилы и другие святы места. До сих пор еще не зажили раны в душе оскорбленных маорийцев. Музеи — хранилища наших сокровищ — предстают подчас как памятники этой пагубной практики, «места смерти, груды костей... дома мертвых, печальные хранилища награбленного и скорби»³.

На ранней стадии зарождения музейного дела все памятники, имевшие отношение к маорийцам, экспонировались в витринах вместе с чучелами животных и птиц, насекомыми и рыбами. Верно заметил профессор М. Эймз, директор музея при Университете Британской Колумбии:

Типичным для первых антропологических экспозиций был одинаковый принцип показа предметов, принадлежавших примитивным обществам, и естественноисторических образцов. В соответствии с традициями кунсткамер примитивные народы рассматривались как часть природы, подобно флоре и фауне, и потому при классификации и экспонировании их искусства и ремесла учитывались общность форм, стадия развития и географическое происхождение⁴.

Сегодня время кунсткамер прошло и музеи пользуются другими подходами при организации экспозиции, интерпретации памятников, осуществлении просветительной и научной деятель-

ности. Необходимо подумать о роли и проблемах музеев, занимающихся пропагандой истории и культуры народа маори, в связи с чем возникает новый ряд вопросов.

Проблемы, связанные с комплектованием, консервацией и экспонированием коллекций, а также просветительной работой, непосредственно относятся к деятельности музеев. Но разве их решение не зависит от образа мышления тех, кто стоит у власти? Многие музеи мира являются продуктом своего собственного национального социально-экономического устройства и выражают его философию и направленность. В этом отношении Новая Зеландия не является исключением.

«Когда вымерли маорийцы?»

Культуру народа маори подвергали многочисленным искажениям, дабы подогнать ее под теоретические и практические стандарты западной науки. В музеях в основном работают люди с монокультурным, евроцентричным подходом. Для них история определяется строгими западными параметрами и холодными высокоучеными дефинициями. Вот что говорит Сид Мид: «Маорийская культура сильно страдает сегодня от благонамеренных попыток *пакеха* (новозеландцев европейского происхождения) объяснить миру нашу суть. Так, *пакеха*, работающие в музеях... считают себя источником знаний о нас... Антропологи тоже мнят себя

Церемония открытия выставки *Те Маори* в Национальном музее в Веллингтоне. Искусство маори — результат взаимодействия народа и его культуры.

1. Sid Mead, "Magnificent Te Maori: Te Maori Whakahirahira", p. 11, Auckland, Heinemann, 1986.

2. B. McFadgen-Richardson, "Maori Halls in New Zealand" ("AGMANZ Journal", vol. 14, No. 4, 1983, p. 2).

3. N. Te Awetokuku, "He tuhituhi noa iho..." ("AGMANZ Journal", Vol. 16, No. 4, 1985, p. 8).

4. M. Ames, in L. P. Vidyarthi (ed.), "Museums, the Public and Anthropology: A Study in the Anthropology of Anthropology", p. 39, Vancouver, University of British Columbia, 1986.

Церемония закрытия выставки *Те Маори*: почтение и радость, задумчивость и скорбь.

знатоками «наших маорийцев»... и специалистами по нашей культуре»⁵. Это — самое настоящее культурное высокомерие.

Одна из задач музея состоит в том, чтобы дать истинный портрет туземного населения страны, информируя, просвещая публику, экспонируя и интерпретируя памятники. Но разве музей в своей работе не обязан учитывать особенности культуры народа? Маорийская культура предполагает, что представитель народа маори должен иметь возможность взять экспонат в руки, ощутить его форму, пообщаться со своими предками через такие *таонга*, созданные великолепными мастерами. Надо быть уверенным, что твое искусство берегут и чтят в музее, что люди понимают значение и важность маорийского языка и его роли в культуре маори в целом. Надо, чтобы на всех уровнях музейной работы чувствовалось истинное присутствие маорийцев, чтобы почиталась *маури* (жизненная сила), которой обладает предмет. Надо не отрицать ее, а уметь видеть в ней источник жизненной силы нашего общества в будущем, средство совершенствования музеев в широком смысле слова. Только так можно сберечь маорийскую культурную историю, более того — наполнить красотой наши музеи, вернуть им доверие, укрепить их положение в обществе.

Возьмем, например, этикетки. Они должны быть составлены на двух язы-

ках. Нам не нужны сухие объяснения в западной манере. А очень часто этикетки написаны холодным, бездушным языком, ориентированы на археологию и полностью оторваны от культуры, о которой они рассказывают. Музейные экспозиции нередко представляют нашу культуру как нечто статичное, застывшее во времени, лишённое преемственности и динамизма, свойственных всем культурам. Я против того, чтобы наши сокровища выставлялись в огромных стеклянных витринах образца XIX века и сопровождались сухими, безликими этикетками, приклеенными на обшарпанные, бесцветные поверхности. Это не для маорийской культуры!

Может быть, нашим музеям стоит обратиться к иным подходам — таким же живым, как представляемая ими культура? По моему мнению, ответ заключается в другом вопросе, который недавно задал ученик начальной школы после посещения посвященного маорийской культуре зала в Национальном музее: «А когда вымерли маорийцы?»

Очковитирательство или сотрудничество?

Каковы перспективы деятельности музеев в данной области? Сначала посмотрим, как отреагировали на выставку *Те Маори* различные учреждения культуры. Многие высказали мысль о

том, что музеи должны активнее выступать в роли «посредников» в отношениях с маорийцами. Другие предложили развивать контакты и консультации и увеличить число таких «специалистов». Не забыли упомянуть и о том, что необходимо больше «вкладывать» в маорийцев. Мне кажется, что все это говорилось лишь для отвода глаз.

Народу маори необходимо предоставить право самому распоряжаться собственным наследием, объяснять мировоззрение маори и знакомить с ним как своей, так и другие народы. Музеи — уникальные учреждения, они могут выполнить эти задачи, что, кстати, будет способствовать росту авторитета самих музеев.

Выставка *Те Маори* выявила необходимость переоценки традиционных взглядов на историю Новой Зеландии. Тем не менее остается без ответа ряд серьезных вопросов. Как сказал Хенаре Те Уа: «Чем явилась выставка — голубем свободы творчества или альбатросом?»⁶ Лично мне хочется надеяться, что, объединив усилия, мы сможем продвигаться вперед в атмосфере сотрудничества и взаимного уважения. ■

5. Sid Mead, "Concepts and Models for Maori Museums and Culture Centres" ("AGMANZ Journal", Vol. 16, No. 3, 1985, p. 4).

6. H. Te Ua, "Comment" ("AGMANZ Journal", Vol. 18, No. 2, 1987, p. 9).

Главный фасад старого комплекса
Музея Бишоп. Справа здание
Гавайского зала, за входной башней
здание Полинезийского зала.

Bishop Museum, Ben Paimoi

От «дома» сокровищ до «постоянного источника знаний»: столетие Музея Бишоп, Гавайские острова

Роджер Роуз
(Roger Rose)

Бакалавр искусств (антропология), Канзасский университет, магистр искусств и доктор философии, Гарвардский университет. С 1971 года сотрудник отдела антропологии в Музее Бишоп. Занимается изучением материальной культуры Тихоокеанских островов, представленной в различных музеях мира. Работал в Афганистане, во Франции, на Гавайях, Маркизских и Соломоновых островах и в штате Вайоминг (США). Автор работ по музеологии, в том числе книги о Музее Бишоп ("A Museum to Instruct and Delight, William T. Brigham and the Founding of Bernice Pauahi Bishop Museum", 1980).

Музей Бишоп — памятник принцессе Бернис Пауахи Бишоп (1831—1884); с ее смертью на Гавайских островах прекратил свое существование род вождей Камехамеха. Музей был основан в 1889 году ее мужем Чарлзом Ридом Бишопом, не имевшим формального образования выходцем из Нью-Йорка, который в течение почти пятидесяти лет играл заметную роль в деловой и общественной жизни Гавайев. Музей функционирует на основании оформленного в 1896 году акта об учреждении совета попечителей, подчеркивающего значение «полинезийских и родственных им древностей, этнографических и естественноисторических материалов». За этими словами, на протяжении столетия предварявшими издававшийся Музеем Бишоп ежегодник "Annual Report", — энергия и самоотверженность людей, создавших учреждение, призванное служить жителям не только Гавайев, но и других островов Тихого океана.

Бернис Пауахи была правнучкой вождя Камехамехи Великого, объединившего в 1810 году Гавайские острова и заложившего тем самым основы гавайского королевства. Родившаяся в знатной семье и получившая образование в лучших учебных заведениях Гонолулу, Бернис Пауахи Бишоп при жизни унаследовала огромные владения. Не имевший других наследников король Камехамеха V еще при своей жизни просил ее в 1872 году занять трон, но она отклонила это предложение. Пауахи учредила фонд (фонд Бернис Пауахи Бишоп), куда вошли принадлежавшие ей земли, занимавшие около девятой части территории королевства. Не имея детей и желая, чтобы ее состояние служило делу просвещения молодого поколения Гавайев, Бернис Пауахи Бишоп назначила единственным получателем дохо-

дов от фонда образованную ею организацию «Камехамеха скулз».

Коллекцию гавайских древностей, принадлежавшую Бернис Пауахи Бишоп, унаследовал Чарлз Бишоп. В память о своей жене он создал музей. К тому же ему хотелось, чтобы в стране существовал свой национальный музей. Дело в том, что Гавайский национальный музей, созданный в 1875 году и субсидируемый государством, уже в 1891 году прекратил свое существование в результате политических интриг. Чарлз Бишоп был дальновидным человеком и, прекрасно понимая, какую важную роль может играть музей в деле просвещения, выбрал для него место на территории «Камехамеха скулз», открытых в 1887 году на окраине Гонолулу. Его тревожило, что подрастающая молодежь очень мало знает о своем культурном наследии, и он надеялся, что собранные в музее «памятники прошлого» дадут гавайским юношам и девушкам «соответствующие знания и будут способствовать их патриотическому воспитанию»¹.

*Здания музея:
он неороманского стиля
к полинезийскому*

Весной 1888 года началось строительство трех соединенных между собой зданий Музея Бишоп. Первое из них, построенное в неороманском стиле, напоминало работы американского архитектора Генри Гобсона Ричардсона.

1. Quoted in R. G. Rose, "A Museum to Instruct and Delight, William T. Brigham and the Founding of Bernice Pauahi Bishop Museum", p. 17, Honolulu, Bishop Museum Press, 1980.

Bishop Museum

Гавайский зал, открытый в 1903 году. В центре зала находится хижина, установленная здесь годом раньше. Это последний сохранившийся до наших дней подлинный образец подобного жилища на Гавайских островах. Подвешенный сверху скелет кашалота с туловищем из папье-маше — один из первых в мире экспонатов такого рода.

Семья местных жителей знакомится с древними деревянными фигурками гавайских богов.

Bishop Museum, C. Yaco

Величественная башня входа делала его похожим скорее на мемориал, чем на действующий музей. Еще до открытия, состоявшегося в феврале 1892 года, первый хранитель музея, Уильям Тафтс Бригэм, убедил Бишоп в необходимости построить здание Полинезийского зала для показа и хранения памятников этнографии и естественной истории островов Тихого океана. Таким образом, музей стал ставить перед собой более широкие задачи. После посещения доктором Бригэмом в 1896 году музеев различных стран было воздвигнуто здание Гавайского зала (1898—1903). Этот шедевр архитектуры викторианской эпохи по-прежнему служит главным экспозиционным помещением музея. Его сделанные на заказ встроенные витрины из ценного местного дерева *koa* (*Asacia koa*), герметичные и снабженные специальными замками, стоили примерно столько же, сколько и само здание. Названный газетами того времени «одной из прекраснейших построек Гонолулу»² весь комплекс (вместе с возведенными позже зданиями) в 1982 году был занесен в Национальный список исторических мест.

Обстоятельства помешали осуществлению планов доктора Бригэма возвести еще одно крыло и тем самым завершить генеральный план строительства, но в дальнейшем музей продолжал расширяться. В 1961 году открылся научный центр с планетарием. В 1979 году к нему пристроили рассчитанный на детей «Зал открытий», а в 1982 году — еще один павильон. В 1980 году был сооружен открытый длинный дом полинезийского типа для чтения лекций, демонстрации ремесел и проведения различных культурных мероприятий и собраний, посвященных жизни общины. В настоящее время музей Бишоп, занимающий в пригороде Гонолулу территорию 4,5 гектара, располагает помещениями площадью 45 700 м², почти 13 400 м² из них открыты для публики. Под экспозицию отведено только 9000 м² — примерно одна пятая всей площади.

Музей Бишоп и теперь продолжает развиваться, что отвечает растущим потребностям общества. Благодаря удачно проведенной в 1982—1983 годах кампании по сбору средств сейчас сооружается здание стоимостью 5,42 миллиона долларов. С вводом его в действие музей перестанет испытывать острую нехватку в современных экспозиционных помещениях. Новое здание — Х. К. Л. Касл Мемориал (оно названо в честь человека, пожертвовавшего большую часть средств) — увеличит площадь музея почти на 13 400 м²; приблизительно треть ее займут новый главный вестибюль и два зала для временных экспозиций. На остальной площади разместятся антропологические коллекции и Тихоокеанский региональный центр консервации. Планируется соорудить еще одно здание, которое будет объединено общим величественным фасадом с суще-

ствующими историческими постройками из вулканических пород. Строительство предполагается завершить к 19 декабря 1989 года — началу празднования по случаю столетия со времени основания музея и 158-летия со дня рождения Бернис Бишоп.

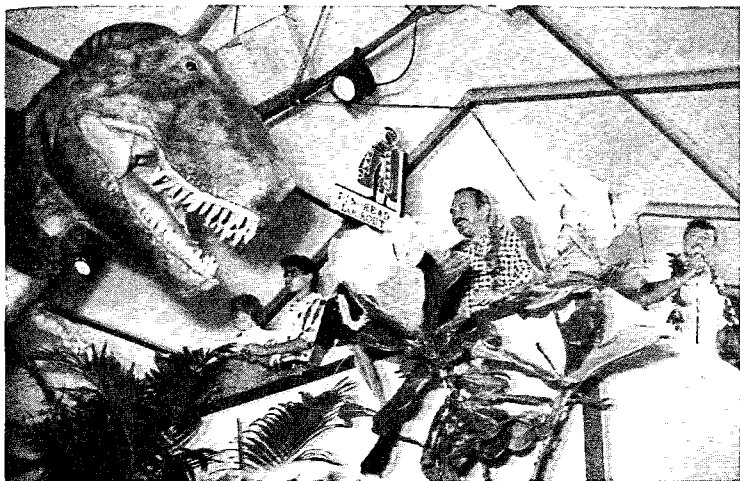
Начало научной деятельности

Вскоре после своего назначения первый хранитель музея Уильям Т. Бригэм принял решение о том, что «Халь Хо'ике'ике о Камехамеха» — так сначала на гавайском языке назывался музей — должен быть не только «Домом сокровищ рода Камехамеха». Музею очень повезло, что в первые годы существования его возглавлял доктор Бригэм, человек с широким круго-

Прицесса Бернис Пауахи Бишоп, в память о которой был создан Музей Бишоп.

Bishop Museum

Bishop Museum

Губернатор Гавайев Джон Вейхи (в центре) и директор музея Доналд Дакуорт (справа) открывают выставку *Динозавры*. В 1988 году на ней побывало свыше 196 тысяч посетителей, из которых 96% составили местные жители.

Bishop Museum, M. Young

Галерея ремесел. Эстер Уэстморленд демонстрирует искусство плетения из *лау хала* (волокон листьев пандануса). Во время проведения «года Гавайев» в этом разделе экспозиции «Совершенное наследие прошлого» были представлены работы современных мастеров.

зором, большим опытом и знаниями. Доктор Бригэм родился в Бостоне и получил образование в Гарварде. В 1864—1865 годах по рекомендации сейчас уже ставших легендарными профессоров Асы Грея и Луи Агассиса он впервые посетил Гавайи для сбора образцов по ботанике и минералогии. В 1889 году Бригэм поселился в Гонолулу, с тем чтобы, используя свой двадцатипятилетний опыт почетного хранителя музея Бостонского общества естественной истории, написать историю Гавайских островов. Первоначально доктор Бригэм был приглашен в новый музей для работы с коллекциями, а в 1898 году стал первым директором Музея Бишоп и оставался в этой должности до ухода в 1910 году в отставку в звании почетного директора.

Именно доктор Бригэм определил масштабы, характер и направление деятельности Музея Бишоп, он же убедил Чарльза Бишоп в необходимости финансирования разносторонней научной работы. В июле 1890 года он говорил Бишопу: «Вы уже вложили много денег в создание простого общедоступного музея, собрали огромное число бесценных экспонатов. Не целесообразно ли пойти дальше и превратить музей в постоянный источник знаний не только для гавайцев, но и для всех тех, кого интересуют этнография и естественная история Полинезии?» И далее Бригэм, по сути, изложил перспективу развития музея: «Я считаю, что в музее должны быть представлены все растения, раковины, кораллы, все виды вулканических пород, птиц, насекомых и рыб — все, что встречается на Гавайских островах, — а также... орудия труда и сделанные с их помощью изделия... В экспозиции, посвященной ремеслам, должны

найти отражение связи гавайцев с другими народами»³.

Бишоп согласился с точкой зрения хранителя. В 1896 году, поручая своему юристу разработать систему управления музеем, он говорил: «Идея сделать музей просто местом показа полинезийских древностей уже давно устарела. Если же в коллекцию войдут экспонаты, связанные с другими островами Тихого океана, то музей станет уникальным и приобретет научную ценность»⁴. Соображения Ч. Бишопы были учтены при составлении акта об учреждении совета попечителей. В нем следующим образом определялся характер дальнейшей деятельности Музея Бишоп:

Научное учреждение для сбора, сбережения, хранения и показа полинезийских и родственных им древностей, этнографических и естественноисторических материалов, книг и фотографий по этим темам, а также для изучения и обработки вышеназванных образцов и публикации... результатов такой деятельности.

Слово «полинезийский» означало не строго определенный географический район, как в наше время, а понималось в самом широком смысле и включало все острова Тихого океана. А слова «родственные им древности» относились к памятникам всего бассейна Тихого океана, за исключением прибрежных районов Америки и Азии. Однако первые попечители практически исключали из сферы своих интересов Австралию и Папуа и ограничивались восточной частью Тихого океана. При реорганизации музея в 1975 году в пересмотренном уставе корпорации перед музеем были поставлены аналогичные задачи, изложенные более современным языком.

«Золотой век»

До 1920 года сбор материалов для коллекций производился главным образом на Гавайских островах. Однако в первом, выпущенном в 1899 году ежегоднике музея Бригэм обращал внимание на то, что время уничтожает следы присутствия древнего человека в тихоокеанском регионе: «Многое погубило безвозвратно, многое погибает, но на большинстве островов нашего великого океана еще не слишком поздно заняться сбором материалов для сравнительного изучения и исследований»⁵. Эта проблема стала предметом систематического обсуждения после первого Пантихоокеанского научного конгресса, состоявшегося в 1920 году в Гонолулу и приведшего к образованию в 1950 году Тихоокеанской научной ассоциации со штаб-квартирой в Музее Бишоп.

Секция социальной антропологии Пантихоокеанского конгресса совместно с национальным советом по науке США разработала официальные рекомендации по проведению научных исследований в районе Тихого океана. Предполагалось, что руководить ими

2. Quoted in *Ibid.*, p.18.

3. Quoted in *Ibid.*, p.45.

4. Quoted in H. W. Kent, "Charles Reed Bishop, Man of Hawaii", pp. 196, 197. Palo Alto, Calif., Pacific Press, 1965.

5. W. T. Brigham, "Director's Report for 1899", ("Occasional Papers of the B. P. Bishop Museum", vol. 1, No.2, p.6, Honolulu, Bishop Museum Press, 1900).

Bishop Museum

На большой лужайке перед музеем местные жители, приходящие сюда по воскресеньям целыми семьями, с удовольствием смотрят гавайское представление хула.

Bishop Museum, C. Takata

«Зал открытый», предназначенный для местных школьников и их родителей.

Делегация старейшин народа маори из Новой Зеландии торжественно входит в музей, который служит также и местом встреч посетителей из всех стран Тихого океана. Старейшины маори участвовали в открытии праздника по случаю пятидесятилетия со времени назначения в 1936 году маорийца Питера Бака (Те Ранги Хироа) директором музея.

Bishop Museum, Pam Martin

будет Музей Бишоп. В разработке программы научных исследований музеем помогли ведущие антропологи Америки, Европы и Японии. Предусматривалось детальное обследование островов восточной части Тихого океана. Эта работа осуществляется и в настоящее время. Очередность в выборе проблем определялась степенью срочности их решения. С уходом из жизни поколения, придерживавшегося традиционного жизненного уклада, утрачивались сведения о материальной культуре, языке, музыке, мифологии, социальной организации и истории. Многие были уже потеряны, особенно в Полинезии, но и то, что еще сохранилось, свидетельствовало о необходимости «спасательных» экспедиций. К началу второй мировой войны ученые обследовали почти все острова Полинезии, за исключением Новой Зеландии, где такой работой занимались собственные музеи и университеты страны. После войны научно-исследовательская деятельность возобновилась в том же направлении в Микронезии, главным образом по программе, начатой в 1920 году.

Замечательные успехи этого «золотого века» исследований были достигнуты в значительной степени благодаря соглашению, заключенному в 1920 году между Музеем Бишоп и Йельским университетом, а также поддержке, оказанной фондами Карнеги и Рокфеллера. Так, выделение годичных стипендий ученым позволило нескольким известным специалистам в области социальной антропологии, ботаники, зоологии, геологии и географии организовать научные экспедиции. Музей Бишоп опубликовал несколько сотен предварительных докладов, знакомивших с результатами проводимой работы. В соответствии с вышеназванным соглашением директор Музея Бишоп стал членом совета Йельского университета, а музей послал в Йельский университет для чтения лекций специалиста, хорошо знакомого с некоторыми сторонами научной работы в тихоокеанском регионе. Последним директором, занимавшим эту должность до начала второй мировой войны, был назначенный в 1939 году известный этнограф и социолог доктор Бронислав Малиновский.

С шестидесятых годов при проведении научных экспедиций и исследований стали проявлять больший интерес к актуальным проблемам. Созданный в 1961 году в Вау центр исследований Новой Гвинеи (сейчас Экологический институт Папуа — Новой Гвинеи) обращал особое внимание на гидробиологию и энтомологию, а с разработкой метода радиоуглеродного датирования в качестве отдельной дисциплины выдвинулось изучение доисторического периода в жизни тихоокеанских островов. Долгосрочная программа по археологии Полинезии и программа по изучению доисторического периода на Соломоновых островах — это лишь два примера той ог-

ромной научной работы, которая финансируется Национальным фондом науки США, являющимся к тому же одним из главных спонсоров исследований по биологии. Начиная с 1970 года в соответствии с программой по археологии было осуществлено свыше трехсот проектов на Гавайских островах, в Микронезии и других районах Тихого океана.

*21,3 миллиона образцов;
1200 наименований
научных работ*

Уникальное географическое положение Музея Бишоп в бассейне Тихого океана, издавна ведущиеся исследования и сбор материалов в этом районе позволили создать всемирно известные обширные коллекции, отражающие природное и культурное многообразие Гавайских и других островов Тихого океана. Собрание музея включает около 21,3 миллиона образцов. Ими занимаются четыре научных отдела — антропологии, ботаники, энтомологии и зоологии. Кроме того, музей располагает богатейшей библиотекой и коллекцией изобразительных материалов. Коллекции по антропологии рассказывают о жизни народов Гавайских и других островов Тихого океана в прошлом и в настоящем. Хорошо систематизированные и относительно полные, они включают 45 тысяч этнографических образцов, из которых почти половина — местного происхождения; 8300 предметов, относящихся к истории Гавайев; 104 500 археологических и 3300 остеологических образцов; 7300 звуковых записей — все они снабжены пояснительной документацией. Раздел естественной истории насчитывает 13,5 миллиона насекомых, 6 миллионов обнаруженных на море и на суше раковин, 250 тысяч растений, 200 тысяч морских беспозвоночных животных, 100 тысяч рыб, 25 тысяч земноводных и пресмыкающихся, 20 тысяч птиц, 15 тысяч млекопитающих; сюда же входит и геологическая коллекция. В библиотеке Музея Бишоп, также посвященной странам Тихого океана, имеются рукописи, 90 тысяч томов книг (среди них много редких), 20 тысяч карт, 70 тысяч фотографий, сделанных с помощью аэро съемки, атласы, словари географических названий и другая справочная литература. Коллекция изобразительного материала включает примерно 750 тысяч фотографий, а также 3200 картин и произведений графики, которые рассказывают о культуре и природе островов Тихого океана.

Бывший директор музея Александр Шпеер в свое время писал, что существование музея, служащего лишь хранилищем, неоправданно и что невостребованные коллекции не приносят никакой пользы. Наряду со сбором, идентификацией и научным исследованием памятников и образцов

Сотрудники Тихоокеанского регионального центра консервации осматривают гавайские деревянные сосуды, готовясь к намеченному на 1990 год перемещению этнографических коллекций в другое помещение.

необходимо проводить работу по их экспонированию и публикации⁶. Со времени выхода в свет в 1892—1893 годах первого труда музея (пятомного «Preliminary Catalogue of the Bernice Pauahi Bishop Museum of Polynesian Ethnology and Natural History») издательство Музея Бишоп — старейшее книжное издательство на Гавайских островах и одно из старейших научных издательств в Западном полушарии — опубликовало 1200 работ, в большинстве своем в той или иной степени касающихся его коллекций.

Посетители музея

С первых лет своего существования Музей Бишоп проводит большую просветительную работу среди самых различных слоев населения — независимо от возраста, пола, этнического происхождения и социального положения. Служение публике и международному научному сообществу сдерживалось лишь ограниченным штатом сотрудников и нехваткой средств.

Обслуживание посетителей улучшилось в 1919 году, когда в штат включили гида. Музей был открыт для публики ежедневно, кроме праздничных дней. Экспозицию привели в порядок и снабдили новыми экспликациями, повышающими ее просветительную ценность. В результате посещаемость резко возросла: так, в 1919 году она составляла 19 074 человека, из них 1625 школьников, а в 1922 году — 33 303 человека, в том числе 5156 школьников. Статистический учет этнического состава посетителей, который велся вплоть до окончания первой мировой войны, свидетельствует о разнообразии аудитории. В 1922 году музей посетили: пред-

ставители европеоидной расы — 53,7%, японцы — 19,3, гавайцы — 16,7, китайцы — 7,9, остальные — 2,4%. Данные довольно точно отражали этнический состав населения в целом, исключением является несколько большее в пропорциональном отношении число посетителей европейского происхождения по сравнению с их численностью на Гавайях и меньшее число посетителей из местных жителей японского происхождения.

В результате принятого в 1920 году решения использовать основную часть доходов музея на проведение научно-исследовательской работы, а экспозиционную обеспечивать лишь самым необходимым, потенциальные возможности в области просветительной деятельности не были реализованы. Двадцать пять лет спустя бывший в то время директором Питер Бак выступил с предложением выделять средства из фондов местных властей для организации программы систематической просветительной работы: «Если такая программа будет реализована, то это не только послужит повышению уровня общего образования, но и позволит музею использовать весь свой доход на содержание коллекций и научно-исследовательскую работу»⁷. В конечном счете была достигнута договоренность с министерством народного образования о том, чтобы государственные школы в большей мере использовали возможности музея. Одновременно с вхождением в 1959 году Гавайев в состав США в музей ввели должность преподавателя, который должен был заниматься разработкой программы по гавайской истории, предназначенной для учащихся младших классов. Одним из показателей успеха этого начинания можно считать рост числа посетителей — с 1965 по 1971 год в музее и

В 1988 году изобразительным материалом пользовались 4300 посетителей, причем многие из них приходили для того, чтобы узнать историю своей семьи. Библиотека музея обслуживает как местных жителей, так и иностранных специалистов.

6. A. Spoehr, "B. P. Bishop Museum Annual Report 1953", p.6. Honolulu, Bishop Museum Press, 1954.

7. P. H. Buck (Te Rangi Hiroa), "Report of the Director for 1945" (B. P. Bishop Museum Bulletin, No.188, p.30, Honolulu, Bishop Museum Press, 1946).

Bishop Museum

его планетарии побывало свыше 200 тысяч школьников.

В июле 1975 года в музее был создан просветительный отдел. В октябре 1979 года вступил в строй рассчитанный на детей «Зал открытий». Здесь им позволено трогать любые экспонаты, а обстановка зала вызывает у них желание побольше узнать о культуре и природе Гавайских островов. Когда в «Зале открытий» стали проводить плановые экскурсии, число посещавших его ежегодно учащихся и преподавателей достигло 25 тысяч человек. Экспозиция зала постоянно обновлялась, а в 1987 году его полностью отремонтировали. «Зал открытий» — лишь часть осуществляемой музеем программы работы с детьми, в которую входят также летние учебные лагеря и семинары.

Поскольку музей находится в таком курортном месте, как Гавайи, неудивительно, что среди его посетителей становилось все больше туристов. В 1922 году они составляли примерно 19% общего числа посетителей (33 303 человека). Присоединение Гавайев в качестве пятидесятого штата к США и удобство воздушного сообщения увеличили в 1959 году приток туристов примерно до 40 тысяч человек, в то время как общее число посетителей достигло (по самым скромным подсчетам) 110 тысяч человек. После окончания работ по переоборудованию залов, несмотря на введение в 1962 году входной платы, в 1965—1971 годах посещаемость выросла до 300 тысяч человек в год и с тех пор остается на том же уровне. По данным на 1988 год, около 80% посетителей — туристы. Иллюстрации к статье дают некоторое представление о мероприятиях музея, которые привлекают как местных жителей, так и туристов.

Гавайи — штат в составе США

Музей Бишоп создавался как частное учреждение в период, когда Гавайи были независимым государством. Первым посетителем, поставившим свою подпись в книге почетных гостей, была королева Лили'уокалани, осмотревшая музей 22 июня 1891 года во время приема, состоявшегося перед офи-

Археологические исследования, проводимые на Гавайских и других островах Тихого океана, — одно из направлений научной деятельности музея. Главное внимание в ней уделяется естественной и культурной истории.

Специальное оборудование в гербарии улучшает условия хранения коллекций.

Bishop Museum, C. Anderson

циальным открытием. За столетие существования музея на Гавайях сменилось пять форм государственного правления: королевство, временное правительство, Республика Гавайи, затем, после аннексии Соединенными Штатами в 1898 году, — территория, а с 1959 года — пятидесятый штат США. Несмотря на эти перемены, музей поддерживал рабочие отношения с местными и федеральными учреждениями, но тем не менее с 1921 года и вплоть до последнего десятилетия он не получал никакой финансовой помощи от окружных, муниципальных и федеральных органов. В значительной мере благодаря усилиям нынешнего правления директоров и директора музея Доналда Дакурорта в 1988 году Музею Бишоп было присвоено новое название — Музей естественной и культурной истории штата Гавайи, — что дало ему право на получение ежегодных ассигнований из доходов штата. Новый статус не ущемляет автономии музея и не подразумевает введения контроля над его программами и политикой, но он обязан представлять отчетность по расходам государственных средств.

Десятилетие назад общий доход музея от магазина, даров, пожертвований и контрактов покрывал его расходы. Однако с резким увеличением стоимости эксплуатационных расходов, особенно по поддержанию в по-

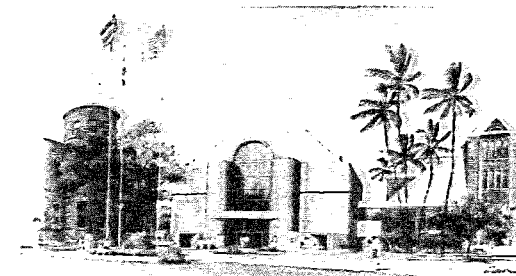
рядке старых помещений, и в связи с улучшением ужасно низкого материального положения сотрудников, скромных пожертвований и поступлений из других источников уже явно недостаточно. Расходы музея возросли с 2,2 миллиона долларов в 1976 году до 4,3 миллиона в 1981 году, 5,3 миллиона в 1987 году и 6,6 миллиона долларов в 1988 году.

Статус Музея естественной и культурной истории штата Гавайи дает ему возможность получать постоянную финансовую поддержку. По словам доктора Дакурорта, «она составляет десять миллионов долларов. Но более важным является тот факт, что она подтверждает и укрепляет обязательства музея по отношению к народу Гавайских островов»⁸.

Перед Музеем Бишоп стоит задача искать новые и эффективные пути использования природного и культурного наследия народов Гавайских и других островов Тихого океана. В преддверии XXI века музей должен стремиться к сбалансированности различных направлений своей деятельности: научной и просветительной работы, обслуживания посетителей и хранения коллекций. Ему предстоит продолжить свои поиски, с тем чтобы добиться глубокого и всестороннего показа Гавайев и других островов Тихого океана всему остальному миру и показа остального мира народу Гавайев. ■

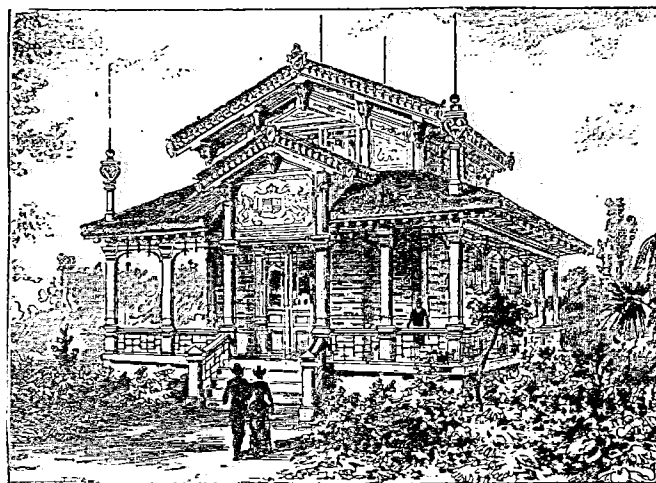
8. Quoted in "Giant Steps Toward a Century. ...and Beyond. The Year in Review, 1987-1988", p.11, Honolulu, Bishop Museum Press, 1989.

Строительные работы в Касл-Холл, которые ведет компания «Архитектс Гавайи Лимитед». Здесь будут экспонироваться выставки, проходить представления, часть помещений займут хранилища и лаборатория. Запланировано завершить работы к 19 декабря 1989 года — празднованию столетия со времени основания музея.

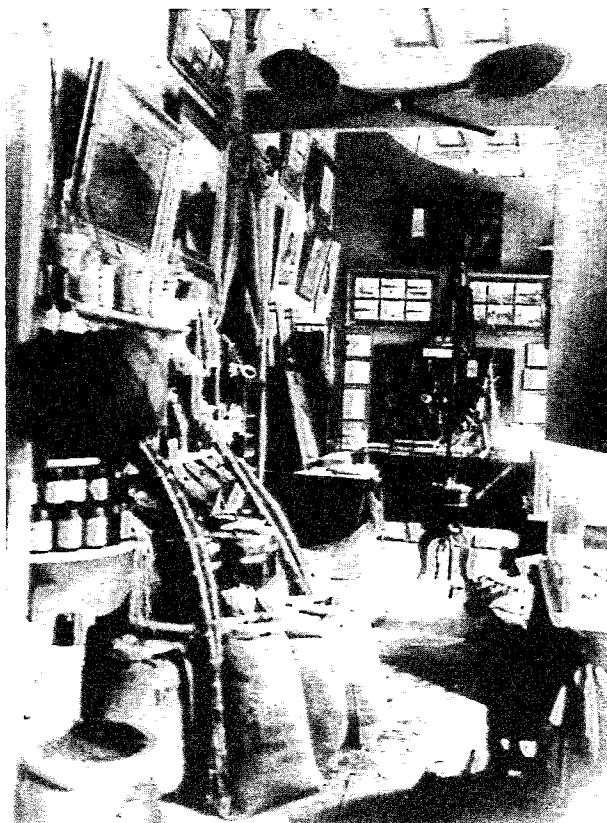

Bishop Museum

Культурные связи: Франция – Гавайи

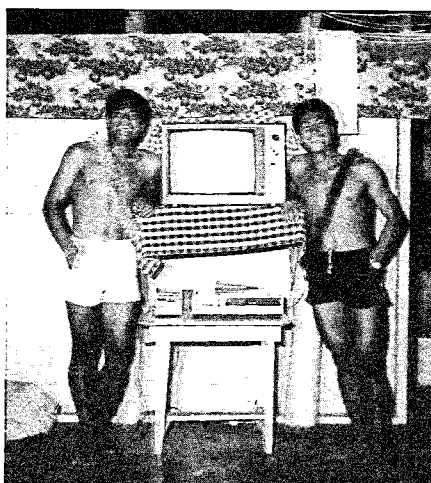
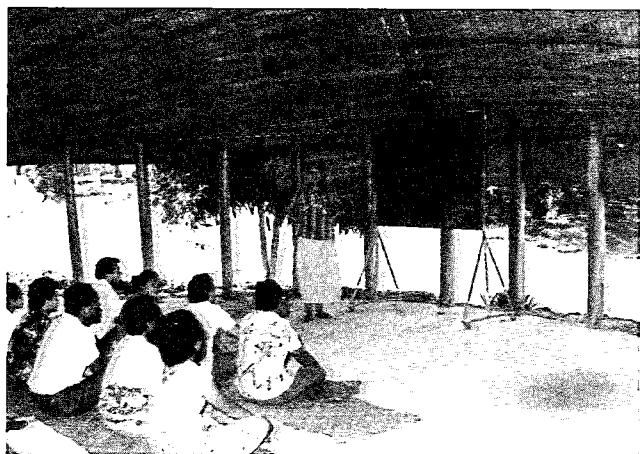

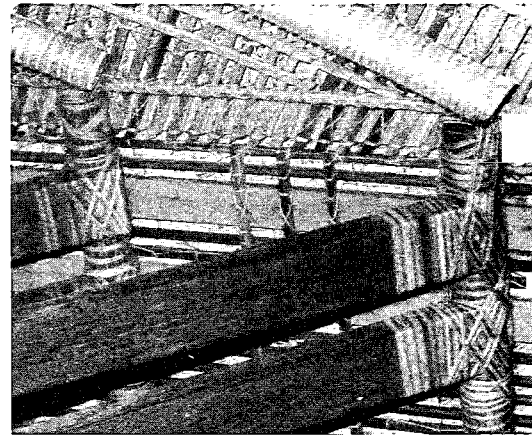
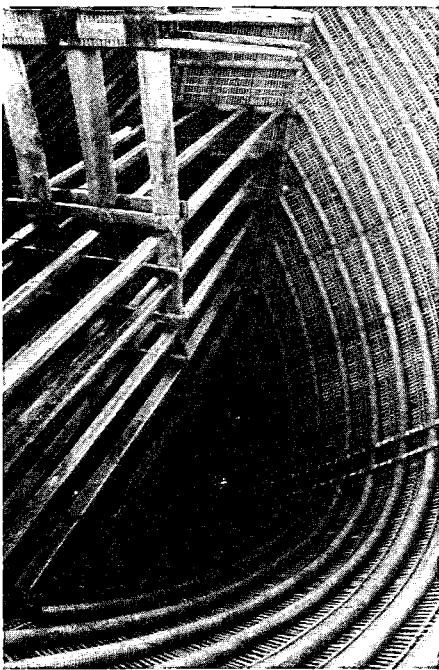
В 1889 году во время празднования столетия Французской революции в Париже в рамках Всемирной выставки демонстрировалась экспозиция *Рукотворные диковины из Гавайев*, материалы для которой были присланы королем Гавайев Давидом Калакауа. Она размещалась в одном из специально построенных павильонов на Марсовом поле рядом с только что сооруженной Эйфелевой башней. Все иллюстрации получены нами из Государственного архива Гавайев благодаря помощи Сандры Квок-Силь, организовавшей в 1989 году в Париже еще одну выставку из Гавайев *Перекрестки*.

Западное Самоа:

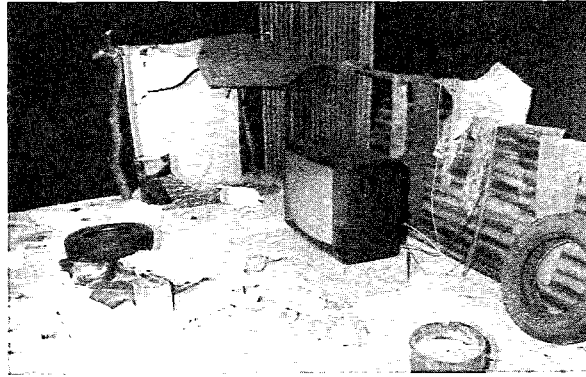

ЖИВОЙ МУЗЕЙ

В Западном Самоа, одном из государств тихоокеанского региона, являющемся членом ЮНЕСКО, пока нет музея, хотя поговаривают о его создании. Некоторые самоанцы считают, что их страна сама является настоящим живым музеем. Прошлое и настоящее соприкасаются здесь постоянно — через слова, жесты, ремесла и т. д. Представленные на этих страницах фотографии сделаны Филиппом Лером для исследования о традиционных жилищах Западного Самоа (скоро оно будет опубликовано ЮНЕСКО). На них можно видеть *фале* — крытый соломой дом, стены которого образуют циновки; в жаркую погоду их поднимают, создавая «естественное кондиционирование воздуха», а в дождливую — опускают. Фотографии — своеобразная иллюстрация новой идеи: музей может выполнять функцию жилья и вместе с тем доставлять эстетическое удовольствие.

«Улуру»:

австралийские аборигены

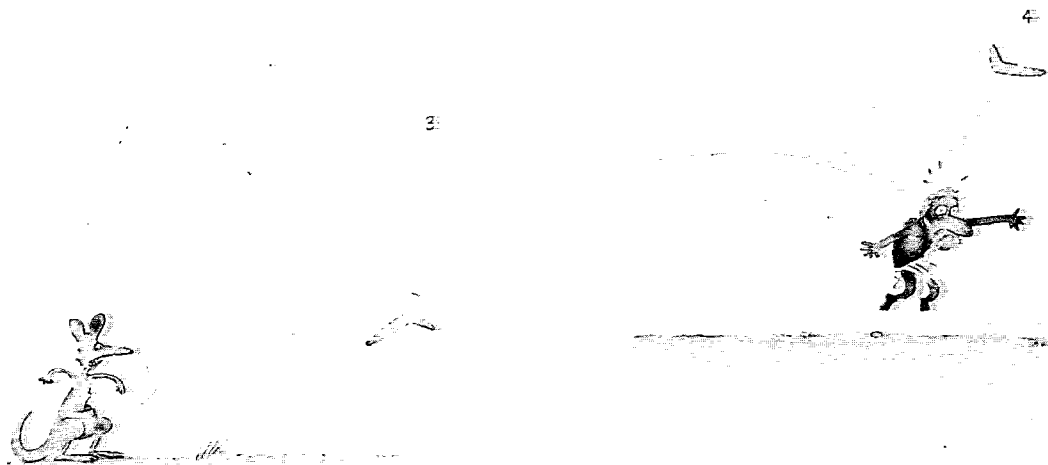

в центре

Парижа

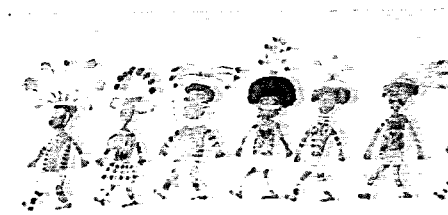

В 1989 году в недавно отреставрированном крытом рынке Аль Сен-Пьер, расположенном в центре Парижа недалеко от Монмартра, открылась выставка под названием *Улуру, австралийские аборигены*¹. Она организована музеем, созданным в 1986 году в помещении Аль Сен-Пьер Сильвией Жирарде, Клер Мерло-Понти и Анной Тарди. Выставка типична для этого весьма своеобразного музея, который ставит перед собой следующие задачи: (а) предоставлять детям возможность при знакомстве с экспозицией совершать «открытия», в то время как взрослым предлагается традиционный осмотр музея; (б) обеспечивать свободный доступ к экспонатам; (в) широко использовать в экспозиции изобразительные средства; (г) публиковать материалы по возможно большему количеству экспозиций и, наконец, (д) после показа выставки в Аль Сен-Пьер использовать часть экспонатов для организации передвижных выставок.

В интервью, данном редактору журнала «Museum», Анна Тарди (выпускница Школы Лувра по специальности «археология и история», которая вместе с Клер Мерло-Понти в течение двух месяцев собирала в Австралии материал для показа в Аль Сен-Пьер) сказала, что главная цель организаторов выставки *Улуру* состояла в том, чтобы при минимальных финансовых средствах создать экспозицию, где посетителям была бы предоставлена максимальная свобода.

«Museum»: Не правда ли, знаменательно, что выставка *Улуру* экспонируется в здании, расположенном у подножия Монмартра — другой священной горы, некогда почитавшейся

римлянами, а почти две тысячи лет назад освященной первыми христианами Галлии?

Анна Тарди: Для жителей района, да и вообще для парижан австралийские аборигены — что-то новое и необычное, а экспонаты выставки, хотя и являются предметами повседневного обихода, абсолютно им незнакомы. «Museum»: Что это за экспонаты?

А.Т.: Предметы домашнего обихода, магические символы, оружие (и не только бумеранги)... но все они служат как бы вступлением к главной теме.

«Museum»: И что же это за тема?

А.Т.: Духовные и материальные ценности общества потребления не соответствуют образу мышления аборигенов, для которых «сновидения» важнее, чем обладание материальными благами. Не надо забывать, что аборигены всегда были кочевниками и не могли перевозить с места на место большое количество домашних вещей и ритуальных предметов, изготовленных к тому же из непрочных и недолговечных материалов — древесины, прутьев. Как ни парадоксально, но в таких обреченных на разрушение видах искусства, как рисунки на коре, на песке или на человеческом теле, они увековечивали свои «сновидения», то есть свою мифологию. Следовательно, необходимо показывать эти виды искусства в соответствующем контексте.

1. *Улуру* — так аборигены называют монолитную структуру (ее английское название — Айерс рок) высотой 340 м, с окружностью основания 9,4 км, покрытую наскальной живописью, насчитывающей около десяти тысяч лет. Это в прямом и переносном смысле вершина культуры австралийских аборигенов. Сопровождающие данную статью рисунки Пуига Росадо из буклета к выставке воспроизводятся с разрешения музея. Автор фотографий Жорж Дюкре. — Прим. ред.

«Местный колорит?»

“Museum”: ...так, как в показанном на выставке поселке рабочих-скотоводов (австралийских ковбоев) — со всеми деталями, начиная от банки пива и кончая рифленным железом?

А.Т.: Да, Вы правы, но нельзя забывать и о животных. Например, мы выставили чучело крокодила, а рядом поместили табличку, которую вряд ли можно встретить во Франции: «Купаться запрещено — крокодилы».

“Museum”: Вы называете это местным колоритом?

А.Т.: Нет, не совсем так. Я думаю, что скорее можно говорить о категории непривычного для нас. «Местный колорит» предполагает создание стереотипов, подтверждающих представления, с которыми посетитель приходит в музей. Незнакомое же не подтверждает сложившиеся мнения, а как бы подвергает их проверке; иногда оно даже может раздражать. То, что необычно, не ограничивает мышление, а, напротив, делает его открытым к восприятию нового.

“Museum”: А как посетители реагировали на Улуру?

А.Т.: Взрослых поражало, что экспонаты в витринах демонстрируются на фоне белой керамической плитки (мы не хотели выставлять образцы овощей на фоне из джута или другого растительного волокна). Некоторые остряки: «Что это — ванная комната?» Но другие посетители считали, что такой нейтральный фон выглядит вполне современно. Они одобрили и создание двух маршрутов осмотра выставки: одного для детей, а другого — для сопровождающих их взрослых. Двери моего кабинета выходят прямо в зал, и я не заметила ни одного человека, который бы осматривал выставку «галопом». Кроме того, следует отметить, что Аль Сен-Пьер находится в стороне от туристских маршрутов и посетители в основном приходят к нам специально. Большое впечатление на многих взрослых произвели картины современных художников-аборигенов.

“Museum”: А как воспринимали экспозицию дети?

А.Т.: Выставка сразу пришлась им по душе. Аборигены проявляют интерес к животным, природе, то же самое можно сказать и о юных парижанах. Но не надо думать, что аборигены похожи на детей. Скорее наоборот! Если Вы спросите у парижских детей, что такое пустыня, они прежде всего вспомнят о таких важных и серьезных ее характеристиках, как нехватка воды и еды.

“Museum”: Недавно Вы писали о том,

что культура аборигенов не умирает, а скорее переживает переходный период.

А.Т.: Да, это действительно так, несмотря на то что в основном аборигены являются отверженными в обществе и о них не проявляют никакой заботы. О происходящих в культуре аборигенов изменениях свидетельствует, в частности, их современная живопись, хотя она и сохраняет традиционные черты. Будучи в Австралии, я заметила, что сами художники-аборигены не лишены деловых качеств и, конечно, происходит отход от некоторых традиций предков, например все реже можно встретить художников, работающих, как было принято, вдвоем.

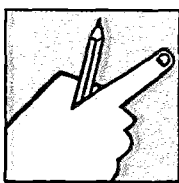
“Museum”: Хотели бы Вы что-нибудь добавить в заключение?

А.Т.: Меня особенно поразили два посетителя выставки Улуру. Первый из них — абориген, мой друг, с которым я познакомилась в Австралии. Он обнаружил на выставке в нашем музее изготовленный его этнической группой и принадлежащий в настоящее время одному французскому музею щит, о существовании которого он ничего не знал. Его реакция была очень трогательной. Другой посетитель — молодая австралийка, покинувшая родину, чтобы посмотреть мир. В Париже она работает горничной.

“Museum”: И что же она для себя открыла?

А.Т.: Культуру австралийских аборигенов. ■

Наскальное искусство — дописьменная документация

Эммануэль Анати
(Emmanuel Anati)

Родился во Флоренции. Учился в Сорбонне (Париж), в Иерусалимском и Гарвардском университетах. Занимался исследовательской работой в Европе, на Ближнем Востоке, в Индии, Австралии и Объединенной Республике Танзании. Является основателем и руководителем Центра доисторических исследований Камуно в Валькамоники (Италия) и президентом Международного комитета ИКОМОС по наскальному искусству.

Еще сто лет назад три четверти населения Земли не имели письменности. А поскольку наиболее достоверными историческими свидетельствами считаются письменные документы, к «мировой истории» относят лишь часть культур, что несправедливо по отношению к тем народам, у которых письменность появилась не так давно. В соответствии с таким критерием многие народы Африки, Америки, Азии, Океании и даже Европы имеют за плечами всего несколько столетий истории, так как самые ранние достижения их культуры не принимаются во внимание

западными системами образования. В мире насчитывается более 120 государств. Во многих странах, ставших грамотными в общепринятом смысле этого слова совсем недавно, имеются великолепные образцы наскального искусства. Тысячи рисунков на камне передают информацию из дописьменного периода, и встает вопрос, почему в музеях уделяется так мало внимания и места столь важным свидетельствам прошлого.

Мгновенный характер воздействия информации, заключенной в изображениях, активизирует ассоциативное мыш-

Чубут (Аргентина). Что это такое? Приветствие, которое посылают нам через тысячелетия далекие предки, или просто свидетельство их присутствия?

Юта (США). Собрание?

ление. Изобразительный язык использовался практически всеми культурами, начиная с появления *Homo sapiens* более сорока тысяч лет назад. Изучая рисунки, мы знакомимся с историей дописьменных культур, а более глубокое знание истории позволяет нам лучше понять древние эпохи.

Я уже не раз отмечал, что самые ранние образцы художественного творчества вызывают у публики огромный интерес и имеют большое просветительное значение, так как они дают ответ на важнейшие вопросы, волнующие людей: как и когда возникли искусство, коммуникация, вера в сверхъестественное, необходимость самовыражения и т. д. А когда люди знают свои корни, им легче понять и события более позднего времени.

До появления письменности информация передавалась в изобразительной форме. Таким образом, доисторическое искусство стоит у истоков и письменности, и искусства и представляет собой древнейший вид интеллектуального самовыражения человечества. Но, к сожалению, музеи часто пренебрегают этой важнейшей частью нашего наследия, его корнями, нашедшими выражение, в частности, в наскальном искусстве.

При отсутствии письменных свидетельств история должна использовать любой вид документации. Ее изучение позволяет создать основу для понимания феноменов культуры, психологии и поведения. Среди доступных нам видов документации одним из самых ценных является изображение, так как оно в наибольшей степени дает возможность проникнуть в сущность этих феноменов. Ценность произведений доисторического и первобытного искусства определяется не только их качеством, количеством и содержа-

нием, но и ролью в историческом исследовании.

В Объединенной Республике Танзании, Италии и ряде других стран в результате исследований в области искусства некоторые периоды развития, рассматривавшиеся до настоящего времени как доисторические, ныне отнесены к историческим. Наскальные рисунки являются самой ранней системой графического изображения, и поэтому все большее число ученых соглашается с тем, что история началась тогда, когда человек создал свой первый графический документ. Таким образом, расширяются горизонты истории.

Поверхность камня — учебник истории

Современное общество очень быстро приняло новую периодизацию. В разных концах света (и не только в Европе) мне приходилось наблюдать, как у людей появляется интерес к исторической реконструкции, опирающейся на анализ наскального искусства. Однажды, когда мы изучали наскальную живопись в районе Сингиды в Танзании, к нам пришла целая школа и ребята стали с интересом расспрашивать, чем мы занимаемся. И учащиеся и учителя поразили изображения, нанесенные одно поверх другого и соответствующие разным, сменявшим друг друга периодам. Поверхность камня стала для них учебником, рассказывающим о древнем и бурном прошлом, а каждый слой рисунков знакомил с определенным культурным периодом. Под слоем белых росписей, созданных земледельцами, говорившими на языке банту и жившими в этой местности в течение двух последних тысячелетий, находились темные изображения пастухов-

Австралия. Что бы это значило?

кочевников. Под ними — относящаяся к еще более раннему времени живопись охотников и собирателей. Изображения, возраст которых составляет несколько тысячелетий — силуэты громадных животных, выполненные с большой точностью древними охотниками.

Попытка осознать, к каким далеким временам восходят наскальные изображения, вызвала оживленную беседу; в конце концов учитель повернулся ко мне и спросил: «Вы хотите сказать, что наша культура гораздо старше английской?» Логика рассуждений заставила моих посетителей задуматься о смысле и возрасте увиденных документов, а затем об их значении в мировом масштабе. И тогда я понял, что всего за два часа пребывания в доисторическом гроте школьники по-новому осознали свою историю.

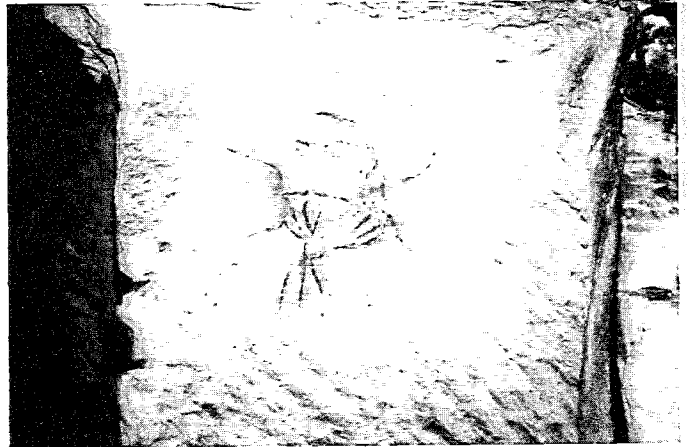
Стены пещеры подобны альбому наскальной живописи. Образцы творчества художников, сменявших друг друга на протяжении веков, рассказывали о тысячекратной созидательной работе, об обычаях и верованиях и пробуждали в юных посетителях понимание того, насколько сложны и богаты истоки их культуры. Учащиеся смогли открыть для себя прошлое, так долго пребывавшее в забвении. Они по-новому увидели собственную историю.

Полевые исследования в Валькамоники — одном из самых крупных районов распространения наскального искусства периода неолита в Западной Европе (он занесен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО) — вызвали такой широкий интерес у местного населения, что, когда ученые приезжали в деревню, чтобы рассказать о своей работе, зачастую собирались все ее жители. Рост интереса к наскальному искусству особенно проявился во время показа в Милане выставки; организо-

Домбошава (Зимбабве). Грация... и продукт питания.

Arthur Gillete

Pierre Samin/Comité Départemental du Tourisme

Рисунок, сделанный во время первой мировой войны американскими солдатами в заброшенной каменоломне в Эне (Франция), которая использовалась ими в качестве укрытия.

ванной Центром доисторических исследований Камуно в Валькамоники, — за четыре месяца ее посетило более двух миллионов человек.

До недавнего времени фактически не проводилось серьезного изучения доисторического искусства в мировом масштабе. Наиболее значительные из открытых памятников — в Альтамире (Испания), Ласко (Франция), Тассили (Алжир), наскальная живопись в национальном парке Какаду (Австралия) — рассматривались изолированно, как отдельные феномены. Последние исследования в данной области, очевидно, позволяют занять иную позицию в отношении наскального искусства, так как, появившись в одном месте, с расселением *Homo sapiens* оно распространилось по всем континентам.

Памятники наскального искусства могут сыграть чрезвычайно важную роль в области образования и культуры. Теперь музеи имеют возможность начинать историю не с середины, как до сих пор делалось, а с самого начала. Эти свидетельства полностью раскрывают свой огромный потенциал, когда их рассматривают с позиции самовыражения всего человечества, а не отдельных групп, и было бы желательно, чтобы при организации экспозиции, посвященной доисторическому искусству того или иного региона, музеи подчеркивали всемирный характер данного феномена и его место в общей картине интеллектуального развития человечества. Конечно, очень важно показывать публике наиболее значительные памятники, но в первую очередь не от качества экспонатов, а от того, как их преподносят, зависит, выполнит ли музей одну из своих главных целей: преобразование информации в культуру.

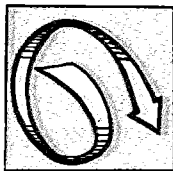
Pierre Samin/Comité Départemental du Tourisme

Другой рисунок, сделанный американскими солдатами в Эне, изображающий типичного французского пуалио (солдата-фронтовика).

Pierre Samin/Comité Départemental du Tourisme

В феврале 1918 года, когда американские солдаты сделали эти портреты в Эне, отношения между Германией и дядей Сэмом были очень холодными.

Возвращение культурных ценностей законным владельцам: социальный процесс

Кристофер Андерсон
(Christopher Anderson)

Хранитель раздела социальной антропологии
в Музее штата Южная Австралия, Аделаида.

Музеем штата Южная Австралия в Аделаиде принадлежит крупнейшая в мире и самая полная коллекция ритуальных предметов аборигенов Центральной Австралии. Однако большая ее часть никогда не будет экспонироваться, поскольку сейчас фактически происходит передача коллекции ее первоначальным хранителям — аборигенам или их потомкам. Возвращение ценностей законным владельцам не является просто актом односторонней передачи — это сложный и деликатный вопрос. Его скорее можно рассматривать — по крайней мере такого подхода придерживается музей — как одно из звеньев в цепи долгосрочных социальных взаимосвязей.

По существовавшей в Центральной Австралии традиции доступ к большинству ритуальных предметов имели только лица мужского пола, прошедшие инициацию. Считалось, что некоторые предметы обладают настолько могущественной силой, что непосвященные не могли ни дотрагиваться до них, ни даже смотреть на них, и нарушение запрета наказывалось смертью. Верования и обряды еще и сейчас составляют важную часть жизни аборигенов Центральной Австралии. Поэтому священные предметы по-прежнему сохраняют для них исключительное значение.

За сто тридцать лет своего существования Музей штата Южная Австралия накопил несколько тысяч священных предметов, собранных исследователями, миссионерами, работниками полиции, этнографами. В 1982 году группа живших в пустыне старейшин обратилась в музей с просьбой вернуть коллекцию священных предметов ее законным владельцам. Образованный в 1985 году специальный совет хранителей должен был рассмотреть вопрос

о закрытой коллекции музея и начать в буше переговоры со старейшинами о ее возможном возвращении. Еще раньше правление музея заявило о своем намерении в случае обращения к нему с такой просьбой вернуть священные предметы законным владельцам, как только эти владельцы будут установлены и пройдут необходимые консультации.

Начались переговоры с несколькими главными племенами аборигенов Западной пустыни и с некоторыми малочисленными группами, живущими в буше на отдаленных от городов стоянках. Одна из особенностей переговоров заключается в том, что хранитель должен прожить какое-то время у аборигенов, хорошо узнать их вождя и выяснить местную религиозную и политическую обстановку. Кроме того, аборигены просят, чтобы музейные работники побывали в буше и посмотрели те места, с которыми связаны священные предметы. Затем проводятся встречи со старейшинами, во время которых в качестве документального материала используются фотографии ритуальных предметов. Старейшинам нескольких племен уже возвращено значительное количество ценностей. Некоторые из вновь обретенных реликвий заняли свои прежние места в буше, другие поместили в хранилища, имеющиеся в племенах. В дальнейшем их стали называть «музеями». Теперь подобные «музеи» существуют в нескольких поселениях.

Почему Музей штата Южная Австралия и другие австралийские музеи начали передавать аборигенам ценные ритуальные предметы? Что означает такое «возвращение» для музеев и для аборигенов? В настоящее время большинство австралийских музеев, имеющих связанные с аборигенами матери-

лы, утверждает, что они хотят, не отказываясь от выполнения своих обычных функций, проявлять уважение к традициям аборигенов, а это можно сделать, вернув им священные предметы из закрытой коллекции. Однако совместить то и другое, вероятно, будет трудно.

*Этика, политика,
«социальная валюта»*

Прежде чем обсуждать, возможно ли такое совмещение задач, давайте более внимательно рассмотрим две причины, которыми объясняют музеи свое желание вернуть хранящиеся у них ценности священные предметы аборигенов. Первая, этического характера, состоит в следующем: мы обязаны вернуть ценности, это наш моральный долг, ведь мы не имели права забирать их у аборигенов. Вторая причина носит одно-временно и политический и прагматический характер: предметы необходимо отдать аборигенам, иначе музеям, владеющим ими, угрожает потеря престижа. Кроме того, при существующем во всем мире внимании к положению коренных народов правительства и другие учреждения могут отказаться финансировать такие музеи.

Мне кажется, что в обоих случаях не учитывается главное и, безусловно, не принимаются во внимание традиции аборигенов, их позиция в данном вопросе. Оба соображения ошибочны: когда речь идет об отношениях между группами, не знающими друг друга, нельзя говорить о моральной, политической, а следовательно, и о социальной стороне. Если мы хотим поступать в соответствии с традицией аборигенов, то речь должна идти не только об исполнении нашего морального долга или о наших соображениях поли-

Рисунки Жюльена

тического и финансового характера.

Альтернативный подход к проблеме передачи ритуальных предметов заключается в том, чтобы рассматривать их как неотъемлемую часть социально-экономической, культурной и политической системы, в которой они обращаются и создают совокупность прав и обязанностей между индивидами и группами или учреждениями. Другими словами, такие предметы являются частью национального культурного достояния, своего рода социальной валютой. С моей точки зрения, это главный, часто не принимаемый во внимание аспект всей полемики вокруг священных предметов и права владения ими в рамках любой системы.

Вероятно, с переговорами музеев о передаче ценностей происходит то же самое, что произошло раньше, когда ритуальные предметы осели в музеях. Их роль как национального культурного достояния, как социальной валюты была очевидна и до установления контакта¹. Она также проявилась и во многих случаях, когда аборигены отдавали европейцам свои священные предметы, проявляется и в отношении аборигенов к ведущимся сейчас переговорам об их возвращении. Восстанавливая в памяти картину сделок между аборигенами и европейцами, в которых фигурировали ритуальные предметы, и считая их национальным достоянием, социальной валютой аборигенов, можно предполагать, что главная причина того, что аборигены отдавали европейцам свои ритуальные предметы, заключалась в том, что либо именно эти европейцы уже были частью существующей системы (другими словами, жили и функционировали в той же самой социальной среде), либо аборигены надеялись вовлечь их в нее.

Возвращение ритуальных предметов — не единственный выход

Факт изъятия предметов из их естественного окружения имеет в традициях аборигенов немало прецедентов, их часто одалживали другим группам, иногда на целые годы. Во время наших переговоров аборигены не проявляли особого удивления, они рассматривали возвращение к ним ритуальных предметов как нормальное явление, точно так же как и их отсутствие. По-видимому, для аборигенов не имело никакого значения, где находились предметы, — были ли они спрятаны в буше у какой-то соседней группы или хранились в музее.

Это означает, что для успешного осуществления австралийской программы по возвращению культурной собственности аборигенов необходимы глубокие социальные исследования. Если музеи хотят выполнить обязательство морального порядка, то они должны установить социальные отношения с группами аборигенов. Тогда, и только тогда можно обсуждать вопросы владения определенными предметами. Возвращение предметов нельзя осуществить, например, путем отправки их по почте группе, живущей в отдаленном районе. Это имело место несколько лет назад, и последствия были весьма пагубные.

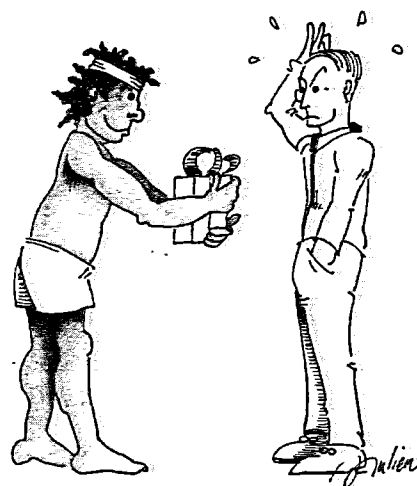
Чтобы помочь аборигенам идентифицировать передаваемые предметы, музеи должны при возвращении ценностей проводить научную работу, используя имеющуюся документацию и результаты полевых исследований. Как показывает наш опыт, физические особенности предметов — рисунок, форма, материал — не являются основными для такой идентификации. Аборигены не хотят что-либо сообщать о возвращаемых предметах, до тех пор пока не удастся более точно установить, откуда они взяты. Поступать по-другому слишком рискованно. Иными словами, необходимо определять, как предметы вписываются в существующую (и существовавшую) социальную и культурную систему.

Возвращение ценностей законным владельцам — прежде всего акт социального характера, и так оно и воспринимается аборигенами. Непонимание этого музеями Австралии является причиной того, что было очень мало случаев успешной передачи предметов. Их возвращение следует рассматривать в рамках установления долгосрочных взаимоотношений между сотрудниками музеев и определенными группами аборигенов. Когда такие взаимоотношения будут установлены, возвращение

ритуальных предметов может оказаться не единственно возможным или даже желаемым шагом.

Как бы ни сложилась судьба коллекции Музея штата Южная Австралия, объем документации на ритуальные предметы резко увеличился, получена ценная и до сих пор отсутствовавшая информация о роли священных предметов в жизни аборигенов в наше время. Кроме того, в результате установления новых взаимоотношений с музеями аборигены фактически попросили нас взять на хранение некоторые предметы. Таким образом, итогом проведения программы может быть даже увеличение нашей закрытой коллекции! Тем не менее в данном вопросе мы придерживаемся совершенно определенной точки зрения: мы являемся хранителями предметов и держим их у себя, исходя не из соображений юридического права собственности на них, а скорее рассматривая это как обязанность в наших отношениях с отдельными представителями и группами аборигенов.

1. B. Spencer, F. J. Gillen, "The Arunta", p. 135, London, Macmillan, 1927; T. G. H. Strehlow, "Aranda Traditions", p. 160, Melbourne University Press, 1947.

Австралийская федерация друзей художественных галерей и музеев

Каролина Сервенти
(Caroline Serventy)

Президент Австралийской федерации друзей художественных галерей и музеев; вице-президент Всемирной федерации друзей музеев.

В 1988 году, когда Австралия отмечала свое двухсотлетие, интерес значительной части населения к художественным галереям и музеям был не меньшим, чем к финальным соревнованиям на кубок «Регби юнион». Музеи страны ежегодно посещает огромное число людей — свыше десяти миллионов. Распространявшаяся во всем мире еще несколько десятилетий назад волна строительства и расширения музеев не обошла стороной и Австралию. Кульминацией явился 1988 год, — год празднования двухсотлетия страны, когда в Австралии были построены или же строились и проектировались сотни новых музеев и галерей. В такой ситуации неизбежно возникает вопрос о необходимости финансирования этих учреждений на постоянной основе. Он должен быть решен правительством и организациями друзей музеев.

Сейчас в Австралии образуются многочисленные группы в поддержку музеев. Их члены, число которых все увеличивается, принимают участие в разнообразной деятельности музеев, посещают лекции и семинары, совершают поездки в заповедные места и добровольно выполняют в музеях любую работу. Они объединены в национальную организацию — Австралийскую федерацию друзей художественных галерей и музеев. В нее могут вступить друзья художественных и морских музеев, музеев естественной истории и народного творчества, библиотек, зоопарков и ботанических садов — любая группа поддержки учреждений, подпадающих под определение ИКОМ.

Федерация объединяет более семидесяти групп, общее число их членов по всей стране составляет не менее ста тысяч человек. Каждый штат, а также территория австралийской столицы имеют своего вице-президента федерации,

который организует региональные встречи. Два раза в год выходит "Friends Review" — бюллетень, где публикуются информационные материалы и статьи, касающиеся непосредственно австралийских друзей музеев, и сообщения о деятельности Всемирной федерации друзей музеев.

В апреле 1989 года в Сиднее успешно прошел семинар на тему «Добровольцы в музеях и галереях», вызвавший приток в федерацию новых членов. Благодаря семинару о нашей работе узнали научные учреждения, также проявляющие интерес к культуре и истории, такие, как, например, Королевское австралийское историческое общество. Кроме того, семинар выявил необходимость проведения в масштабе всей страны сбора сведений о добровольцах. Сколько добровольцев в австралийских музеях и галереях? Какую работу они выполняют? Сколько часов заняты? Каково финансовое выражение их деятельности? Какой процент оно составляет в общей сумме экономических показателей? Какую роль играет выполняемая добровольцами работа в расширении их знаний и досуге? Эти сведения нужны руководителям музеев, правительству и самим добровольцам.

Ежегодное общее собрание федерации, проходившее в сентябре 1989 года в Канберре — столице Австралии, — поставило на обсуждение очень актуальную тему: «Национальные учреждения на службе австралийского народа».

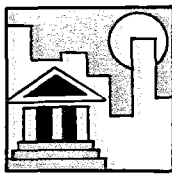
В небольшой Канберре находятся Национальная библиотека, Национальная галерея искусств, Национальный центр науки и техники, Национальный музей и Австралийский военный музей, тогда как доступ к подобным учреждениям населения крупных городов ограничен. Как им улучшить свою работу,

с тем чтобы охватить население всей страны? При названных учреждениях либо уже существуют группы друзей, либо их предполагается создать. На собрании выступил министр по культуре, туризму и территориям Клайд Холдинг, что говорит о растущем признании правительством работы друзей музеев по всей стране.

Взаимодействие с правительством

Недавно австралийское правительство рассмотрело вопрос о своей роли в развитии музеев, «учитывая бюджетную политику в отношении наследия» и «возможности экономики». Как и следовало ожидать, административные работники в области культуры отмечали все возрастающий интерес публики к коллекциям музеев и организуемым ими выставкам и подчеркивали, что правительство несет ответственность за воспитание у жителей Австралии любви к своему наследию. Финансовые работники в основном сосредоточились на проблеме эффективности затрат на музейные учреждения. В конечном счете правительство решило отложить на пять лет строительство давно запланированного Национального музея и не приступать в обозримом будущем к созданию каких-либо других федеральных музеев.

В ответ на это решение австралийцы, понимающие необходимость сохранения и показа культурного и исторического наследия страны, объединились в сплоченную лоббистскую группу, к которой правительство не могло не прислушаться. Число друзей Национального музея бурно росло, со всех сторон в правительство шли письма от добровольцев. Выступления в защи-

ту Национального музея проходили повсеместно, и группа его друзей надеется, что правительство пересмотрит свое решение.

Члены федерации совместно с работниками музеев (хранителями, реставраторами, сотрудниками просветительных отделов и т. д.) проводят конференции, разрабатывают учебные программы, обращаются к федеральному правительству и правительствам штатов с просьбами о расширении финансирования на постоянной основе, что особенно важно в свете возросших в последнее время финансовых трудностей.

Организация в 1972 году Австралийской федерации друзей художественных галерей и музеев явилась результатом участия Патона Форстера в Барселонской встрече, предшествовавшей созданию Всемирной федерации друзей музеев. Австралийская национальная федерация друзей музеев была одной из первых в мире. По ее инициативе в рамках ВФДМ стала осуществляться взаимовыгодная программа обменов.

Являясь членами ВФДМ, мы поддерживаем прочные связи с нашими коллегами в других странах и принимаем активное участие в проходящих раз в три года конгрессах. На конгресс, который состоится в апреле 1990 года в Кордове, мы предполагаем послать большую делегацию.

В Австралийскую федерацию друзей художественных галерей и музеев входят и небольшие группы, и общества, насчитывающие до двадцати тысяч человек; члены нашей федерации есть и в Новой Зеландии. Федерация помогает новым группам друзей музеев советами и предоставляет им различную информацию. Начинают вести активную работу и отделения федерации в штатах, растет число их членов.

В федерации нет оплачиваемых сотрудников — все работает на добровольных началах. Членские взносы невелики, поскольку собранные членами организации средства в первую очередь предназначаются для тех учреждений, друзьями которых они являются. Входящие в федерацию более крупные общества щедро помогают небольшим группам, поддерживают развитие музейного дела в городах и поселках, предоставляя печатное оборудование, оплачивая организационные расходы, почтовые и телефонные услуги. Они также организуют семинары, столь необходимые новым членам организации, еще не знакомым с ее деятельностью.

В заключение следует сказать, что Австралийская федерация друзей художественных галерей и музеев постоянно расширяет свою деятельность в области культуры и стремится укреплять связи и обмен информацией между большими и малыми музеями и галереями и оказывать им поддержку. ■

Пекин

По количеству населения Китай занимает первое место в мире. Это страна древней культуры и богатой событиями истории. Стремясь приобрести большую известность, столичные китайские музеи ведут активную работу с населением, а также занимаются анализом и переоценкой своих целей и подходов.

В 1987 году, чтобы поднять интерес населения к музеям, в Пекине организовали широкую информационную кампанию и конкурс. Результатом их проведения явилось резкое увеличение числа посетителей музеев. В публикуемой ниже статье рассказывается об этом интересном эксперименте.

На сотрудников журнала "Museum", посетивших Пекин в марте 1989 года, произвели сильное впечатление особенности повседневной жизни музеев города, и в том числе то, как складываются отношения между музеями и широкой публикой. Мы надеемся, что фотоочерк на тему «Один день из жизни музеев Пекина» (см. 4-ю страницу обложки) даст читателям некоторое представление о пекинских музеях.

Городской конкурс «Знакомьтесь с музеями и достопримечательностями»

Ци Цзисян
(Qi Jixiang)

Член Постоянного совета Ассоциации музеев Пекина, руководитель отдела по связям с общественностью в Историческом музее. Принимал участие в организации конкурса «Знакомьтесь с музеями и достопримечательностями».

Цинь Бэйе
(Qin Beiyue)

Редактор бюллетеня китайских музеев. Принимал участие в организации конкурса «Знакомьтесь с музеями и достопримечательностями».

В Пекине насчитывается около семидесяти музеев (исторических, художественных, музеев науки и т. д.), а также исторических и памятных мест. В них хранятся богатые коллекции, включающие ценнейшие предметы материальной культуры, документы и образцы. Пекинские музеи вызывают большой интерес как у иностранцев, так и у жителей страны, в год их посещает несколько миллионов человек. Чтобы еще больше поднять престиж пекинских музеев и увеличить их посещаемость, было решено провести среди населения конкурс под названием «Знакомьтесь с музеями и достопримечательностями».

Конкурс проводился поэтапно с января по сентябрь 1987 года Ассоциацией музеев Пекина при участии сотрудников музеев, работников просвещения, а также средств массовой информации и Союза молодежи.

Принимались различные меры для привлечения в музеи самых широких слоев населения, например распространялись билеты по значительно более низким ценам, а с учащимися начальных и средних школ в большинстве музеев плата за вход вовсе не взималась. После объявления о предстоящем конкурсе в музеи стали приходить люди, собиравшиеся принять в нем участие и считавшие полезным предварительно познакомиться с экспонатами. Нас особенно поразили молодые супруги, которые вместе со своим пятилетним ребенком посетили все тридцать учреждений, входивших в программу конкурса. Они проводили в музейных залах все свободное время — выходные и праздничные дни и даже обеденные часы.

В период подготовки к конкурсу в музеях Пекина значительно возросло число посетителей.

Объявление конкурса

Первым шагом в проведении конкурса было распространение среди населения подробной информации о музеях. С этой целью две местные газеты еженедельно отводили по целой полосе для материалов о музеях. В общей сложности они заняли пятьдесят полос. Авторами публикаций являлись директора и работники всех музеев города. В написанных ими небольших популярных статьях давалась фактическая информация и обсуждались темы, способные вызвать у читателей интерес к музеям. Более того, в музеях открылись временные пункты по продаже газет, их обслуживали специально выделенные сотрудники.

Вопросы конкурса

Конкурс проходил в три тура: начальный, промежуточный и заключительный. В первом туре участники должны были в течение пятидесяти пяти дней ответить на вопросы, опубликованные в газетах (с 9 июля, когда были объявлены вопросы, до 5 сентября, последнего дня конкурса). Получив почти десять тысяч листов с ответами, мы отобрали для промежуточного тура шестьдесят человек. Им были предложены устные вопросы, и шестеро победителей вышли в финал.

В первом туре конкурса надо было ответить на сто вопросов, разделенных на две группы. В первую группу входили вопросы по музеологии и музеям,

У столика консультанта.

«Что же представляет собой самый большой травоядный динозавр?»

например: как определялись цели музеев в уставе ИКОМ, принятом на его Одиннадцатой генеральной конференции? Сколько музеев насчитывалось в конце 1986 года в Китае? Сколько музеев в Пекине? Среди вопросов второй группы, касавшихся главным образом коллекций музеев, были такие: какой комплект почтовых марок, выпущенных в Китае и хранящихся сейчас в Национальном музее филателии, является самым старым? Что представляет собой самый большой травоядный динозавр из коллекции Пекинского музея естественной истории?

Некоторые вопросы требовали обращения к справочникам, однако большинство ответов можно было найти в опубликованных газетами статьях. Поскольку наша цель заключалась в том, чтобы привлечь людей в музеи, мы подготовили такие вопросы, на которые было не слишком трудно ответить.

Во время проведения конкурса музеям пришлось работать особенно интенсивно. Резко возросло число посетителей. Они бродили по залам с вопросом в руках, иногда обращались за консультациями к сотрудникам. Некоторые звонили по телефону. Посетители заполнили даже музеи, расположенные в отдаленных районах города и, как правило, относительно мало посещавшиеся.

Музеи прилагали все силы, чтобы справиться с потоком посетителей. Так, в некоторых учреждениях увеличили число дежуривших в залах консультантов, которые подробно рассказывали об экспонатах, упоминавшихся в вопросах. В ряде музеев подготовили письменные ответы на вопросы конкурса, связанные с их специализацией, раз-

множили их и раздали сотрудникам, с тем чтобы каждый из них мог дать по телефону необходимую информацию.

«День консультаций»

Чтобы привлечь как можно больше людей к участию в конкурсе «Знакомьтесь с музеями и достопримечательностями» 18 июля 1987 года был проведен «день консультаций» в следующих пекиньских музеях: Историческом музее, Художественной галерее, Дворце культуры национальностей, Музее древних колоколов (в Великом храме колоколов) и Мемориальном музее Сюй Бэйхуна (известного на Западе как Жю Пэон) — замечательного художника, обучавшегося в Париже и соединившего в своем творчестве национальные художественные традиции с достижениями европейской живописи. В «дне консультаций» участвовали члены Консультативного комитета конкурса.

На консультации пришло около двадцати тысяч человек. Среди них были ученики начальных и средних школ, рабочие, служащие, солдаты, причем не только пекинцы, но и жители других провинций Китая. На их вопросы в каждом музее отвечали четыре-пять специалистов. Дополнительным стимулом для посещения музеев явилась отмена в этот день платы за вход, и вокруг столика каждого консультанта стояла плотная толпа людей, многие из которых держали в руках листки с вопросами. События «дня консультаций» широко освещались по радио и телевидению.

«День консультаций» сыграл большую роль в проведении конкурса. Од-

Все иллюстрации предоставлены Чжан Цзиньвэем.

«Сколько в Китае музеев?»

ним участникам он помог найти правильные ответы, а другим — обнаружить ошибки в уже отосланных ими вопросниках; кое-кому по их просьбе даже вернули листки для исправления. В «дне консультаций» принимали участие целые семьи, и позднее каждый член семьи посылал свои ответы. Важным моментом было и то, что в этот день посетители получили возможность обсудить некоторые вопросы как друг с другом, так и с музейными работниками.

Заключительный тур в прямом эфире

Вечером 21 сентября в большом зале Исторического музея в праздничной обстановке состоялся заключительный тур конкурса. Он транслировался по телевидению в прямом эфире. Как уже говорилось выше, для участия в нем было отобрано шесть человек: работница фабрики, два преподавателя и три ученика средней школы. Среди публики в зале находилось много музейных сотрудников и ученых.

Финал проходил оживленно, правильные ответы вызвали громкие аплодисменты. Люди, сидевшие перед телевизорами дома, проверяли свои знания, стараясь ответить на вопросы, которые задавали конкурсантам. После целого часа борьбы определился победитель конкурса, получивший первую премию. Остальным финалистам вручили две вторые и три третьи премии, а всем участникам второго тура — по-

ощрительные премии. Было также присуждено пять командных призов.

Кто же занял первое место? Та самая молодая женщина, которая вместе с мужем и пятилетним ребенком посетила тридцать пекинских музеев. Жун Сюся работает на фабрике № 9 Пекинской транспортной компании. Говорят, что еще до начала конкурса она не сомневалась в своей победе.

Победители получили разнообразные призы и сувениры, в том числе медные монеты, изготовленные в период династии Цин, иллюстрированный альбом по истории Пекина, а также магнитофоны, электронные музыкальные инструменты, радиоприемники. Часть призов была закуплена правительством, другие подарены различными предприятиями.

Конкурс позволил многим жителям и гостям Пекина познакомиться с музеями и достопримечательностями города. Люди, относящиеся к различным социальным слоям (и что особенно важно, молодежь), многое узнали о музеях, памятниках и исторических событиях и осознали их ценность. Некоторые обозреватели писали, что участники конкурса составляли своего рода гигантский учебный класс и что подобное мероприятие является прекрасным способом активного и наглядного распространения знаний. Благодаря конкурсу значительно вырос престиж музеев. Что касается сотрудников этих учреждений, то они смогли понять, как велико значение проводимой ими работы и какая ответственность лежит на них. ■

Шесть финалистов. Первая справа
Жун Сюся, получившая первый приз.

На разные темы ...

На Шестнадцатой генеральной ассамблее Международного совета музеев (ИКОМ), проходившей в сентябре 1989 года в Гааге, новым президентом этой организации был избран Альфа Умар Конаре. Срок его полномочий три года. Впервые президентом ИКОМ стал представитель развивающейся страны. Альфа Умар Конаре был министром культуры Мали, он также является создателем Национального музея в Бамако. Предлагаем нашим читателям интервью с ним.

Новый президент ИКОМ Альфа Умар Конаре дает интервью журналу "Museum"

"Museum": Несомненно, что перед Международным советом музеев, организацией, объединяющей и представляющей музеи мира, стоит немало проблем. Какие из них Вы считаете главными?

Альфа Умар Конаре: ИКОМ должен учитывать существующие между народами и культурами различия и в соответствии с пожеланиями его основателей идти по направлению к универсальности, всеобщности, проявляя большую открытость по отношению к неевропейским обществам.

Перед ИКОМ стоит также проблема сохранения старых и привлечения новых членов. Ее надо решать путем демократизации всех органов ИКОМ, постоянного поддержания их высокого профессионального уровня.

Некоторые наши программы не выполняются как из-за недостатка финансовых средств, так и из-за отсутствия четкого координирования, методичности и контроля.

"Museum": Что Вы собираетесь предпринять для решения существующих проблем? Как Вы представляете в связи с этим общие направления деятельности организации и конкретные меры?

А. У. К.: Мы будем руководствоваться новой программой работы организации на 1989—1992 годы, которая, как мне кажется, выведет нас на правильный путь.

Кроме того, будут составляться ежегодные программа и бюджет, и мы намереваемся неукоснительно выполнять их в соответствии с нашим Кодексом профессиональной этики в духе коллегиальности. Мы ставим своей целью обеспечить распространение информации на всех уровнях, добиться признания правомочности того, что между нами существуют различия. Мы стремимся сделать нашу организацию постоянным форумом профессиональных обменов самого высокого уровня, чтобы дискуссии во всех органах ИКОМ были более открытыми и демократичными и все мы более терпимы и уважительно относились друг к другу.

Наша организация нуждается в дальновидной и гибкой финансовой и

All Photos © Fotobureau Meijer Den Haag

экономической политике, источником финансирования должны быть не только членские взносы и субсидии.

В новой программе определены направления деятельности организации: осуществление проектов, соответствующих профессиональным целям и этическому кодексу ИКОМ; более регулярный выпуск публикаций, рассказывающих о деятельности наших международных комитетов, нуждающихся, кстати, в поддержке и укреплении; дальнейшее совершенствование Центра документации ЮНЕСКО—ИКОМ, и сейчас отвечающего высоким требованиям и всегда готового оказывать профессиональные услуги; организация профессиональных семинаров и налаживание более тесных повседневных обменов; децентрализация и усиление региональной деятельности в разных частях мира; равноправное ис-

На Шестнадцатой генеральной конференции ИКОМ в Гааге (1989 год): Альфа Умар Конаре, избранный президентом ИКОМ, и Генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор.

пользование двух рабочих языков организации — английского и французского, при усилении роли испанского. Мы должны завязать диалог с национальными профессиональными организациями и попытаться помочь музеям мира в решении их проблем.

Мы считаем, что должны проявлять солидарность, и в первую очередь по отношению к тем, кто особенно нуждается в ней.

1. См. следующую статью.— Прим. ред.

Автопортрет

“Museum”: Господин Конаре, расскажите, пожалуйста, о себе. Как произошло, что Вы стали интересоваться музеями?

А. У. К.: Самым большим увлечением моей жизни является изучение различных культур и народов, я испытываю огромный интерес к людям и горячую любовь к Африке, к Мали. Я хочу быть самим собой, выполнять свои обязанности, достойно прожить свою жизнь. Мой отец был школьным учителем, я вырос в большой африканской семье.

“Museum”: Вы первый из африканцев стали президентом ИКОМ. Что Вы при этом чувствуете? Что означает для Вас избрание на пост президента?

А. У. К.: Большую ответственность, которую я возложил на себя добровольно. Я полон веры в человечество и намереваюсь до конца выполнить взятые обязательства.

“Museum”: А что Вы скажете относительно сотрудничества ИКОМ с ЮНЕСКО? Какие первоочередные задачи и направления в этом сотрудничестве Вы хотели бы выделить?

А. У. К.: Мы считаем, что сотрудничество с ЮНЕСКО необходимо нашей организации, и хотим, чтобы между нами всегда были самые лучшие отношения и царило полное доверие. Мы намереваемся и в дальнейшем играть

роль советника, возложенную на Международный совет музеев еще в 1946 году. Мы всегда будем источником новых идей, «кузницей» профессионалов. ИКОМ будет оказывать ЮНЕСКО поддержку в осуществлении его программ, в частности связанных со Всемирным десятилетием развития культуры. Мы будем также укреплять связи с другими организациями, которые руководствуются теми же принципами, что и ЮНЕСКО, и имеют отношение к наследию, в частности, с ИКОМОС и ИККРОМ.

“Museum”: А с нашим журналом, с “Museum”?

А. У. К.: “Museum”! “Museum” — это моя главная забота. Я буду служить журналу и помогать ему всеми возможными способами.

“Museum”: Господин президент, что будут представлять собой музеи в конце двадцатого столетия? И каким будет ИКОМ в 2000 году?

Укреплять солидарность

А. У. К.: Все наши усилия должны быть направлены на спасение культурного и природного наследия. Музеи всегда будут стремиться к тому, чтобы отвечать современным требованиям в отношении сохранения наследия и соответствующим образом воспитывать поколения, которые придут нам на смену. Мы должны быть готовыми к

вопросу о том, что же такое музеи, и к требованию расширить само понятие «музей» путем более широкого использования аудиовизуальных средств, других средств коммуникации и новых технологий. Без сомнения, будет выдвинуто решительное требование «сделать музеи более гуманными» и включить их в социальное развитие как своего рода «социальное оружие». И мы станем свидетелями появления у музеев множества новых партнеров, требующих большего участия, большей солидарности и расширения обменов. Что касается ИКОМ 2000 года, то я надеюсь, что он будет в одно и то же время единым и многогранным, сохранит свой высокий профессионализм и требовательность, еще большую солидарность. ■

Решающий момент! Бывший президент ИКОМ Джеффри Льюис и Генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор у стенда журнала “Museum” (Гаага, 1989 год). Подпишутся они на “Museum” или нет?

Где можно получить информацию о музеях, памятниках и исторических местах? Центры документации ЮНЕСКО-ИКОМ и ЮНЕСКО-ИКОМОС

Центры документации ЮНЕСКО-ИКОМ и ЮНЕСКО-ИКОМОС

Названия ИКОМ и ИКОМОС довольно часто встречаются на страницах нашего журнала, и многие читатели уже пользовались информацией, которую предоставляют эти две организации. Но встает вопрос, как они предполагают помогать международному музейному сообществу? Какие ресурсы могут использовать? Что стоит за их акронимами? Цель данной статьи — рассказать о том, какие услуги оказывают музейным работникам, и в том числе читателям журнала "Museum", центры документации ЮНЕСКО-ИКОМ и ЮНЕСКО-ИКОМОС. Оба центра занимаются сбором и распространением информации о «движимом и недвижимом культурном наследии» во всем мире, но важно знать, как они функционируют.

В общем и целом эти два центра дополняют друг друга, хотя неизбежно определенное дублирование в их работе. Некоторые сложные вопросы могут потребовать участия обоих центров, но в большинстве своем они подпадают под две легко различимые категории. В центр документации ЮНЕСКО-ИКОМ следует обращаться с вопросами, касающимися *музеев*, в центр документации ЮНЕСКО-ИКОМОС — относительно *памятников и исторических мест*, а чтобы получить ответ по таким темам, как «музеи в исторических зданиях» и «музеи в исторических местах», потребуется обратиться в оба центра (или посетить их). Осуществляющееся сейчас сотрудничество между двумя библиотеками — и особенно создание совместной библиографической базы данных — облегчило положение, но не ликвидировало необходимости обращаться и в ИКОМ, и в ИКОМОС, поскольку информация сосредоточена в различных местах.

*Каталоги,
периодические издания,
слайды...*

Материалы, которыми обладает ИКОМ, позволяют выдавать сведения по всем аспектам, связанным с музеями и музееведением в разных странах мира. В центре документации ЮНЕСКО-ИКОМ имеется около 3500 монографий (в том числе свыше трехсот справочников по музеям) и свыше пятисот наименований периодических изданий, получаемых на регулярной основе. Кроме того, центр располагает почти 35 тысячами каталогов выставок и значительным количеством материалов по техническим вопросам. Преобладают издания на английском, испанском, немецком и французском языках, но пользователи обслуживаются и на девятнадцати других языках (в том числе на китайском, русском и японском).

В ИКОМОС хранится около десяти тысяч библиографических единиц (монографии, опубликованные и неопубликованные отчеты, технические исследования и диссертации), а также около 330 наименований периодических изданий и около восьми тысяч слайдов и досье по культурным ценностям, включенным в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. При обслуживании центром документации ЮНЕСКО-ИКОМОС представителей разных стран, занятых сохранением, консервацией, реставрацией и использованием архитектурного наследия, существенное значение имеет многоязыковый подход.

Оба центра предоставляют информацию, пользуясь компьютеризованной системой хранения и поиска, которая содержит библиографические данные об имеющихся в двух библиотеках документах, опубликованных после 1981 года². В нее включены 22 404 библиографические справки³. 12 224

Сюзанна Питерс, Шанталь Фуке¹
(Susanne Peters, Chantal Fouquet)

внесены ИКОМ и 10 180 — ИКОМОС (1410 из них составляют вспомогательную базу ИКОМОС, касающуюся Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия). Система обеспечивает наилучшие возможности для работы с литературой о культурном наследии в международном масштабе. В свою очередь эта база данных заложена в главный компьютер ЮНЕСКО и, используя программное обеспечение CDS/ISIS, можно в любом из центров получить консультацию по вопросам, касающимся как их обоих, так и каждого в отдельности.

База данных ИКОМ-ИКОМОС выполняет две основные функции. С одной стороны, она служит своего рода традиционным библиотечным каталогом, открывающим доступ к обеим коллекциям по таким данным, как автор, название, предмет. С другой стороны, она позволяет с наименьшими затратами труда составлять обширные библиографии по огромному числу различных тем. Использование этой гибкой системы значительно облегчает поиск материалов, запрашиваемых отдельными исследователями; теперь — в отличие от докомпьютерных времен — не требуется выполнять трудоемкую работу по составлению общих списков. Итак, выдача библиографических справок является одной из самых важных и наиболее часто предоставляемых

1. Авторы являются руководителями соответственно центров документации ЮНЕСКО-ИКОМ и ЮНЕСКО-ИКОМОС.

2. В настоящее время с помощью Фонда Поля Гетти полным ходом идет работа по включению в базу данных сведений обо всех материалах, хранящихся в центре документации ЮНЕСКО-ИКОМ. Она завершится к концу 1989 года, и база данных пополнится примерно тридцатью тысячами библиографических справок.

3. Данные на 15 января 1989 года.

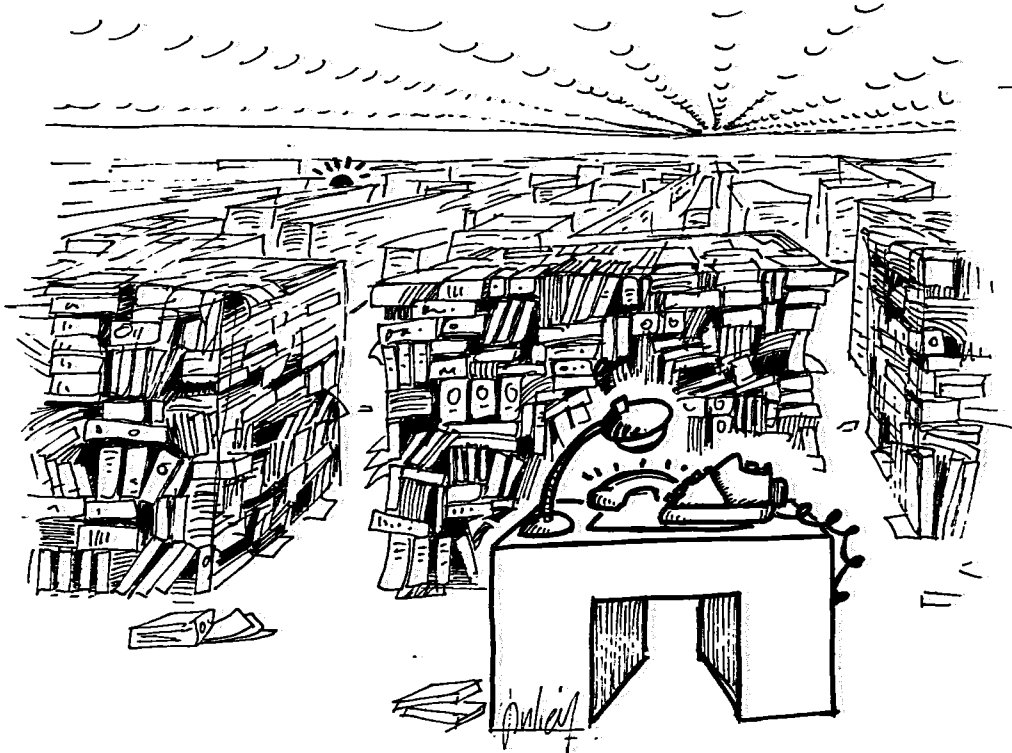

Рисунок Жюльена.

центрами услуг. Справки в форме бумажной распечатки пока выдаются бесплатно не только членам ИКОМ, ИКОМОС, сотрудникам ЮНЕСКО, но и всем желающим. Однако изготовление фотокопий и их рассылка входят в разряд платных услуг.

Еще одним материалом библиографического характера являются журналы, издаваемые ИКОМ и ИКОМОС. В каждом номере "ICOM News" печатается список наиболее значительных новых публикаций с краткими аннотациями; ежеквартальное издание "ICOMOS Information", помимо постоянной колонки «Новые книги», предлагает читателям снабженный рецензиями указатель интересных новых книг и статей в периодической печати.

Центр документации ЮНЕСКО-ИКОМ располагает самым полным в мире собранием литературы по музейному делу, что позволяет выпускать ежегодный библиографический справочник "International Museological Bibliography", а также более краткий библиографический указатель "Basic Museum Bibliography", не являющийся периодическим изданием. Центр документации ЮНЕСКО-ИКОМОС, пользуясь своей уникальной коллекцией, составляет полные библиографии по четырнадцати областям исследований, которыми он занимается⁴.

Центры предоставляют фотокопии документов, если они располагают такой возможностью и если это допускается в рамках международного законодательства об охране авторских прав. В противном случае дается подробная информация о том, как можно приобрести или каким-либо другим путем получить необходимые публикации.

Неограниченный доступ

Оба центра оказывают еще одну важную услугу — сообщают адреса, телефоны, фамилии руководителей тех или иных организаций, учреждений, служб. Эти данные подбирают, пользуясь документами самого различного характера, или получают по неофициальным каналам каждого центра, например через соответствующие национальные и международные комитеты.

Центры ведут систематическую работу по поиску, сбору и распространению информации, которую нельзя почерпнуть в библиографических изданиях, имеющихся в продаже. В качестве примера можно привести Список всемирного наследия, составляемый ИКОМОС, и справочники по музеям Африки и Азии, подготовленные и дополняемые центром документации ЮНЕСКО-ИКОМ.

Оба центра обслуживают международное сообщество, поэтому основная часть информации распространяется по почте, передается по телефону, телексу или телефаксу. Однако возможности обоих центров используются и при регулярных посещениях их членами (и будущими членами) ИКОМ и ИКОМОС, сотрудниками ЮНЕСКО, исследователями из различных учреждений и другими заинтересованными лицами. В настоящее время никаких ограничений доступа в центры не существует, но требуется предварительная устная или письменная договоренность, поскольку число мест в читальных залах ограничено.

Центры документации ЮНЕСКО-ИКОМ и ЮНЕСКО-ИКОМОС сталкиваются в своей работе с трудностями бюджетного характера (в какой-то степени они связаны с нашими успехами), но мы надеемся преодолеть их в не очень далеком будущем. Сле-

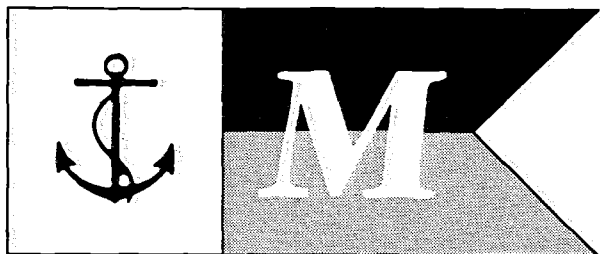
дует подчеркнуть, что мы внимательно и заинтересованно относимся к обслуживанию наших пользователей, хотя на подготовку ответа порой затрачивается немало времени; иногда нам требуется дополнительная информация от автора запроса. Мы благодарны за любые замечания о работе обоих центров и предложения, поступающие от наших пользователей. В центре документации ЮНЕСКО-ИКОМ висит объявление, которое гласит: «Если Вы довольны нашей работой, скажите об этом Вашим коллегам; если же — нет, то сообщите нам!». Хорошее обслуживание зависит как от нас, так и от тех, кто пользуется нашими услугами. Чем более обстоятельно и точно сформулирован Ваш запрос, тем эффективнее и быстрее мы сможем на него ответить.

Сообщаем адреса и телефоны центров документации ЮНЕСКО-ИКОМ и ЮНЕСКО-ИКОМОС:

The Unesco-ICOM (International Council of Museums) Documentation Centre, 1 rue Miollis, F-75732 Paris Cedex 15 (France). Telephone: (33—1) 45.68.28.50; Telefax: 43.06. 78.62; Telex: Unesco 270 602/204 461.

The Unesco-ICOMOS (International Council on Monuments and Sites) Documentation Centre, 75 rue du Temple, F-75003 Paris (France). Telephone: (33—1) 42.77.35.76 (same number for telefax); Telex: 240918 TRACE F Ref. 617.

4. Жилища, промышленная архитектура, местная национальная архитектура, наскальное искусство, дерево, подготовка кадров, археологические места, инвентаризация, исторические парки, сейсмические районы, фотограмметрия, камень, культурный туризм, исторические города.

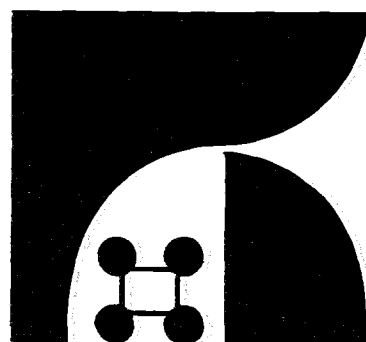

В следующем номере

fm

Очередной номер журнала "Museum" (№ 166) будет своего рода кругосветным путешествием на тему «Музеи портов» с остановками для осмотра музеев в таких городах, как Бат (штат Мэн, США), Берген (Норвегия), Росток (ГДР), Салвадор (Бразилия) и Вальпараисо (Чили). Не забыто и речное судоходство — мы посетим речной музей в Шатонёф-сюр-Луар (Франция) и Музей озера Леман в Нионе (Швейцария). Наше путешествие предусматривает также короткое знакомство с деятельностью Международного конгресса морских музеев.

Музеи портов... Они представляют интерес для моряков — независимо от того, где они несут свою вахту, — и, конечно же, для музейных работников. Это вариации на одну тему, которые, как можно судить по воспроизведенным здесь эмблемам, вызывают различные ассоциации.

MUSEES YON

